

ОСТРОВ АКСЕНОВ

Василий АКСЁНОВ

КЕСАРЕВО СВЕЧЕНИЕ

Василий Павлович Аксенов

Кесарево свечение

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=290882
Кесарево свечение: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-32757-7*

Аннотация

В романе Василия Аксенова «Кесарево свечение» действие – то вполне реалистическое, то донельзя фантастическое – стремительно переносится из нынешней России в Америку, на вымышленные автором Кукушкины острова, в Европу, снова в Россию и Америку. Главные герои – «новый русский» Слава Горелик, его возлюбленная Наташа и пожилой писатель Стас Ваксино, в котором легко угадывается автор.

Содержание

Часть I	4
Вездеход	4
Гусь-Под-Зонтиком	7
Здрав штаны, бежать за комсомолом	11
Рассейся, мой бедный народ!	18
Часть II	23
Кстати о человечестве	23
Одинокий Стас Ваксино	26
Пинкертон	29
Девушка из «Четырех сезонов»	33
Сестры О	36
Часть III	41
Блюз 116-го маршрута	41
Под оранжевой лампой	55
Fax for M.F	60
Часть IV	68
Атеистический астеник	68
«Малые триумфы»	71
Звезда «Нарвских ворот»	76
Часть V	86
Горе, гора, гореть	86
Действующие лица:	86
Акт первый	86
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Василий Аксенов

Кесарево свечение

Памяти Ивана посвящается

Часть I

Вездеход

Ну, с чего начнем? С диалога, что ли? Почему бы нет? Немалые ведь вещи начинались с диалогов. Вспомним что-нибудь нетленное? «В ворота гостиницы губернского города Эн-Эн въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка...» И далее, в первом же абзаце, следует ни к чему не обязывающий диалог двух русских мужиков. В этом же абзаце мужики пропадают, чтобы никогда уже на страницах поэмы не появиться. Что из этого следует? Диалог возник просто для разгона, и результат получился замечательный: эва как бричка-то раскатилась, вихревой обернулась метафорой, «птицей-тройкой»!

Ничто не помешает нам собезьянничать, ни единый моралист! Итак, новенький, но уже сильно заляпанный вездеход «Нива» безнадежно буксовал в непролазной грязи на Энской лесной дороге. Теперь – диалог двух русских мужиков.

– Славка, куда ты зарулил? Тут уж и дух-то нерусский, и Русью тут не пахнет!

– По карте рулю. Ты карту читать умеешь? Видишь, пунктиром указано – пятнадцать км до дороги областного значения.

– Мы тут завязнем. Ты куда-то к половцам зарулил, к печенегам, в лучшем случае к веспам каким-нибудь, которые на барсучьем языке объясняются. Мы тут завязнем на хер и даже помощи не сможем попросить, je crois! На фиг ты с бетонки свернул?

– Вот уж не думал, что ты такой паникер, Герка! Знал бы, что ты такой паникер, лучше бы один поехал. Погоди, не надо толкать, не вылезай. Я ее сейчас раскатаю, сама, гадюка, потянет.

– Ни фига она не потянет. Ее засасывает. Болотные губы уже чавкают ее резиной! Мы с тобой в необитаемый край заехали. Что там такое клычет-то, клычет, вопиет? Что за мразь какая-то подхохатывает?

– Да просто волки стонут, Герка, не психуй. На волчью свадьбу мы с тобой ненароком заехали, только и всего. Ну, видишь – вытянула! Едем!

– Едем, но куда? В какой-то антимира въезжаем, Славка!

– Ты же знаешь, это спецзона. Мы тут восемьдесят км срезаем.

– Ты тут восемьдесят кг срежешь, лишишься товарища. Давай лучше повернем обратно.

– Ну, вот сейчас мы уже тонем. Но медленно. Одно колесо еще держится. Есть время осмыслить ж.п.

– Je n'sait pas ce que sa veut dire² – жопа, что ли?

– Жизненный путь. Давай, Герасим, вытаскивай царубийственный кинжал, будем ветки резать. Давай, включай в. к ж.!

– Волю к жизни, что ли?

¹ Я думаю (фр.).

² Я не знаю, что это значит (фр.).

Теперь по законам темпоритма мы должны диалог этот прервать и представить читателю двух этих, неизвестно откуда взявшихся, героев. Что мы и делаем.

Два молодых москвича, лет, скажем, 26–27, Мстислав и Герасим, фамилии пока что неизвестны, рано утром покинули столицу и отправились на «Ниве», принадлежавшей их молодой капиталистической компании, куда-то на север, в какой-то город, то ли Кошкин, то ли Мышкин, а скорее всего, Гусятин, если следовать по пятам классической литературы 60-х. Что их туда понесло, пока неясно, но скоро выяснится, если все-таки выкарабкаются, ну а если не выкарабкаются, тогда и романа не получится.

На какой-то бензоколонке, где бензином уже полгода как не пахло, а пахло однозначно только говном, им повезло: остановился по большой нужде солдат с цистерной. Время было еще паршивое, но уже не совсем паршивое: народ начинал отвязываться в сторону рыночных отношений. Солдат налил им полный бак и канистру, а также продал секретную карту стратегических коммуникаций. «Вот по этому пунктиру, ребята, вы срежете восемьдесят км, а вот здесь, у памятника павшим, снова повернете на бетонку. Если тут ракетный батальон не потащится, до Гуся доберетесь еще засветло. Итак, три пачки «Мальборо» с вас, мужики прикольные». Им как раз и надо было добраться засветло к приходу в Гусятин теплохода «Михаил Шолохов», так что они посчитали этого солдата улыбкой судьбы. Увы, то, что тому на его «КрАЗе» казалось обычной пунктирной дорогой, для их «Нивы» обернулось ловушкой.

Измазанные болотной жижей, исхлестанные колючим кустарником, они теперь с каждой минутой понимали, что машину придется бросать и на ногах добираться за помощью. Над ними еще стояло светлое небо, но внизу, где копошились они, в буреломе уже собирался мрак. Чертова страна, чертовое болото, квашеная дрисня, так поносили они стратегическое пространство родины. Так тут и сдохнешь, на корм пойдешь лесной нечисти, и никто твои кости не найдет, пока не приплывут варяги следующего тысячелетия.

«Надо на дерево, что ли, лезть, может, увидим какую-нибудь вышку. Сейчас бы и лагерьной вышке обрадовался», – подумал Мстислав. Полезли, еще больше ободрались, ссадины жгли ладони. С деревьев открывалось одно лишь «зеленое море тайги».

Стояла сплошная тишина, если не обращать внимания на панический гомон насекомых. Вдруг из-за веток ели, смешанной с осиной, какое-то око взяло Мстислава под свой прицел. «Только не это», – похолодев, подумал он. Что «это», подумаем мы и не сможем пока что ответить. «Давайте-ка, пожалуйста, без этого, – пробормотал он кому-то. – Все, что угодно, но только не это, и не сейчас, и не здесь. Прошу и вас, и вас, только бы оно не увеличилось вдвое, а там и больше, только бы не поплыть пылинкой вокруг двойного зрачка».

Фу, какая лажа ошеломляет в экстремальных обстоятельствах. Ему стало стыдно. Око-то принадлежало еноту. Зверек проснулся и смущенно выглядывал из-за ствола осины. Глаз его не выражал ничего, кроме смущения засони. Неподалеку на другом дереве торчал запутавшийся в ветвях Герасим. Свисала нога в миссониевском носке и тимберлендовском ботинке.

– Видишь что-нибудь?! – крикнул Мстислав.

– Je ne vois rien,³ – откликнулся аристократ.

Тут рядом возник и бешено разогнался какой-то сатанинский свист. На помощь свисту пришел раскалывающий небо грохот. Над верхушками леса совсем неподалеку с кажущейся неторопливостью стала подыматься ракета. Зависнув на секунду как бы в раздумчивости, она приняла злодейское решение, после чего в клубах огня и пара устремилась в поднебесье. Исчезла. Приятели слетели вниз.

– Ты понял? Они близко. Пошли.

³ Ничего не вижу (*фр.*).

- Как бы они нас не прихлопнули.
- За что?
- За шпионаж.
- Пусть прихлопнут – все лучше, чем заживо всасываться.

Чтобы дальше не хлюпать по трясине, скажем сразу, что через четверть часа Герасим и Мстислав вышли на опушку, где расчет ракетчиков, только что совершивших злодеяние запуска, теперь оттягивался в перекуре. Не спрашивая, куда ракета полетела, в Брюссель или во Врангеля – полярное царство, наши путешественники предложили воинам ботл джина. Чудовищный тягач тут же развернулся и попер на выручку, ломая все, что попадалось на пути древесного. Не прошло и получаса, как злополучная «Нива» была поставлена на еще какую-то бетонку, даже не отмеченную в секретной карте. Еще через полчаса с косогора открылся перед Мстиславом и Герасимом вид на слияние больших чухонских рек и на древний город Гусятин, потом Краснознаменск, потом опять Гусятин, из центра которого торчала рука Ильича.

Гусь-Под-Зонтиком

Заложено было это поселение лет семьсот назад, то есть сравнительно недавно, хотя имелись сведения, что еще раньше, на пару-тройку веков, стояли тут башни князя Ботифана, которые тот оборонял от князя Псука. В те времена три основных потока омывали здешние берега – Шульяна, Жмель и Вольжа. Сейчас все три влились по-социалистически в основную артерию, что течет под именем Каспо-Балтийская Стрёма. Многое тут связывает русского человека с прошлым, даже с теми временами, когда и Руси-то как названия не существовало. Вот, например, пейзаж: уцелел, родимый! Все эти отдаленные взгорья, пологие скаты, шерстистые шубы лесов – весь этот оком, что сохранился в своей прозрачности, несмотря на близость страшного Комбината, – какой русский не почувствует тут хоть на минутку тихого нежного умиления? Или, например, странные местные чайки по прозвищу «жихи», что норовят подлететь втихомолку к проходящему человеку и жутко жихнуть над самым ухом; иностранец может от этого и сознание потерять, русский же человек лишь улыбнется и потрет себе ухо.

В принципе все пространство земли от чухны до чучмека звалось когда-то Путятей. Волоки, которыми тут промышляло население, дали еще одно – впрочем, спорное – название страны – Волочила. Древние деревни по всей округе носили странные императивные имена: Тащите, Ешьте, Ночуйте; в общем, в этом роде. Все советские ухищрения с названиями нынче отпали, да они и раньше не особенно процветали в этой местности. Мало кто из здешних трактористов говорил, скажем, «Похиляли, робя, в «Заветы Ильича», или в «Свет Октября», или в «Девятнадцатый партсъезд». В подпитии всегда всплывало исконное: «Айда, пацаны, в Тащите, к дояркам!» Или: «Эй, жми в Ешьте, там у Евдокии оттянемся!» А то еще: «Говорят, в Ночуйте политуру завезли»; ну и все такое.

Город Гусятин, или, в просторечии, Гусь (не Хрустальный, а натуральный), тут всегда высился над другими поселениями, как Париж высится над разными Нантами и Шартрами. Крупные купцы тут жировали весь прошлый век. Например, один такой Окоемов Илья отгрохал себе трехэтажный дом с колоннами. Брат его Фома до трех этажей не дотянул, но колонны себе поставил выше крыши. Предание гласит, что в 1888 году Илья Окоемов принимал у себя государя. Увидев Его Величество, Илья пал ниц и не мог подняться даже с помощью челяди. Подождав с полчаса, государь в раздражении покинул особняк и перешел через площадь к Фоме. Там играл оркестр и молодые купчихи приседали в книксенах. «Вот чего мы ждем от отечественного бизнеса», – якобы сказал А.А., хотя и не знал этого слова. У этого немца была русская пятка, в этом нет сомнения. Он заночевал у Фомы и уехал очень довольный, а братья потом целый день гонялись друг за другом с лопатами.

В память об этом историческом визите город решил воздвигнуть монумент; увы, как всем в этом городе известно, «благими намерениями вымощена дорога в ад». С царским монументом затащили, а потом пришлось сооружать монумент пролетарский, то есть Ленину В.И. Любопытно, что и в этом деле не обошлось без братьев Окоемовых. На сооружение гусятинского Ильича пошли с кладбища их мраморные памятники. Их измельчили в пульпу, а из нее уж и слепили фигуру Вождя.

Сейчас иногда звонят из областной администрации: когда стащите с пьедестала творца однопартийной системы, господу гусятинцы? Израильский тигр вам господин, а мы пока что и навсегда товарищи, так отвечают здешние борцы «красного пояса», своего культурного наследия не отдадим!

Мы пока еще не знаем, по какому побуждению пустились мы сейчас в эти исторические экскурсии, – может быть, что-то важное за ними стоит, а может быть, и просто так взяты,

для дальнейшего «разгона», во всяком случае, наших молодых героев они вряд ли заинтересовали. Их внимание было привлечено даже не к городу, а к текущей мимо него большой воде. Среди тусклого, но гипнотически манящего ее свечения медленно двигалось белое пятно теплохода. Похоже было на то, что он подойдет к городу не раньше чем через полчаса. Можно было не торопясь спуститься к Гусятину.

На окраине остановились у колодца, накачали в ведро какой-то илистой жидкости и попытались хоть слегка отмыть лица и башмаки от лесной стратегической дряни. Усилия друзей помогут нам так или иначе распознать в них молодых интеллигентов, в недавнем прошлом выпускников филологического факультета университета «Двенадцать коллегий», а упоминание филологии не даст нам теперь удержаться от применения излюбленного приема классической литературы, то есть от лирического отступления.

Знаете, люблю я эти захолустные городки по берегам Каспо-Балтийской Стрёмы! Даже писать о них приятно, не говоря уже о том, как приятно по ним прогуливаться или проезжать их дремотные улицы на малой скорости. Вот проплывают мимо покосившиеся домишки с резными наличниками. Проживать в них, наверное, противно, но проплывать мимо – одно удовольствие! Вот переходит дорогу утица с выводком. Сколько достоинства в этих наших русских животных! А вот и девчухи-хохотушки проскачут, прыснут при виде двух столичных парней, проезжающих мимо на грязном вездеходе, да тут же и засмущаются, застынут в унынии, всеми позами своими напоминая нашу грустную мелодию «Помню, я еще молодой была, наша армия в поход далекий шла». Сколько лирики, сколько чистоты! А вот и парк культуры появится – квадратный скверик с гипсовым хороводом под «голубем мира», с фанерным макетом крейсера «Аврора», признаться, довольно закоканным, с аттракционом «Полет в неведомое», описанным еще в 1967 году одним из мастеров мировой литературы. Сколько воспоминаний!

Мстислав притормозил, и оба друга замерли, не в силах отвести взглядов от фигуры аттракциона, похожей на смесь подъемного крана и птеродактиля.

– Не на этой ли птице катался в свое время Володя Телескопов, – пробормотал Мстислав.

– Не удивлюсь, если именно на этой, – хохотнул Герасим.

Ржавые стальные ноги поднимались из зарослей крапивы, лебеды и лопухов. Под кустом бузины мирно спал охламон, смотритель парка. Рядом с ним стоял открытый баул, заполненный складными зонтиками с кнопкой. Несколько слов об этих зонтиках. Среди засекреченной промышленности Стрёмы Гусятинский зонтиковый завод был лишь частично засекречен. Еще за несколько лет до перестройки предприятие стало выпускать складные зонтики с кнопкой по лицензии ФРГ. Вот этот сектор его деятельности как раз и был засекречен – крошечные, в ладонь длиной, предметики, которые от нажатия кнопки разворачивались над головой в надежный и эстетичный щит от экологически нечистых дождей. Купить эту продукцию можно было только по пропускам в партийных распределителях или за валюту, в широкую же продажу продукт не поступал, чтобы народ не разбаловался. Дело в том, что в ФРГ некоторые круги полагали, что их зонтики могут существенно повлиять на идеологический климат СССР, ну и вот соответствующие органы приняли соответствующие меры по предотвращению. В нынешнее время завод был, конечно, приватизирован, и зонтики хлынули на рынок. Их оказалось так много, что вскоре из-за постоянного недостатка нала они превратились в своего рода валюту Каспо-Балтийской Стрёмы. Ими нередко расплачивались на базарах. Кура, например, стоила три с половиной зонтика, связка лука – полтора. Таким образом, наш народ оказался не глупее фээргэшного. Вот и все, что мы хотели сказать по поводу зонтиков.

Путешественники вынули охламона из-под бузины. Крутили его и так и сяк – он не отбрасывал тени, словно Вергилий. Вдруг проснулся, и сразу тень выросла аж через дорогу до самого магазина. Дохнуло густым алкогольным опытом.

– Ты местный? – спросил его Мстислав.

– Нгкмдк, – утвердительно ответил охламон.

– Comment vous appelez vous, monsieur?⁴ – поинтересовался Герасим.

– Телескопов мое фамилие, – нгкмдкнул охламон. – Точнее – через черточку, Телескопов-Незаконный.

Следующий вопрос был задан уже на «вы»:

– К литературному герою имеете отношение?

– Прямое, – ответил человек. – Папашей мне приходится. Я тут на месте действия инструктором числился, а сейчас вот приватизировал это м.д. и стал владельцем. Покататься не желаете? Зонтиков купите?

Путешественники вернулись к непринужденной манере:

– Ладно, лох, берем твои зонтики, только если ты с нами на пристань поедешь.

Дважды просить себя сын исторического персонажа не заставил и немедленно забрался в «Ниву». Там он тут же обнаружил непочатую бутылку «Столицы». «Угощаете, милостивые государи?» И, не дожидаясь ответа, отвинтил.

– Что-то в нем есть от папаша, – сказал Герасим, пока тот булькал. – Но вот интересно, что в нем от мамыши?

Мстислав внимательно наблюдал Т.-Незаконного в зеркальце заднего вида.

– Скажи, друг, ты такого Налима знаешь?

Телескопов-Н., уже захорошев, пребывал в размягченном счастливом состоянии. Он, видно, с трудом верил своей удаче. Вот так лежишь весь день под вонючим кустом по месту приватизации, без надежд, без оптимизма, и вдруг тебя два симпатичных бандита вытаскивают наружу, сажают на мягкое, вливают крепкое, обещают денег; значит, можно и под кустом дожидаться справедливости. В ответ икнул:

– Нгкмдк, да кто ж его не знает, он же ж из нашенских, из Окоемовых! Гусенеанец!

– Герка, слышишь, как он говорит, – гусенеанец!

– Это по-римски, – пояснил Владимир. Да-да, конечно, он был Владимир, Владимир Владимирович.

– Опознаешь Налима? – спросил Мстислав.

Получив в ответ еще одну утвердительную полуотрыжку, они приблизились к пристани. К этому времени уже начал расцветать над просторами Стрёмы медлительный северный закат. «Михаил Шолохов» приближался к перекошенному и частично в мелководье затонувшему дебаркадеру. Теплоход этот своими гладкими боками мало напоминал знаменитого плагиатора советской литературы. Закат изящно, если не декадентно, отсвечивал в стеклах верхней палубы.

– Да вон как раз Налим и стоит наверху вместе с дамочкой, – показал В.В.

Указанный не то чтобы стоял, но как бы свисал, удерживаясь от падения в прибрежные воды путем обхвата стойки навеса. Гладкостью своих боков этот сильно нетрезвый пассажир как раз соответствовал теплоходу. Двубортный «Версаче» плотно обкладывал крупного, но с маленьким ротиком и щуплыми усиками – мужланища. Кто-то его метко в свое время прозвал Налимом – сущий налиим, господа, идет в наши сети. В.В. прокомментировал:

– Наверное, квасил Налим всю дорогу от Москвы в своем суперлюксе с дамочкой.

Мстислав и Герасим стояли потрясенные, однако не встреча с долгожданным Налимом потрясла их, а его спутница. Ведь это была не кто иная, как Маринка Дикобразова, их

⁴ Как вас зовут, месье? (фр.)

сокурсница по филфаку и третий, после них, член правления капиталистической компании «Канал». Собравшись брать Налима, они утаили это опасное дело от слабого пола и вот теперь не могли прийти в себя от изумления, увидев «княжну Дикобразову», как ее звали на факультете, рядом с бандитом. Да и не просто рядом стоят, а вроде как уже и породнились. Просим также обратить внимание на шиншилловую накидку. Уж наверняка Налим ее купил княжне в Нижних Горячах на международном аукционе. Хороша Маринка в этой накидке, ничего не скажешь! Так и хочется шепнуть Герасиму на ухо в гусарской манере: «Каков бабец, *bien faty et la beauté du diable!*»⁵ Однако остережемся – посмотрите, как он побледнел с выпяченным подбородком, как он бормочет сквозь зубы: «Экая гадина, никогда не прощу, *plus jamais!*»⁶ Мстислав между тем, положив другу локоть на плечо, тихонько насвистывает песню Городницкого «Предательство» и с тоской думает: неужели заложила нас Маринка Налиму, неужели и с ней придется разбираться, неужели вот это и есть капитализм?

Теплоход приближался, вместе с ним приближался и ненавистный Налим. Теперь уже можем рассмотреть в подробностях бухого, расслабленного, тяжелого, гладкого Налима. На правом борту с тысячного пиджака оборвана пуговица, левый борт вздут пузырем, поскольку пристегнут к жилетке. Палец Налима норовит пролезть Маринке меж ягодиц, однако ничего не получается – палец нерасторопен. Маринка, хохоча всем своим перламутром, стряхивает палец со своей крутизны, словно белого таракана. Уже слышен ее голос: «Что за шутки, месье? Совсем крыша поехала?» А у ноги негодяя стоит чемодан с кодированным замком – там, наверное, и лежат награбленные деньги.

⁵ Прекрасно сложена и дьявольски красива! (*фр.*)

⁶ Никогда больше (*фр.*).

Здрав штаны, бежать за комсомолом

Пока оба наши гуманитария гнали в Гусятин, они вполне отчетливо представляли себе технику намеченной операции. Едва только Налим ступит на варяжскую землю, а лучше всего еще на борту теплохода, к нему с двух сторон подойдут двое легконогих и мускулистых – примерно такие, как из фильма «Once upon a time in America».⁷

«С приездом, господин Налим! Необходимо побеседовать». Красные книжечки угрозыска вспыхнут в заплывших о. з. авторитета. Щелкнут наручники. Им нравилось наблюдать самих себя как бы со стороны в роли псевдоагентов, а на самом деле благородных гангстеров. Воровская эстетика раннего антисоциализма захватила и этих бывших филологов. Посмотрим и мы на них теперь как бы со стороны, прежде чем рассказать, как на самом деле все это обернулось.

Мстислав – а впрочем, давайте звать его просто Славкой – был похож на молодого Пастернака, то есть, по известному определению, напоминал одновременно и араба и арабского коня. Одним словом, было что-то в нем необъяснимо каталонское. При всем при этом он никоим образом не напоминал пастернаковского лирического героя. Трудно было его представить плачущим в зале концертной. С Брамсом он как-то не увязывался. В его движениях скорее угадывалась какая-то постоянно перемежающаяся синкопа. Вообще, при пастернаковской романтической неотразимости он обладал отчетливой прозаической отразимостью, то есть был готов ко всему. Такой Пастернак, пожалуй, не отказался бы от Нобелевской премии из любви к родине. К этому начальному и, как полагается нынче в прозе, довольно расплывчатому портрету добавим, что у Славки были совсем не пастернаковские, да и вообще не арабские, не каталонские, а сугубо нахальные светлые глаза, на правой же стороне виден был шрам, как будто за пару лет до этой встречи там прогулялась не очень хорошо отточенная бритва.

Тут он поворачивается к автору. «Это у меня от тюрьмы осталось. Только не надо преувеличивать, Стас Аполлинариевич, просто фурункулы вырезали».

Что касается «аристократа» Герасима, то он как раз аристократической внешностью не отличался, а если следовать за литературными героями, был вылитый Давид Бурлюк. Трудно сказать, решился ли бы он на манер футуриста разрисовать себе щеки птичками и кошками и прицепить к пиджаку пучок моркови, однако башка у него в соответствии с московским тусовочным «прикидом» была чуть-чуть подкрашена лиловым, а в левом ухе поблескивала серьга. Говорят, что иногда он появлялся в клубе «Белый таракан» с цилиндром на голове и с моноклем в глазнице, то есть, по всей видимости, он знал, на кого похож. Надо сказать, что, в отличие от исторического Бурлюка, этот псевдобурлюк никогда не стремился в лидеры, а, напротив, всегда искал, к кому бы прицепиться, чтобы не отстать от общего похода. В данном случае он с удовольствием шел на буксире у бывшего однокурсника.

В адрес автора он ограничивается лишь легкой улыбочкой и подмигом: «C'est la vie!»⁸

Чтобы завершить этот короткий экскурс в портретную галерею, добавим костюмы. Друзья были одеты одинаково в короткие кожаные «бомбовозки» и черные джинсы, то есть со стороны мало кто признал бы в них интеллектуалов, а уж скорей крутых парней из новой московской братвы.

Теперь коротко о сути дела. Кажется, уже давно, а на самом деле всего полтора года назад, в конце исторического 1991-го, два друга зачали «Канал» – коммерческую структуру с ограниченной ответственностью. С чем едят эту о.о., они плохо себе представляли, просто

⁷ Однажды в Америке (англ.).

⁸ Такова жизнь! (фр.)

здорово звучало в переводе на основной язык – Canal Company, limited, а потому сулило неясный, но манящий капиталистический расцвет. «Ты посмотри, mon cher, какие тупые комсомольские башки сейчас ворочают бизнесом – что же, мы их хуже, что ли?» – так вопрошал Герасим Мстислава. Последний, долго не задумываясь, скомандовал «Вперед!». Так вчерашние идеалисты-демократы, члены группы «Живое кольцо», круто вошли в клокочущий хаос первичного российского передела. Ходили слухи, что они каким-то образом вышли на тайный партийный источник денег «Боровое», однако подтверждений этому нет, и не исключено, что бизнес начался с обычной спекуляции. А что, собственно говоря, в первичном смысле представляет собой нормальный бизнес, если не вечную страшилую совдепа – спекуляцию? Купил дешевле, продал дороже – разве не на этом принципе стоит весь коммерческий расцвет? Так или иначе, «Канал» довольно быстро открыл в Москве несколько палаток по продаже оргтехники и тюбиков кетчупа, огромную партию которых им удалось купить на полузатонувшем в окрестностях Туапсе сухогрузе с подмоченной репутацией.

Однажды под утро в клубе «Белый таракан» друзья натолкнулись на подругу юности Маринку Дикобразову. Среди лирических разговоров выяснилось, что у девушки есть прямой выход на рынок видеокассет. Таким образом дуэт директоров расширился до триумвирата. Все трое кипели, бурлили, едва ли не отрывались от земли в те месяцы «золотой лихорадки». Прибыль тогда накатывала в «раблезианских», как они выражались, размерах. Казалось, что можно было уже подходить к реализации своего основного проекта.

Проект вообще-то носил филологический или, лучше сказать, завиральный характер, и связан он был с Крымским полуостровом. Отправились в Симферополь, и там в новом коммерческом клубе в таинственном полумраке идея была изложена собранию полукриминального комсомола и перестроившегося в рыночном духе партаппарата. Нужно перекопать перешеек и лиманы Сиваша большим судоходным каналом. Немедленно возникнет огромная прибыль, связанная с перегоном торговых судов напрямую из Одессы в порты Азовского моря. Но это не главное. Главное заключается в неожиданном геополитическом смысле. Полуостров превращается в остров. На этом острове может возникнуть независимое средиземноморское государство вроде Кипра. Защищенное водой от материка, это государство станет свободной офшорной зоной, процветающим гнездом нового бизнеса и демократии. А также гнездом великолепной демонстративной экологии, господ. Ведь здесь, в Крыму, господ, ваш коммунизм не успел еще все бесповоротно загадить. Прикроем никчемную промышленность и будем наслаждаться богатством и чистым воздухом.

Позднее Славка, Герка и Маринка, вспоминая об этом утопическом проекте, придут к выводу, что он поднялся из глубин их надорванного антисоветского подсознания. Идея отрыва куска от целого и превращения этого куска в нечто новое, цветущее и самостоятельное была сродни каким-то искусственным родам – своего рода кесареву сечению. Сейчас, впрочем, преждевременно развивать эту почти метафизическую тему. Будут ли они об этом вспоминать? Придут ли к какому-нибудь филологическому выводу? Не повлияет ли на них пристрастие к деньгам? Не превратятся ли они в акул какого-нибудь «уолл-стрита»?

Пока что загудели комсомольские башки, и без того уже помутневшие от бешеных баксов. Не прошло и получаса, как бизнес-клуб превратился в подобие репинского шедевра «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», только в данном случае сочинялось не менее дюжины писем в разные адреса. Тут же у стойки бара Мстиславу было предложено кресло президента Республики Крым, а Герасиму соответственно портфель премьер-министра. Затем начались клятвы в духе темной малины – на верность, на дружбу, на тайну. Зажженной сигаретой проверялась мужская стойкость. Пахло паленой шерстью. Нет-нет, такие мужики не прогнутся! Вот-с-тобой-я-пойду-в-разведку-а-вот-с-ним-я-не-пойду-в-разведку! Кое-кто уже предлагал расписаться кровью. Руки чесались испробовать недавно при-

обретенное огнестрельное оружие. Тут же шла страннейшая деятельность по инвестициям в этот мегапроект.

Мстислав и Герасим чувствовали, что влезли во что-то столь же бессмысленное, сколь и безобразное, однако и у них в тот год башки были не на месте – им тоже казалось, что среди всеобщей «отвязанности» нет ничего невозможного. Они инвестировали все, что нажили: три лимона баксов. Гордая идея почти сразу же протухла. В Симферополе шли бесконечные разборки вокруг приватизации санаториев. Бизнес-клуб не отвечал ни на звонки, ни на факсы. «Кажется, пропали наши три лимончика, Славик, Герочка», – вздохнула однажды княжна Дикобразова. «Не жалей», – погрозил ей пальцем Герасим и напомнил старую шутку с грузинским акцентом: «Что прогулял, о том не жалей, а то на пользу не пойдет!»

Вдруг все дело заново запылало ярким утопическим огнем. В Москву из Симфи прибыла делегация клуба «Баграм» – пятеро отлично тренированных «афганцев». У этих во главе угла, конечно, стояло счастье полуострова, а не мелкая личная выгода. «Вас, ребята, в бизнес-клубе хотели кинуть, – поведали они, – но мы кое с кем разобрались, и теперь все тип-топ. Пока что знайте: «Баграм» зачинателей крымской идеи в обиду не даст!»

Полетели все вместе обратно на будущую жемчужину Средиземноморья. В клубе «Баграм» их ждал банкет. Специальный самолет привез к столу несметное количество крабих лап с Камчатки. Столы были заставлены французским шампанским «Веув Кликуот» по 300 баксов бутылка. Оказалось, что уставный капитал «Канала» внезапно увеличился в шесть раз, да и вклад наших интеллектуалов непонятно каким образом вырос вдвое. Пили за Маринкины аристократические неотразимости, она понимающе улыбалась. Снова были клятвы в верности, в мужской дружбе и тайне. Пулеметчик-вертолетчик Никодим Дулин открыл на ноге вену и предложил всем желающим расписаться на историческом документе. Словом, лед тронулся и уже решено было, кому сколько надо занести и с кем выйти на стрелку.

И вдруг через месяц произошло разрушительное землетрясение. В Симфи для разработки системы охраны прибыл отряд из дружественной структуры ТНТ, что расшифровывалось как «Товарищество Надежных Телохранителей». Среди бела дня они окружили «Баграм», произвели там мощный взрыв тринитротолуола, а оставшихся в живых порешили автоматами, после чего забрали весь общак и в тот же день чартерным рейсом отбыли отдыхать на Канары. Единственный уцелевший «афганец», тот самый пулеметчик-вертолетчик Дима Дулин, запомнил, что во главе ТНТ стоял гладкий мужик, которого называли Налимом. Он поклялся достать эту рыбу, где бы она ни выплыла.

На этом мы завершим наш короткий экскурс в историю второй попытки капитализма в России. Пора подвести читателя к трепетному моменту встречи. «Шолохов» уже надвинулся, сильно надавил на гусятинский дебаркадер. В поле зрения наших «оперативников» остались только две пары туфель – мужские, сущие крокодилы, и женские, крокодиловые птички, да концы брюк гангстера, словно пожеванные каким-нибудь ветераном фауны.

– Ну, пора. А где его охрана, как ты думаешь?

– Черт его знает, – кажется, он без охраны, времени нет, идем! Вова, сторожи машину. Утонишь – найдем. Идем наверх, живо! Отодвигаем вахтенного матроса и пассажирского помощника. Спокойно, господа, мы из Интерпола. У вас на борту опасный преступник. Просьба не мешать операции. – Любой читатель, даже и не особенно подготовленный по части криминальной литературы, заметит, что операция была не ахти как продумана. Например, ребята совершенно не представляли, как быть с Маринкой. Вдруг она выкинет что-нибудь безумное – ведь не стрелять же, право, в красивую девку, с которой так много связано хорошего. Не продумали они также и того простейшего факта, что Налима и на берегу могут ожидать его люди.

И правда – ждали. На берегу между дебаркадером и открытым кафе «Стрёма» стояли два представителя ГНТ из местных. Конечно, группировка могла обеспечить Налиму и более мощное прикрытие для возвращения на родину, однако и она допустила в этом эпизоде немало ляпов: вся страна ведь еще была недостаточно подготовлена к системе свободного предпринимательства. Быть может, думали: ну, кто решится в родном Гусе поднять руку на Налима, бывшего секретаря райкома комсомола да к тому же потомка разбойного рода Окоемовых? Впрочем, и эти два неслабых представителя могли разрушить плохо продуманные планы «каналей» (так, оказывается, называли Славку и Герку в деловом мире Российской Федерации), если бы не стечение хаотических обстоятельств.

Теперь два «интерполовца» стремительно, руки в карманах кожанок, вышагивают по «Михаилу Шолохову». В конце прогулочной палубы они видят искомую парочку. Княжна что-то сердито выговаривает своему избраннику, а тот корячится с чемоданом. Быстрее, быстрее – стремительность обеспечит успех!

Чемодан был настоящим «хардамоном», а может быть, даже и «кончеронти» – иными словами, как всякая фирменная вещь, он был нелегко сам по себе, да и содержимое, похоже, было весомым. После четырехдневной пьянки и молодого мужика подломит такой багаж, а Налим, между прочим, уже разменял пятый десяток. Комсомольская закалка, однако, и тут его не подвела. Корячась с чемоданом, он вынашивал идиотскую, но опять же неслабую идею. «Силы не хватит, гибкостью возьму, – думал он. – Всегда все-ш-таки отличался известной гибкостью, скользким характером тела, потому и назван был Налимом. Нет, не опозорюсь перед любимой, вытяну, выдюжу и это нелегкое испытание за счет своей гибкости, общеизвестной в организации тягучести. А вот тем, кто не приходит на помощь, Коту и Самовару, что дрыхнут сейчас со своими телками, придется ответить перед товарищами. Запсочим хулососов в низовую хрюху!»

Протащив тяжесть метра два, он остановился передохнуть, поднял глаза и увидел, что новые ребята появились. Двое легких на ходу стремительно приближались. Несколько секунд оставалось до сближения. «Это не наши, – вдруг пронзило его до пят. – Это, кажется, из «Баграма» идут недобитые товарищи. Мочить идут!»

Убивая раньше людей, Налим никогда не думал, что делают пули с человеческими телами. Кем-кем, но доктором себя никогда не считал. Всевозможными конвульсиями, агониями и прочей патологией никогда не интересовался. Знал, куда палить – сначала в центр тела, а потом в башку, вслед за чем переступал через рухнувших, которые только что стояли поперек. Только сейчас он подумал о медицинской стороне замочки. Одна пуля пробьет грудную клетку, ей ничего не стоит. Раздерет там весь мотор комсомольского сердца. Упаду, смертельно затоскую, как Маринка бы прочла из стихов Николая Шамилёва. Вторая не-дура пробуравит кости недюжинной головы. Все окоемы тут же погаснут, ой, матушки, да ведь только же ж начали жить! Да кто же ожидал такого приема на дремотной родине?! Да что же получается, товарищи, давайте уж разберемся, ведь не в джунглях же ж живем!

В общем, при взгляде на приближающихся не наших братанов Налим позорно разъехался по палубе – штиблеты версачьи заскользили, не подчиняясь телу, да и тело оказалось не на высоте, не наладило связи со штиблетами, растекаться стало и разваливаться, как подгнившая скульптура основоположника.

Надо сказать, что несколько секунд, оставшихся до завершения операции, стали и для самих мстителей нелегким испытанием. «Смотри, гадский Налим сует руку в карман, там у него пушка, значит, надо немедленно нажимать курки». Увы, операция и в психологическом смысле была из рук вон плохо подготовлена. Мочить или не мочить – эта философская дилемма была ими не до конца продумана. Конечно, револьверы были заряжены на полную катушку, однако вопрос убийства Налима оставался для этих револьверов чистойшей абстракцией. Ярость, вспыхнувшая в них после уничтожения «Баграма», давно улетучилась.

Гнали в Гусятин с отчетливой целью – взять Налима, вернуть свои лимоны, накидать ему пиздюлей; ну, в случае необходимости, конечно, стрелять, и даже на поражение. Однако ни Мстиславу, ни Герасиму еще не приходилось стрелять в живое тело, и вот сейчас при виде отвратительной мишени – этого нажратого сладким составом бандитской жизни Налима они почувствовали, что не смогут его убить. Как-то получится слишком безобразно. Вдруг из него брызнет фонтанчик крови? Вдруг он изольется содержимым кишечника и мочевого пузыря? А ведь вслед за отвращением может возникнуть и жалость. Этот Налим из подлого бандита превратится в вызывающее жалость агонизирующее существо – что тогда?

Словом, на прогулочной палубе теплохода «Шолохов» сближались три растерянных существа. Одна только Маринка, княжна Дикобразова, оказалась на высоте. Она блестяще выполнила свое собственное задание. Провезла по всему маршруту приговоренного «Каналом» злодея, упоила его до вегетативного состояния, вырубил двух его «быков» и наконец достала из сумочки свой маленький пистолет «беретта».

– Каков сюрприз! – шикарно сказала она своим двум сопредседателям. – Вот уж не думала, что вы сами появитесь, мальчики, – соврала она (прекрасно знала, кто появится). – Я была уверена, что вы Дулина пришлете. Впрочем, так лучше, Дулин бы тут полгорода разворотил. Ну что ж, принимайте Налимчика под расписку.

– Сдала меня, сука, – прошелестел губами увядающий Налим. Он навалился на перила и стал выворачиваться наизнанку. Все вокруг размазывалось, и ему казалось, что он сейчас станет таким скользким, что утечет за борт без проблем. Только вот этого не хватало, блевотины.

Наши боевики тащили жертву за пояс. Мстислав поскользнулся, Герасим разъехался. Брякнулась на палубу пара наручников. Налим вылупился: перед ним возник Огромный-Коричневый.

Появление Огромного-Коричневого можно было бы приписать галлюцинации Налима, если бы его одновременно не увидели все участники этой нелепой сцены. Он спокойненько вышел из-за закругления кормовой кают-компания, остановился и, кажется, немного причесал свою огненно-голубую шевелюру. Коричневым в его облике был вообще-то только широченный костюм; что касается огромности, то она возникла из-за пространства, которое он занял в контексте данной сцены. Детали лица от наших героев ускользнули, если они вообще присутствовали. Он как бы собирался пройти дальше, но тут как бы остановился, как бы привлеченный неуклюжей драмой предполагавшегося теракта. «Зачем вам это надо? – как бы спросил он Мстислава и Герасима. – Хотите, чтобы в башках у вас засела навсегда морская звезда отвращения и жалости?» Одновременно он и Налиму как бы адресовал следующее: «Перестань испражняться, бандит, не пачкай драмы!» И в тот же самый миг Маринке Дикобразовой было им как бы сказано: «Спрячьте вашу «беретту», мадам, и, подобно цветущей агаве, втяните в себя все содержание этой сцены».

В полной тишине все четверо смотрели на то место, где только что возвышался Огромный-Коричневый. Там, разумеется, уже никого не было.

– Ну хорошо, – произнесла Марина и дала своей крокодильской птичкой пинка в зад своему недавнему обладателю. – Приведите себя в порядок, Федор! А вы, мальчики, забудьте про свои стволы, если не умеете ими пользоваться! Берем улов под жабры и поехали туда, куда я вам скажу. Всем все ясно?

И впрямь началось что-то рыболовное. Марина и Мстислав потащили потомка гусятинской первой фамилии к родной земле. Позади Герасим волочил сверхтяжелый чемодан.

– Что ты туда навалил, Налим? – удивлялся он.

– Скоро увидишь, – косым ртом отвечал вождь ТНТ со странной в таких обстоятельствах угрожающей интонацией.

Чем же был занят во время атаки на Налима владелец парка культуры и отдыха Телескопов-Незаконный? Неужели просто сидел сложа руки и сторожил вездеход? А может быть, просто вытащил все ценное и смотался прочь из повествования? Нет, не похоже это на отпрыска прогремевшего в конце 60-х персонажа. Был он занят своей очередной бочкотаристой чепухой, но, как часто это бывало и с его папашей, чепуха эта принесла неожиданно благие результаты. Практически именно благодаря бестолковому гусятинскому охламону операция наших тоже не очень-то толковых столичных авантюристов завершилась успешно, по крайней мере на данный момент. Применяя тактику «замедления», известную нам по изучению трудов ОПЮАЗА, мы можем потратить лист бумаги для того, чтобы раздвинуть только что завершившуюся сцену.

Едва только его новые друзья и покровители поднялись на дебаркадер, Лелик Т.-Н. заметил в кармане висящего в «Ниве» анорака изрядное количество русских тыщ. Стоит ли говорить о том, что он немедленно приватизировал эту пачку и закосолапил к «храму удачи», как он нередко называл капиталистическое кафе «Стрёма», что возвышалось над пристанью со своими зонтиками «Мальборо». Вот какая странная для России оказалась психология у этого человека: с одной стороны, он понимал, что нельзя упускать свой шанс, что в качестве шестерки при этих динамичных ребятах он сможет вырваться из захолустья, однако, с другой стороны, желание отлакировать «кристалл» шампанским было непреодолимо.

При виде Лёлика буфетчик «Стрёмы» хотел выйти из-за стойки и дать ему пинка, поскольку тот всегда старался расплатиться зонтиками, а зонтики в этом заведении повышенной комфортности принципиально не брали, однако тот, к полному изумлению буфетчика, извлек настоящие бумажные деньги и заказал две бутылки пузырящегося вина «Надежда». Момент огромного, захлеб, глотка счастливо приближался, но так и не наступил. Не успел Олег (оказывается, не Владимир!) Владимирович открутить проволоку, как заметил в углу террасы свою матушку Серафиму Игнатьевну, которая, полностью неглижируя свой почтенный возраст, восседала там величественно с новым отчимом Т.-Н. Гачиком Шальяном, который был всего на шесть лет старше своего пасынка. С ними за большим столом, составленным из трех маленьких, гуляла вся гусятинская коммерческая элита. Все они уставились на Лёлика, а отчим, не раздумывая, тут же швырнул в пасынка уже откупоренную бутылку «Надежды», поскольку во время последней встречи пообещал разбить ему голову бутылкой. Бутылка пошла, волоча за собой пенящуюся струю. Глядя снизу на ее полет, Т.-Н. понял, что траектория обязательно завершится на его голове, и успел этим предметом задрожать в ужасе. Это была спасительная для него дрожь. «Надежда» лишь чиркнула по щеке мишени и, обдав ее, то есть щеку мишени, сгустком пены, разнеслась вдребезги от соприкосновения с цементным полом террасы. Каждый из осколков этой бутылки мог породить так называемую «экзистенциальную ситуацию», однако довелось это сделать только одному. Этот избранный осколок попал под колено человеку, не имеющему никакого отношения к описанной вспышке страстей.

По странному стечению обстоятельств, на террасу как раз поднялся атлетический юноша Юра Броммель, по кличке – ну, догадайтесь – правильно – Бром. Этот чемпион Гусятинской префектуры по кикбоксингу давно уже дожидался теплых дней, чтобы перейти на шорты. Вид его обнаженных нижних конечностей производил сильное – чтобы не сказать неслабое – впечатление на пассажиров туристских круизов и дам элиты. И вот он появился в своем лучшем виде, красивый, как Ахилл с лицом Купидона. Будь на нем привычные «ливайсы», Бром отделался бы в худшем случае царапиной. В экзистенциальных обстоятельствах осколок без оговорок рассек ему подколенную артерию, как она там называется по-латыни. Мгновение – и он уже плясал на одной ноге, меж тем вторая шла вразнос, поливая посетителей кафе не худшим в округе составом крови. Приплясывая и пытаясь зажать рану, он думал тревожную думу: «Не по делу выступаю, ой, не по делу!»

Вот эта-то сцена и отвлекла двух местных активистов ТНТ – Борю Клопова и Рафиля Шамашедшина, посланных организацией на встречу лидера. Круша все вокруг себя, они стали выдвигаться на помощь школьному товарищу, а гусятинская элита встретила бойцов кто с кастетом, кто с шашлычным шампуром. Еще мгновение, и вся «Стрёма» уже билась друг с другом и фамилий не спрашивала. Милиция в расчете на щедрые контрибуции сгруппировалась вокруг поля боя.

Лёлик Телескопов-Незаконный больше никого уже не интересовал, включая его величественную, как и подобает героиням классики, мамашу. В таком случае он пошел прочь, раз никто не интересуется. С двумя бутылками «Надежды» он проследовал к пристани, где и воссоединился с группой захвата.

Рассейся, мой бедный народ!

Красавица в шиншилловой накидке поразила воображение Т.-Незаконного. Сочный бандитский рот ее распоряжался целой группой мужчин.

– Где ваша тачка? Дерьма пожиже не могли найти? Суйте Налима башкой вниз!

– Pardone, mon cher, je ne voulais pas vous vexer!⁹

– Чемодан не забудьте, дурни! Так, я за руль, Славка рядом со мной! Пушки на изго-товку, пацаны! Без команды не стрелять! А это еще что за лох к нам клеится?

Тут она уставилась на Телескопова-Н., а тот задрожал всей своей головою, которая не раз своей дрожью выручала его в трудных ситуациях. Вдруг он понял, кто стоит перед ним в такой испепеляющей неотразимости. Да ведь это же не кто иная, как маленькая племянница тети Гортензии Горгорышевой!

– Мариночка, крошечка, да ведь я же тебя в детский садик за ручку водил!

Грубая лезть, как всегда, сработала. Маринка махнула лоху:

– Садись!

Не хочется лишний раз смущать читателя, однако не можем не сообщить, что князья-то Дикобразовы тоже, оказывается, принадлежали к этим стрёмным местам еще с XII века, а то и раньше. В полноводных угодьях стояли их поместья, что поначалу топорщились частоколом, а потом с каждым столетием облагораживались в стиле «Sans-soucis».¹⁰

Здесь-то и начал их трепать сельский пролетариат, пробудившийся от спячки повиновения, здесь-то он и ощипывал своих князей, как павлинов в засранных усадьбах. Здесь-то и приспособился недорезанный род, ушел, отбросив титулы, в сердцевину очистительного процесса, в ЧК. Так и выжил, так и дотянул до нового очистительного процесса, то есть до приватизации.

Теперь последняя княжна Дикобразова, бывшая аспирантка кафедры франко-германской филологии, а ныне член правления ООО «Канал», с ревом гнала вездеход по ухабам своей родины в пока еще неизвестном автору направлении.

Гусятинские дворы давно уже кончились, гибельная пустыня лежала теперь впереди под химическими составными бесконечного северного заката. Птицы давно уже отлетели от этих мест, а может быть, и попадали на лету. Чернеющий в глубине перспективы комбинат бесповоротно пожрал все сносное. Одни сучья торчали, отражаясь в глубоких лужах дороги, да изредка какой-нибудь мутант покачивался на слабых ногах.

Довольно, не жди, не надейся.

Рассейся, мой бедный народ! —

вспоминали филологи. Примерно то же самое, но в других выражениях вспоминал Олег. То же самое, но совсем уже в других выражениях вспоминалось Налиму башкой вниз. Каждый километр дороги казался всему экипажу последним, но все-таки куда-то летели, падая в лужи, пробуксовывая, визжа и скрежеща. И вот наконец направление по сюжету определилось. Химическая пустыня заканчивалась, в стороне от кошмарных чертогов комбината появились белые стены и башни Свято-Семирамидского монастыря. Во время оно кремлевские тираны ссылали сюда неверных жен и слишком пылких любовниц. Маялась тут и Мария Нагая, главного русского изверга любовь и злоба. Не отставали от царей и сатрапы. Десятилетиями держали тут женщин по кельям на цепи якобы для того, чтобы замаливали

⁹ Извините, мой дорогой, я не хотел вас обидеть! (фр.)

¹⁰ Без забот (фр.).

свои грехи. Множество страшных былин возникло тут среди идиллического пейзажа – истории удушений, отравлений, псиной травли. Нет, все-таки недаром воздвигнут был по соседству Череповидовский комбинат: злобный дух лихолетий всегда витал над большевистскими мероприятиями.

В народе сейчас об этом средневековом «лагере смерти» говорить не любят. Единственный сюжет остался жить благодаря живописи XVIII века. Речь идет о гибели в огне княжны Дикобразовой. Якобы некий петербургский временщик, чтобы избежать гнева императрицы, подпалил келью опальной красавицы. Всем известна большая художественная картина на эту тему: полуобнаженная княжна распростерта на полу, негде укрыться от дьяволов огня, неудержимо рвущихся в камеру через раскаленную решетку окна и полыхающую дверь, и все-таки глаза девушки полны не страха, а дерзости, неукротимого вызова самодурам прошлого; в общем, сильнейший обличительный документ в адрес прогневшего строя.

Маринку Дикобразову дразнили на факультете «княжной Дикобразовой», имея в виду общеизвестную картину. Шутка считалась вполне дурацким клише в той же степени, что и неизбежное упоминание Муму при имени Герасима. Маринка грубовато, в стиле «Двенадцати коллегий», похихатывала: ну и остряки тут у нас подобрались! Никому и в голову не приходило, что однокурсница произросла как раз из тех самых Дикобразовых, что сожженной девушке она приходилась ни больше ни меньше как внучатой племянницей в седьмом колене.

Скрылся за горизонтом комбинат, и засвистели по всему пространству соловьи. Обремененные певчим племенем, свисали над почти непроезжей дорогой кусты сирени. На первой скорости шатко-валко продвигались авантюристы к стенам Свято-Семирамидского. Уже слышно было, как скрипят на последней петле повисшие ворота духовной крепости. Из угловой башни росло дерево. И здесь, оказалось, скособоченный, гипсовый стоит ублюдочек Ильич Владимир. Несколько расколотых или продавленных вывесок лепилось под ранней луной по стене главного монастырского дома. Кое-где все-таки читалось: «школа механизации», «областной коллектор» и обрывки «...черм...», «...адзо...», «...ел ацн...».

Никто не выглянул в окно на шум машины. Нигде вообще не определялось никаких признаков жизни, за исключением какого-то темного провала, откуда шло голубоватое свечение и доносился взволнованный разговор по-испански. Несмотря на разруху, в монастыре, как и повсюду, смотрели мексиканский сериал «Богатые тоже плачут». Это удерживало страну от уличных бунтов.

Маринка проехала мимо главного дома, повернула за угол, пересекла площадь перед частично обвалившимся храмом и углубилась в подобие улочки, спускающейся меж заброшенных строений к реке; очевидно, знала, куда едет. Остановились в тупике перед зияющим проломом с остатками дверной рамы и вывеской «Общежи... ед... ала». Здесь Маринка приказала разгружаться. Ребята вытащили Налима. Голова пленника болталась из стороны в сторону, пока не упала на грудь, окончательно испачкав рубашку.

– Дайте хоть выпить, сволочи, – пробормотал он. Его повлекли наверх по опасной лестнице.

Фары «Нивы» были единственным источником света в закоулке. На лестнице даже говном уже не пахло, не видно было ни кошек, ни крыс – все вымерло за годы перестройки. Оказалось, что строение сливается с крепостной стеной и выходит к реке высоким ответсом. Комната, куда вошли авантюристы – напоминаем: Мстислав, Герасим, Олег Телескопов-Незаконный, ведомые дерзновенной Маринкой Дикобразовой, – была довольно обширным каменным мешком с проломом во внешней стене, откуда открывался вид на острова и протоки Стрёмь. В пролом этот и улетели с шумом то ли птицы, то ли черти. Чей-то преувеличенный глаз глянул внутрь, подмигнул и оставил в покое.

– Вот здесь и разберемся с Налимом, – сказала Маринка. – Здесь нас ни один тээнтэшник не найдет. – Она щелкнула выключателем, неожиданно загорелся свет. В центре комнаты положили чемодан; код замка был Марине, конечно, известен: «Полтава». Откинули крышку. Как и ожидалось, на первом плане фигурировал «калашников», рядом расположились два товарища поскромнее – «макаров» и «блюмкин», к ним гарнир – пяток гранат. Под этим «хардвэа» шел слой мягкого: шелка и кашемиры, личные вещи Налима с фирменными этикетками, ну а ниже, занимая половину всей емкости, лежали пакеты с баксами – общак ТНТ.

У Мстислава разболелась голова, он не чувствовал себя ни мстителем, ни славянином.

– Ну говори, негодяй, зачем уничтожили баграмовцев? – устало спросил он.

Налим ответил маловразумительным клокотанием, но все-таки можно было что-то уразуметь: «сами напросились» или что-то в этом роде.

Маринка подошла к пролому, потянулась в лунном свете:

– Ах, Герка, Герка, ведь это же здесь, вот именно в этой келье мою прапрапрапрапрапрапатетю жгли, а теперь мы здесь с тобой, бандиты нашей родины!

Читатели, друзья, располагайте этот пролом, и лунный свет, и связанную тушу врага как вам угодно, мы же только добавим к вашей мизансцене крепко обозначенные икры на стройных ногах княжны, а также рельеф плеч, освободившихся от шиншиловой накидки.

Герасим развел руками: комментарии излишни, дикобразия момента неотразимо! Мстислав с Олегом тут же покинули помещение. Погасло тусклое электричество. Женщина, ее величество, или, так скажем, ее светлость, потянула старого друга за пояс штанов.

Олег знал, куда ехать. Элита окрестных поселков собиралась по вечерам в баре «Стреляй» возле развалин МТС. Когда они вошли, во мраке среди хрустальных шаров пела финская певичка Юлью Ласканен. Уже в который раз эта женщина нелегкой судьбы отставала тут от тургрупп, увлеченная вымирающим племенем местных блондинов. Каждое утро, отбрыкиваясь от очередного кучерявого, мадемуазель Ласканен клялась сегодня же уехать, однако каждый вечер снова появлялась в «Стреляй» и пела I'm beginning to see the light.¹¹

Ей казалось, что ей за это платят, на самом же деле вокруг нее опохмелялось не менее дюжины тунеядцев.

Элита, нахлобучив на носы тяжелые надбровные дуги, нехорошо смотрела на приезжих. Кто-то уже опознал непутевого Лёлика и готовился бить. Мстислав – правая рука в кармане – разговаривал на оксфордском наречии с финкой, чей английский состоял из блюзов. Т.-Н. между тем, не считая денег, набирал из буфета литровые «абсолюты», ящик пива «Синебрюхов», увесистые сервелаты, коими можно было и обороняться, не прибегая к убийству.

– Save me regardless of whether you like me or not,¹² – неожиданно пропела сорокалетняя половая партизанка. Лёлик катанул по полу банку с калифорнийскими артишоками.

– Ложись, бомба!

Так им троим удалось в тот вечер спастись.

В келье, когда они вернулись, было тихо и пустынно, только связанное тело насвистывало, весьма близко к первоисточнику, песню Пахмутовой «Надежда, мой компас земной». Герасима и Марины в келье не было, однако их голоса были слышны поблизости, за проломом, в лунном с черемухой пространстве, в коем не последнюю роль играла струящаяся и будто не оскверненная комбинатом Вольжа.

¹¹ Я начинаю видеть свет (англ.).

¹² Спаси меня, независимо от того, нравлюсь я тебе или нет (англ.).

– Avant tout dites-moi, mon cher, comment vous allez?¹³ – нежным шепотом, разносящимся по округе, вопрошала княжна.

– Voila l’avantage d’être bandit. Vous pouvez lever les yeux sur les bonnes dames de la noblesse,¹⁴ – глуховато, но как-то гармонично, словно контрабас, отвечал ей ее друг.

– C’est bien beau ce que vous venez de dire,¹⁵ – смеялась Дикобразова.

Мстислав выглянул из пролома. Двое сидели, свесив ноги, на выступе стены. Они были похожи на влюбленных школьников. Он позавидовал другу, наш молодой герой. При всей фальши этой ситуации Герка все-таки счастлив в эти минуты. Гулящая аристократка подарила ему классный обман. За это можно отдать ей все лимоны из бандитского чемодана. Он любит ее сейчас, наверное, не меньше, чем я свою пропавшую.

– Кто она?! – вскричали одновременно автор и читатель. Славка надменно повернул башку в нашу сторону. «Mind your own business»,¹⁶ – проговорил он, словно мы были иностранцы.

«Это век каких-то невероятных женщин, – продолжил он свои размышления. – Они сводят нас с ума. Вся перестройка, весь антисоветский подъем возникли под влиянием этих женщин. Вот почему мы не сбежали от танков – потому что эти женщины, эти странные существа были рядом. Они ободрили мужиков, доведенных уже, казалось, до полной импотенции. «Allez-y, mon cher»,¹⁷ – казалось, говорили они, и все в ответ вздымалось непримиримо и окончательно».

Он взял бутылку «Синебрюхова» и устроился в проломе, прислонившись спиной к монастырским вековым кирпичам. Луна смотрела теперь ему прямо в лицо, внимательно изучала. «Я перед тобой, – сказал он ей. – Да, мы связали человека и забрали у него награбленные деньги. Но не убьем, не беспокойся». В дальнем от него углу кельи в темноте копошились незаконный сын литгероя поколения наших родителей со сногшибательной финкой того же поколения. Самозабвенно там клокотали «абсолюткой». И хохотали. Блаженство всегда приходит неожиданно. И иссыхает так же.

Мстислав за свои 27 лет, похоже, немало повидал. Уже промелькнула фраза насчет тюрьмы, но за что он сидел, когда и как долго, мы пока не знаем. Что говорить – нам пока неизвестна даже его фамилия. Таковы странности начальной фазы. Вдруг проскакивает упоминание пропавшей любви. Кто она, когда она, куда она? Может быть, ее похитили и продали за рубеж?

Пока что мы не можем этого типа расспросить подробно, мы почему-то чувствуем себя скованно с ним, нам не с руки «развивать» его именно здесь, в разрушенном монастыре, после совершенного акта захвата в келье, где двести лет назад сгорела романтическая княжна и где только что ее семижды отдаленная племянница рукояткой «блюмкина» смирила обработанного ею хахалю Налима, чтобы перейти уже в сферы французских чувств. Нам хочется лишь сказать, что пока еще этот Мстислав вовсе не такой, каким хочет казаться, не крутой, хотя и не всмятку, и что этой ночью он втянут в диалог со спутником нашей планеты.

«Ты, Луна, быть может, кажешься себе вечной, – обращается он к ночному светилу. – Ничто не ново под луной, так говорят здешние мудрецы, и из этого вроде бы вытекает, что ты была и будешь всегда. Последняя человеческая смерть, однако, может завершить и тебя,

¹³ Прежде всего скажи мне, мой друг, как ты? (фр.)

¹⁴ Вот преимущество бандитизма – любоваться светской женщиной (фр.).

¹⁵ Это самое лучшее, что вы могли сказать (фр.).

¹⁶ Займитесь своим делом (англ.).

¹⁷ Ну, давай, мой милый (фр.).

Луна. Со смертью последнего глаза пропадешь и ты, Луна. Что будет с тобой за пределами нашего зрения, безмолвная? Существует ли какой-нибудь твой знак в беззнаковом царстве? На какой URL ты отвечаешь? Не чванься, Луна, мы так с тобой малы даже и перед лицом объективных галактик! Что же говорить о тех обстоятельствах, в которых и галактики теряют свое молоко? Вдруг оказывается, что и они, необозримые, так же малы, как и велики – так же, как и мы с тобой, о Луна». Так обращается он к ней, и Луна как идеальный участник диалога отвечает молчанием.

Он вынимает из кармана мобильный телефончик, отобранный у Налима, и звонит в штаб ТНТ.

– Привет из «Баграма», комса! Завтра можете забрать своего вождя в Гусе под памятником Ленину. – После этого спрыгивает на пол и кричит: – Подъем! Завязывайте с вашим трахнутым сексом, ребята! Собирайте баксы! Первая глава окончена, действие продолжается!

Наутро две сестры-побирушки, тетя Гортензия и тетя Калерия, с удивлением увидели в центре города своего отдаленного племянника Федюшу Окомова. Он был привязан к ноге Ильича и, кажется, чувствовал себя вполне сносно, учитывая тот факт, что памятник имел почти прямое отношение к его родословной.

Часть II

Кстати о человечестве

Я снял с принтера первую часть и, не перечитывая, сразу вошел во вторую, чтобы «фикснуть себе брекфест», говоря по-эмигрантски. Пока заваривал чай и подогревал краюху хлеба, смотрел в окно на поведение птиц и маленьких животных. Сущая свистопляска. С тех пор как подвесили кормушки, у дома стало порхать множество здешней крылатой братии: все эти финчи, роббины, ориолы и кардиналы; иной раз залетает мэпай, а то вдруг из зеленых глубин близкого леса, словно воздушный разведчик, пожалует хупу. В данный момент на перилах дека сидит неизвестный принц: густо-оранжевый плюмаж, серебристое жабо, черный торчком хвост, ни дать ни взять елизаветинский вельможа. Вудпеккер, что ли?

Все они, кажется, уже обожрались моим зерном. Во всяком случае, не поднимают, как раньше, шухера, когда налетают белки. Просто сидят вокруг и смотрят, как те раскачиваются, чаще всего головами вниз, на подвешенных птичьих кормушках, просто ждут, когда грызуны накушаются; полное спокойствие – всем, мол, хватит. Беличье раскачивание кормушек между тем способствует обильному высыпанию зерна, а внизу это благодатное явление природы приветствуют чипманки и разные прочие стремительные чаффинчи.

Так создается общество вэлфэра, идеальная утопия, невиданный коммунизм. Однако, что однако? Дурная профессия не позволяет и тут не спрогнозировать какую-нибудь сложную конфликтную ситуацию. В последнее время я стал замечать, что эти создания начали утрачивать свою подвижность, а ведь бесконечная стремительная подвижность как бы заложена в самом смысле их существования. То и дело можно увидеть, как отяжелевшая задней частью белка сидит без движения на столбике забора. Даже бурундучок, слывающий самым молниеносным животным в мире, а теперь опупевший от полной сытости, застывает на крышке вентилятора и подолгу там пребывает, создавая впечатление то ли перочинного ножика, то ли древнего философа. Бесперывный поиск пищи составлял суть его существования, а теперь, набив себе брыла, он, видно, задумался о чем-то более фундаментальном.

Вот тут-то и слопает его плотоядная лисица. Тут-то и завяжется конфликт, способный нарушить всю экологию нашего края. Ведь мой дом не одинок в смысле птичьих кормушек. Весь поселок – а рядом десятки других таких же поселков – дает безобидным жителям леса возможность не заботиться о пропитании, а стало быть, открывает и новые перспективы хищникам. Представим себе, что лиса обожралась задумавшимися бурундуками, вот она и сама отяготилась лишними мыслями. Оленю теперь ничего не стоит забить ее своими копытами. Ворон, погуляв по лисе, перестает выполнять свои обязанности санитаря леса. У ястреба стало слишком много доступной живинки. Задумавшись о постороннем, он может прекратить свой вечный парящий розыск, упадет и разобьется. Излишние количества трупного яда приведут в конце концов к какому-то патологическому сдвигу – скажем, к возникновению мутантного вида муравьев и к бессмысленному покорению ими всего леса. Вот муравьи-то и начнут осаду человеческих жилищ.

Попивая чай и откусывая понемногу от ломтя подсушенного хлеба, я навязывал себе эти глубокомысленные соображения в духе нашего Центра по анализу и решению конфликтных ситуаций. Мне нужно было отвлечься от первой главы и перестать думать о странной компании персонажей, которая там подбирается. Надо подольше покопошиться во второй, в этом пустом доме «старого иностранного профессора», как меня тут называют.

Снизу поднялся мой единственный сожитель, крупный кот Онегин, как всегда величественный; рыжий хвост трубой. Прыгнул на кухонный стол, презрительно понюхал чай-

ник, после чего стал смотреть на копошение птиц и зверьков. Глаза его то расширялись, то суживались. Вот кто тут мог бы вмешаться в экоцепь, если бы не приклялся к филеминьонам. Впрочем, он мог бы завести роман с лисой, и тогда она бы спаслась от копыт оленя. В принципе этот кот, которому я полностью доверяю, мог бы появиться еще в первой главе. Он мог бы, скажем, оказаться хозяином заброшенного монастыря. Тогда бы там все повернулось другим боком, запахло бы паленой булгаковщиной. В специальном журнале написали б: «Стас Ваксина постоянно устраивает сомнительные переключки. Живя в чрезвычайно дальнем зарубежье, он назойливо тревожит контекст нашей литературы».

Нет-нет, Онегин и сам не пойдет в первую главу. Он отвык от могущественных запахов родины. Рожденный на Арбате, он в трехмесячном возрасте перелетел океан в кармане моего пальто, дважды туда написав. Из этой мокрой теплой норы он вылез уже американцем. Отпечатанный на принтере текст он считает окончательным и очень не любит, когда я начинаю чиркать там пером. Выпускает когти, дергает края бумаги. Фыркает, как фырчал когда-то мой первый сын Дельфин, глядя на папины творческие муки. «Что ты все пишешь, пишешь?» – спрашивал четырехлетний мальчик. «Деньги нужны, Дельфин, вот и пишу», – оправдывался я. «Так зачем же тогда зачеркиваешь?» – удивлялся малец.

Надо отвлечься от первой части. Просто забыть, что она существует. Делать вид, что роман не начат. Нет никакой уверенности, что именно с этими людьми надо начинать книгу – с этой говенной, ошалевшей от денег молодежью. В чем их достоинства? В том лишь, что они родились на тридцать лет позже нас? Джаггернаута все-таки развалили отцы, а эти лишь растаскивают остатки. Однако припомни первичные импульсы. Что тебя снова втянуло в многолетнюю авантюру, если не желание найти каких-то гипотетических героев девяностых годов? Вздор, вздор все эти временные деления, десятилетия и даже столетия – чистойшей условность. В литературе давно уже воцарилось клише выделять поколения и приписывать им всякие новые качества, между тем как род человеческий просто идет волна за волной.

Продумывая эту нигилистическую мысль, я застыл с недопитым чаем, а потом пришел к полной ее противоположности: нет, все-таки существует какая-то странная цельность и манящая ностальгия в этих наших временных отрывках и в завораживающих попытках очертить все эти так называемые поколения.

Ну хорошо, вспомни профессиональные навыки. Неделю не надо подходить к первой части. Не думай о вступлении в эпос-хватъ-его-за-нос, позволь себе неправильное ударение. Лучший способ завалить роман – это развить в себе страсть к марианию. Этот жанр все-таки хорош своим несовершенством.

Ну хорошо, завтрак завершается, краюха баварского хлеба почти изглодана. Помню, приехав в Америку 18 лет назад, все наше семейство стало увлекаться этими пресловутыми hearty breakfast'ами: огромный стакан свежевыжатого сока, стопка поджаренного бекона, тосты, яйца в разных видах, свиные сосисочки, ячменные блинчики с патокой, здоровенные кружки кофе со сливками. Годы прошли, семейство разбежалось, все меньше хочется жрать. Завтраки сведены к черствой булке и чашке чая – правда, крепкого такого, британского, бодрящего. Странное дело – от кофе воротит, чай возвращает в актив.

Кстати, о человечестве. Чем оно занято поутрянке? Пора включать коммуникации. На 101,0 все еще идет «неделя биг-бэндов»: трубы, кларнеты и саксы трубят ритмы юности – «У меня есть девчонка в Каламазу». На 119,1 оперная ария «Ах, никогда я так не жаждал жизни» сменяется рекламой кладбища «Лучезарная память», которое только что обогатилось новыми, в готическом стиле воротами. 909,5 в духе нынешней ветреной и холодной весны с ее слабо зеленеющей прозрачностью отдаленных роц передает клавесинный плеск Боккерини. Оставив этот концерт фоном, включаю CNN. Там, среди боснийских или косовских гор, неторопливо передвигается вооруженная молодежь, «поколение девяностых»: темные очки, флак-жилеты, татуированные конечности. Интересно, что никто не

надевает касок. Надо, чтобы по телевизору были видны причесочки или повязки-банданы. Среди множества очевидных причин современных конфликтов есть одна подспудная: нарциссизм. Боевики влюблены в свой молодой пол с изрыгающими огонь стволами. У многих конфликтов есть сексуальный подтекст. Недаром в Чечне и в Сребренице отмечались нередкие случаи кастрации пленных.

В принципе тех ребят, что появились в первой части, нетрудно представить в отрядах повстанцев, в каких-то свободолюбивых и мстительных бандах. Все-таки нужно как-то отделить тех от этих, ведь они вроде бы не такие. Ну хотя бы эти, вдруг выпрыгнувшие ниоткуда прямо в первую главу Мстислав, Герасим, Марина, – у них все-таки глаза не пустые, в них читается грусть, как у всех человекоподобных – посмотрите на горилл. Главное, нужно разобраться в их прошлом, хотя бы упомянуть их семьи, отцов там всяких и матерей. Конечно, я и сам вроде как бы отец этим гомункулюсам, но все-таки они нуждаются в биографии. А еще главнее, надо о них забыть хотя бы на несколько дней. У меня ведь, между прочим, еще семестр не кончился. Курсовые работы нарастают на столе, как тещины блины. У меня была такая третья теща, русофобка Мэрилу. «Это ридикюльно, – кипятилась она, – почему русские приписывают блины себе?! Блин – это древнейшая пища всех народов!» Она затевала блины и пекла их до полного отпада, чтобы посрамить Россию. «Ридикюлоус, ридикюлоус», – шипела она, как сковородка, а гора все росла и росла.

Одинокий Стас Ваксино

Я включаю автоответчик и сразу же слышу голос Эйба Шумейкера, своего коллеги по Центру изучения и решения конфликтных ситуаций. «Давай встретимся на ланч перед Вибиге, идет? Мне нужно с тобой говорить. Позвони мне обратно. О'кей?» Эйб предпочитает говорить со мной по-русски. У него почти нет акцента. Десять лет назад его, конечно, принимали за эстонца, но он всегда стремился там сойти за своего еврея. Очень часто так и получалось, пока он вдруг не употреблял какой-нибудь совершенно несусветный прямой перевод. Однажды весь московский бар в изумлении повернулся к нему, когда он заказал «одно стекло вина».

Гош, получается довольно забитый день! Утренний класс, обсуждение двенадцати курсовых работ плюс слайды супрематизма. Проверка e-mail, телефоны, заказ книг на осень. Потом ланч с Шумейкером. Догадываюсь о теме срочной конфиденциальной беседы. О чем бы мы ни говорили, будь это Босния, Кавказ, Восточный Тимор или раннее христианство, – все сводится в конечном счете к одному: как жить ему, одинокому ипохондрику? Засим последует традиционная четверговая дискуссия у нашей директрисы Вибиге Олссон. И здесь все мировые конфликты приводят к самому животрепещущему – к выборам нового провоста. Завершается день в аэропорту, встреча сестер Остроуховых. Значит, до этого надо будет заехать на шопинг в «Свежие Поля»: прокормить трех прожорливых дам не так-то просто.

Разгорается понемногу весна – она, кажется, опять принесет конец моему одиночеству. Не исключено, что вслед за прилетом сестер начнется новое нашествие соотечественников. Десять лет назад, после смерти моей любимой Кимберли, я остался один в этом большущем доме, что задними окнами смотрит в дремучий лес, а фасадом обращен в сторону стеклянных террас «коридора высокой технологии». Ненадолго здесь появилась вздорная Марджи со своей мамочкой, русофобкой Мэрилу, но потом они отправились погостить в Орегон и не вернулись. Я снова остался один, если не считать редких и всегда неожиданных промельков Прозрачного. Я впал тогда в элегическое настроение и утешал себя строчками Анненского про «одиночества прекрасные плоды». Плодов действительно собралось немало – чем еще заняться старику под шум титанических деревьев, если не плодоношением, – однако некому было оценить их прекрасность.

Между тем в Советском Союзе начали приоткрываться шлюзы, и вскоре хлынуло. Друзья звонили день-деньской и извещали о прибытии. Нет, они не напрашивались в гости, они другого и не представляли. Для каждого советского тогда поездка в Америку казалась всемирно-историческим событием. «Вообрази! Я! Еду! В Америку! Ведь меня же никогда никуда! Не пускали (или не посылали, ухмыльнется тут какой-нибудь Фоманевера)! И представь, у кого я остановлюсь, – у Стасика! (Фоманевера делает вид, что не понимает, о ком идет речь, – у Власика?) У Стаса Ваксино, кричит счастливец, того самого, ведь мы с ним когда-то немало ведь водки-то! (Да много ли, думает Фоманевера, но потом сдается: слишком неподделен энтузиазм.)

В апогее этого открытия Америки дом был заполнен под крышу. Народ располагался не только в спальнях, но и в гостиной, и в столовой, где у американцев, в общем-то, не принято располагаться. В какой-то момент даже в гараже пришлось поставить две койки. Подвал вообще стал шумным общежитием. Каждый раз, возвращаясь из университета, я гадал, сколько персон соберется к ужину, и каждый раз ошибался. Иногда было меньше: кто-то неожиданно отлучался, но чаще больше, потому что гости приглашали своих гостей: ведь Стас не откажет, он будет только в восторге, ведь он здесь истосковался без московского-то духа – ну без этой нашей своеобразности.

Как-то раз я подъехал около двух ночи, когда все огни были погашены. Перешагнув порог, я увидел, что в anteroom, ну, как это по-нашему – в прихожей, что ли, – кто-то сопит на двух сдвинутых креслах. С удивленьем я опознал чету Славостелькиных, они мирно спали валетом.

Из подвала доносился плач ребенка – это, кажется, внучка Марата Абдулова. Наверху, в одной из ваннных комнат, что-то ритмично поскрипывало; не обращайтесь вниманья, маэстро. В гостиной, открыв большую пасть, напевал какой-то вокализ во сне скульптор, который привез в дар Вашингтону бронзовую скульптуру «Пушкин в возрасте Державина». Все диваны здесь были заняты: Марк, Руслан, Ася Дмитриевна, Изя Незабудкин, двое десятилетних детей, Збышек Ржевич (проездом из Варшавы в Мельбурн)... Все четыре спальни, разумеется, были заняты. Меня давно уже оттеснили в кабинет, то есть туда, где я, собственно говоря, и проводил все время, когда был в одиночестве. Двигаясь осторожно, чтобы ненароком на кого-нибудь не наступить, я поднимался по лестнице. В кабинете ждал меня сюрприз. На моем ложе таял во сне «поющий и рисующий поэт» Леон Межумышлин. Вчера у соседей Мак-Маевских он всех достал своим псевдопостмодернистским кваканьем с русопятскими завываниями. В завершение «акции» он преподнес хозяевам, людям исключительного благородства, портреты каких-то волосисто-слизистых ублюдков и объяснил, что это их метафизические сути. Затем собрал со всех по двадцатке и испарился. И вот, оказывается, приземлился на моем единственном ложе...

Я стоял посреди кабинета. Луч псевдовечной луны освещал дергающийся кадык псевдопоэта. Почему-то я чувствовал себя глубоко оскорбленным. Это, конечно, сестры О засунули сюда Межумышлина, эти сучки. Совсем зарпортовались в своем амикошонстве. Засунуть в мою единственную койку такого приживалу и бездаря – это уж слишком. Никто в окружении не понимает, что пользуется дурацким гостеприимством большого писателя, крупного деятеля просвещения, незаурядного конфликтолога и просто пожилого человека. Для всех я какой-то полуанекдотический «Стас», которого можно выжить из его собственного дома.

Забрав из кладовки что-то чудом оставшееся из одеял и подушек, я вышел на дек, раскрыл там зонт, чтобы защититься от потоков псевдоромантики, и растянулся на досках. Пусть идиотки увидят, как ночует в своем доме б.п., к.д.п., н.к. и просто п.ч.!

Утром в суете и страшном гвалте – слышали, что Ельцин сказал, что Горбачев сказал, что Хасбулатов придумал? – никто и не заметил моего манифеста. Позднее я узнал, что Межумышлин жаловался в Москве, что Ваксина выгнал его на дек и он там спал на голых досках.

Читатель, конечно, скажет: а на фига вы, маэстро, так распахнули свой дом, что вас грело в вашем хаотическом гостеприимстве – тщеславие, желание показать себя американским благодетелем; может быть, вы ждали благодарности от вновь обретенных соотечественников? Смешно, советский человек не любит произносить слово «спасибо» – для него это сущая мука. Этимологически это слово для него пустое место. Как-то следовало повести себя более рационально, Стас Ваксина, в вашем-то возрасте.

Вы прав, читатель. А может быть, и ошибаешься. Я не знаю. Качу все на сестер, этих трех парок Чехова. Именно они, раз появившись, завели манеру приглашать в дом всякого, кто позвонит, «из наших».

«Ваксина, – говорили они, – а как же иначе? Люди хотят тебя видеть, хотят приобрести. Ведь каждый дрожит: а вдруг большевики опомнятся и закроют границу?» Такая логика была мне абсолютно понятна, должен признаться. Уж не говорю о том, что внимание действительно льстило. Как-то ободряло – ведь еще недавно большинство этих друзей побоялось бы и приблизиться к «врагу народа».

Как сейчас вижу наши шумные завтраки. Народ спускается на кухню, расплзается по комнатам и лестницам, иные с тарелками и кружками кофе выходят в сад, усаживаются

вокруг Пушкина (скульптуру город не принял, она и по сей день стоит у меня в саду), все галдят о России, никто ничего не спрашивает об Америке, а я спускаюсь к ним как благодарный сюзерен и стараюсь не обращать на себя внимания.

С отъездом сестер поток гостей сократился. Вообще, за последние годы российский путешественник изменился. Сейчас приезжают с долларами, останавливаются в гостиницах, часто находят тут работу и запросто сливаются с эмиграцией. В последнее время, проходя по пустым комнатам, я нередко не без теплоты вспоминаю прежние дни. Вот был табор! И, как положено в таборе, гитара, конечно, процветала. Всегда находился какой-нибудь бард, если не сам Булат. О великие наши барды!

Впрочем, одиночество нас не гнетет – ни меня, ни Онегина. Слишком много дел, чтобы заняться одиночеством. Думаю, что не открою секрета, сказав, что у сочинителя, особенно принадлежащего к направлению Ваксина, всегда найдется, с кем пообщаться, будь это персонаж или читатель. Онегин тоже занят. Когда я пишу, он лежит на столе, тихонько поет песнь очага. Уезжая, я выпускаю его в сад, откуда он часто переходит в лес. Нет никаких причин за него волноваться – в округе никто не осмелится заострить коготь на такого кота. Сам он тоже ни на кого не нападает, потому что перманентно сыт. Попугать, конечно, может. Часами бродит по поселку и по кромке леса, что-то ищет, чего-то ждет. Кошки все вокруг кастрированы, а он, наверное, жаждет романтики. Не исключаю, что когда-нибудь он все-таки уделает лису. Вернувшегося папу Онегин тщательно обнюхивает и все узнает, что было за день: сигарета, стакан каберне, чикен-сэлад с крутонами.

Ну хватит, экспозиция нашего второго (если не первого) плана затянулась, хотя почти ни слова еще не было сказано об огромных деревьях леса и заселенных пространствах, о среднеатлантическом величии ветвей и листвы. К ним мы еще вернемся, господа, а пока что я сажусь в свой старый југ и отправляюсь в университет Пинкертон – Боже, благослови его студентов и преподавательский состав!

Пинкертон

Наш основоположник был вовсе не сыщиком, а наоборот – что значит наоборот? – ну, основоположником, просветителем XVIII века. Все здесь проникнуто этим Пинкертоном. Сначала едешь по паркею Пинкертона, потом проезжаешь городок Пинкертон с его хорошо известной Галереей Пинкертона, вслед за чем въезжаешь уже на кампус нашего университета, где роятся студенты в розовых майках с надписью «Go Pink!»¹⁸ и где стоит статуя самого мистера Пинкертона. Так было в Ленинграде с Лениным – с той лишь разницей, что большевик ничего не пожертвовал городу, а лишь скрывался там от полиции, чтобы впоследствии узурпировать власть и его название. Наш кумир не похож на оголтелого с броневика у вокзала. Он стоит без пьедестала посреди выложенной плиткой площади, в чулках, в туфлях с пряжками, в паричке. В руке он держит книжку, а не смятый кепарь, а наклон его тела демонстрирует склонность скорее к менуэту, чем к бешенству. Тяжеловатое в нижней части лицо снабжено сверху благожелательным, общепросветительным выражением глаз. Непредвзятый созерцатель, конечно, заметит сходство с Виктором Степановичем Черномырдиным. Что касается второй его руки, то она лежит на столике рядом с томами Локка, Хьюма и Руссо, до которых мы с Виктором Степановичем вряд ли когда-нибудь доберемся. Великолепная работа по металлу?

Эйб Шумейкер перехватил меня возле мистера Пинкертона, и мы отправились на ланч в преподавательский клуб. Когда с ним рядом идешь, видишь, что это детина едва ли не баскетбольного роста. А вот издали он иногда производит впечатление обыкновенного университетского доходяги: впалая грудь, сутулые плечи, неизменный твидовый пиджачишко, мешковатые и коротковатые штанцы, всегда обременен книжной кладью. Ко всему этому отличается еще странной походкой с периодическими как бы приседаниями. Как у всех ипохондриков, постоянные метаморфозы происходят у него с цветом лица и выражением глаз: то вдруг разрумянится, засверкает, словно тридцатилетний мальчишка, то весь потухнет, посереет, будто на пенсию пора.

В общем-то, ему уже слегка за пятьдесят, но он только год назад получил звание «полного профессора». В ЦИРКСе (так мы с ним по-русски сокращаем название нашего департамента) Шумейкера ценят как трудоголика, полиглота и очень серьезного политолога, однако он не принадлежит к числу лиц, о которых говорят на кампусе. Мы с ним считаем себя друзьями, хотя это совсем не та дружба, что культивируется в Москве и в которую непременно атрибутом входят многочасовые сидения на кухне с водкой и обсуждением жизненных драм. Здесь у нас все основано на сдержанности, тут пока еще, во всяком случае в университетах, царит цивилизация understatement'a – не знаю, как перевести – недоговоренности, что ли. Будучи друзьями, мы с Эйбом почти не встречаемся вне кампуса, только иногда, очень редко, ездим в Д.С. на игры NBA. У меня нет ни малейшего представления о его семейной ситуации, но по его заношенным рубашкам можно судить, что она не из блестящих. В свою очередь, он ничего не знает о моем одиночестве, перемежаемом описанными выше столпотворениями.

В этот день мне показалось, что Эйб не в своей тарелке. Впрочем, если его и можно было когда-нибудь представить в своей тарелке, то только в роли перекатывающегося огурца. У него, должно быть, не очень стабильная сосудистая система – давление меняется от малейшего беспокойства. Я предложил взять вина, и нам принесли калифорнийского мерло. Мы выпили по стакану, и это его сразу успокоило. Он снял очки и положил их в

¹⁸ Розовые, вперед! (англ.)

нагрудный карман. Это было явным признаком улучшения, большого подъема комфортности.

– Блестящая идея, Влос, – сказал он. – Это вино как-то чудесно на меня подействовало. Вы давно практикуете эту марку?

Я не поддержал эту тему. Такой человек может легко заторчать на какой-нибудь марке вина и стать в конце концов алкоголиком.

– Вы смотрели последний матч «Колдунов»? – спросил я.

– Они продули в доп-тайм! – воскликнул он. – Крис почему-то стал мазать один за другим. Ну согласитесь, это несправедливо!

Как многие сооружения в Пинкертоне, столовая профессорского клуба была тронута и классицизмом, и готикой, и постмодерном. От времен Просветителя остались колонны и мрачноватые своды несколько монастырского вида. Достройки 80-х годов этого века преобразили внешнюю стену. Огромные эркеры как бы впустили в зал окружающий парк или наоборот – вытащили зал в парк на созерцание птицам. В общем, совсем неплохо получилось.

Народу собралось за столиками совсем не мало, и все прибавлялось. Ланч – ключевое время в университетской жизни, как и во всей Америке. Мимо нас проходили профессора, молодые и старые. Большинство лиц было мне незнакомо. Чем дольше я здесь работаю, тем больше незнакомых лиц встречается за ланчем. Я обратил внимание Эйба на это странное обстоятельство. Правда ли, что это признак хорошей циркуляции, показатель здоровья того или иного вуза? Он пожал плечами:

– Черт его знает. Я во все эти дискуссии по университетским структурам не лезу. Да меня никто и не приглашает.

Он снова наполнил наши бокалы, опорожнив таким образом бутылку. Я промолчал. И он промолчал. Мы выпили и взялись за салаты. Он все молчал, и у меня возникло странное ощущение, что он дает мне возможность изучить его лицо. Как бы напрашивается в персонажи. Еще и еще раз я провожу взглядом по его лицу. В любом университете Восточного побережья встретишь такие лица еврейских астеников. Иногда в них проявляется что-то тевтонское. У Эйзенштейна в его псевдопатриотической вампуке роли псов-рыцарей исполняли евреи. Ашкенази отличаются богатством типов. В Америке они стали American Jewish,¹⁹ мой друг – характерный представитель этой нехудшей породы. Мне почему-то захотелось преобразить его фамилию на свой лад. Скажем, Шум-Махер, производитель шума? Нет ли тут излишней претенциозности? Шумейкеры все же – это клан тишайших сапожников без всяких тире и дополнительных значений. Б-р, мне стало не по себе: неужели он влезает в повествование?

– Well, – сказал он и посмотрел.

– Well, – сказал я и посмотрел.

– Вы видели сегодня новости? – спросил он.

– Мельком. Кажется, ничего не изменилось после вчерашнего дела?

– Многое, – почти воскликнул он и приложил ладонь к горлу, как бы стараясь умерить тон. – Они начали наступление на Меджулучье по всему фронту – то есть и с севера, и с юга. Устраивают котел. Пажич теперь блокируется с Карташичем, а вчера ведь еще резали друг друга. Вот вам и непреодолимая линия Хантингтона! Западные и восточные, оказывается, прекрасно могут бандитствовать вместе. Религиозные различия не играют никакой роли, а идеология вообще выброшена на свалку: им уже все равно, кто коммунист, кто капиталист. Действуют только самые примитивные племенные мотивации.

¹⁹ Американскими евреями (англ.).

– Ты, безусловно, прав, – сказал я. По-английски нередко трудно определить, в каких мы с ним отношениях – на «ты» или на «вы». Надо будет уточнить это по-русски.

– Теперь все считают, что я прав. – Он осекся, но после паузы добавил, глядя в сторону: – Но никто не упоминает моего имени.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я осторожно, чувствуя, что мы приближаемся к основной теме, к тому, что его по-настоящему грызет.

– Даже ты, Влос, не помнишь, что я предсказал все эти дела еще три года назад. Да ты читал ли книжку, которую я тебе подарил, – «Ускользящие парадигмы»?

Конечно, я читал эту книгу, если можно так сказать о перелистывании в постели в качестве снотворного. Кажется, я даже что-то говорил автору – что-то лицемерное, делал вид, что взволнован. Хвалил заголовок, это точно. «Ускользящие парадигмы» звучат вполне в унисон с самим предметом, распадающимся государством, возобновлением «балканизации». «Эйб, да ведь это не только о Балканах, – помнится, сказал я ему. – Это о самой человеческой сути. Это глобально, френд, глубоко и глобально». В этом духе.

Теперь, вяло копаясь в «цезарском салате» – кстати, почему он называется «цезарским» – Цезарь его, что ли, любил, или яйца доставали кесаревым сечением? – он заговорил с нарастающим жаром о своей концепции современных конфликтов:

– Еще сорок лет назад Брунис, наш поистине первый постмодернист – это об одном геморрое из нашего же центра, – писал о так называемом *Weltanschauung*, то есть о том, что и как мы чувствуем, глядя на окружающий мир, – иными словами, парадигме религиозных, культурных, поколенческих, социальных и этнических составляющих; с тех пор парадигма «холодной войны» колоссально изменилась, да? Мы должны упорно выделять то, что в популярной журналистике называется «жизненными интересами», – верно? Он был в Косове в 1989 году, когда Милошевич аннулировал автономию. Еще тогда он предсказал неизбежность этнического выплеска, который создаст колоссальную угрозу в центре Европы. На конференции в Брюсселе один аналитик из Государственного департамента возразил Эйбу: сейчас не 1914 год, мир изменился за семьдесят пять лет. Эйбу хотелось ему сказать, что семьдесят пять лет – недостаточный срок, чтобы миру так уж кардинально измениться, однако он промолчал, прекрасно зная, что американские «практики» и «академики» плохо понимают друг друга, поскольку и сами принадлежат к разным и несоизмеримым парадигмам. Впрочем, уже тогда правительственный Институт Мира выпустил монографию о «выплеске этнической угрозы», где приводилась точка зрения Шумейкера – конечно, без ссылок на источник. Ну а теперь, в разгаре всех этих дел, все только и пишут о «выплеске» и об «ускользающих парадигмах», которые нас всех оставляют на мели. Повсеместно употребляется моя терминология, например «механизмы усиленного выживания», которые могут быть разрушены, если ты помнишь – но ты, конечно, не помнишь, – как преждевременным отказом от старой парадигмы, так и нежеланием определить новую. Везде используется моя идея «негативного мира», то есть отсутствия прямой вражды, и «позитивного мира», то есть удаления корней конфликта, принимающего насильственные формы, ну и так далее. Короче говоря, в бесчисленных статьях и докладах идет развитие моих идей, но нигде не упоминается мое имя и титул книги.

Он замолчал и сомкнул свои бледные губы. Этот момент был, очевидно, важен как для моего коллеги Шумейкера, так и для, черт побери, героя моей книги Шум-Махера. Он, видимо, считал, что открыл мне позорную сторону своего внутреннего мира: муку тщеславия, корчи непризнанности. Разомкнув свои бледные губы, он неожиданно коснулся и моей не такой уж глубокой, но все-таки глубинки.

– Как мне тебя называть, Влас или Стас? – спросил он.

В этом университете еще никто никогда не называл меня Стасом. Для всех я Влас Ваксаков, русский профессор с каким-то отдаленным диссидентским прошлым. Имя довольно

удобное для американской фонетики. Его произносят «Влэс» или «Влос», никаких проблем. С фамилией сложнее. Здешнему народу почему-то нелегко произносить звукосочетание «акс», гораздо легче повернуть его на «аск», что мелькает повсеместно. Что касается ударений в русских фамилиях, американец всегда поставит их неверно: если вы Ваксаков, он скажет Ва́ксаков, но если вы, скажем, Кли́мов, то будете Климо́в. Словом, я тут фигурирую как Влос Васкакоу, будто некая гротескная личность с Карибских островов. Студенты предпочитают называть меня «доктор Влос» и не обижаются, когда я иной раз отшучиваюсь: «Больной, покажите язык!»

Никто не интересуется второй, вернее, первой стороной моей деятельности. Мало кто читает романы Стаса Ваксина, а если кто и читает, то не связывает этого автора с «доктором Влосом». В России, между прочим, дело обстоит наоборот: там меня знают как Стаса Ваксина; прежний молодой писатель-деревенщик Влас давно забыт.

Вопрос Эйба меня удивил. Стало быть, он знал меня в обеих ипостасях, всегда присматривался ко мне не только как к сослуживцу, но и как к модернистскому сочинителю? Снова почудилось, что он волей-неволей втягивается в игру. Я не ответил, но лишь пожал плечами: дескать, хоть горшком назови, но в печку не ставь. Он между тем продолжал:

– Ты понимаешь, я не тщеславен, не жажду ни славы, ни золотых дождей, однако меня поражает, почему даже в нашей скромной общине конфликтологов для меня не находится места. Одному достаточно родить какую-нибудь банальность, как его начинают повсеместно цитировать, а другого и «Ускользящие парадигмы» не поднимают на поверхность.

Тут почему-то я протянул через стол руку и толкнул его кулаком в плечо.

– Тебе надо изменить фамилию, Эйб. Ты не Шумейкер. Стань Шум-Махером. Тире и две большие буквы, а также и окончание на «хер» сделают тебя заметным.

Он слабо улыбнулся:

– Узнаю Стаса Ваксина. Только я ведь не из вашей породы, я просто Башмачкин.

Завершив ланч и как-то даже слегка загудев после двух бутылок каберне, мы решили пропустить совещание в ЦИРКСе. Пусть на этот раз Вибиге Олссон без нас обойдется. Все равно львиную долю времени там займут разговоры не о Балканах, а о том, усилится ли офис провоста в связи с реструктуризацией НСС, или, наоборот, нужно поднять в Комитете комитетов идею университетского гражданства. Спокойно без нас обойдутся. Каждый поговорить горазд – вот пусть и выложится каждый. Эйб даже хохотнул не без некоторого шика, свойственного заметным гражданам кампуса. Пусть там Вибиге поговорит, как в своем Копенгагене. Вот именно, как в Копенгагене, там ведь дамы говорят часами. Сутки напролет. Там, в Копенгагене.

Девушка из «Четырех сезонов»

Вместо совещания мы отправились в бар международного отеля «Четыре сезона». Я был уверен, что Шум (так я его уже стал про себя называть) хочет мне что-то еще сказать, то есть «излить душу». Славное выражение, ей-ей, душа представляется русским пьяницам в виде какой-то застоявшейся жидкости.

В этом отеле, что подымает четыре свои башки над купами грандиозной рощи, ты сразу попадаешь в обстановку трансокеанского путешествия, сдержанного комфорта, первосортных запахов. В баре полутемно, но не так темно, как в большинстве местных забегаловок. Нам принесли наш скоч и две сигары. В углу большой экран демонстрировал почти беззвучно первый матч финала между «Слонами» и «Колдунами».

– Дело в том, что я еще, кажется, и влюблен, Стас, – проговорил Эйб.

Ну вот, что и требовалось доказать. За стеклянной стеной, отделяющей бар от фойе, появилась женщина.

– Ну, вот она, – сказал он каким-то странно ровным для влюбленного тоном. – Легка на помине.

Конечно, это она, кто же еще. Не успеешь упомянуть, как она тут же и появляется.

Я внимательно стал созерцать предмет его любви. Странное чувство причастности овладело мной. Мне казалось, что, не будь меня с ним, женщина не появилась бы здесь с такой легкостью.

Она и впрямь была легка, эта молодая красавица в широких шелковых брюках и кофте от модного кутюрье. Ее можно было бы принять за девицу из эскорт-сервиса, если бы не своеобразная легкость походки вкупе с самоиронией всех движений. С такими качествами, согласитесь, трудно сопровождать кого-нибудь, кроме себя самой. Из бара и из кресел фойе на нее уже было обращено немало взглядов – не так уж часто такие героини появляются в окрестностях Пинкертона, – но она, кажется, не замечала ничего, кроме своей собственной динамики, над которой подтрунивала. Ткнула в пепельницу сигарету, быстрый прищур в зеркало, подхватила на руки собачонку, светлые волосы забраны наверх в пышный пучок – умопомрачительна!

– Кто она?

Он пожал плечами:

– Не знаю.

– Ради таких женщин, Шум...

Он усмехнулся:

– Это я знаю.

И снова посмотрел мне прямо в глаза, как бы спрашивая: ну, что еще ты мне можешь предложить?

Девушка между тем иронично-танцующей походкой пересекла фойе и вышла из отеля на солнце. С собачкой на руках, то есть демонстрируя почти неизбежную в таких случаях чеховиану.

В прошлом семестре на курсе «Любовный конфликт в русской литературе» мы читали в классе общеизвестный шедевр, и я спросил студентов, что в нем было катастрофически утрачено. Студентка из Саудовской Аравии догадалась первой: собачка! И впрямь – в течение всей первой половины рассказа собачка постоянно кружила под ногами Гурова. По всей вероятности, она присутствовала и при сцене грехопадения в отеле «Ореанда»; куда же еще ей было деваться? Там же она и пропала, то есть просто выпала из рассказа. То ли забыл о ней от волнения мастер прозы, то ли подсознательно не допустил к интиму. А между тем именно собачка могла стать ключом к решению конфликтной ситуации.

В нашем случае хвост собачки породы кинг чарльз свисал с локтя хозяйки. Под слишком сильным солнцем их изображения перешли из суперреализма в постимпрессионизм. Валет подал машину, что-то очень дорогое, уж не «Роллс-Ройс» ли. Девушка села за руль и укатила.

– Ну, что дальше? – с настойчивой безнадеей спросил Эйб.

Я промолчал. Ну, пожал плечами. Больше не хотелось жать на педали. Пусть сам выкручивается.

Эйб возражал:

– Послушай, Влос, ведь я же знаю твой секрет. Ты не только профессор здесь, но еще и знаменитый автор Стас Ваксина там... – При слове «там» он слегка усмехнулся, как усмеваются все здешние специалисты по России, хотя они жить не могут без этого «там». – Твои романы и здесь переведены, но почему-то никто в нашей школе не знает тебя как романиста.

– Я этого не скрываю, просто никто не спрашивает, – сказал я и уточнил: – В тысяча девятьсот восьмидесятом, когда я сюда приехал, многие знали, но потом тут сменилось целое поколение, пришла новая администрация, и все забыли. Знают, что какой-то тут работает «видный диссидент» из брежневских времен, но с романами Ваксина не связывают. Сейчас никто не может представить, какое значение в СССР придавали романам. Меня это вполне устраивает.

Сказав это, я перестал распространяться на личные темы. В конце концов, сегодня он должен на эти темы распространяться. Словно приняв условие, он тут же взялся:

– Этот конфликт, ну, мой личностный конфликт со средой, находится скорее в сфере *belle lettre*,²⁰ чем в специальной литературе. Ты согласен? Знаешь, мне нужно прочесть твои романы, чтобы что-то извлечь для себя, как-то осветить для себя свою собственную ситуацию: непризнанность, безнадёжную любовь, постоянное раздражение, боязнь алкоголизма, – в общем, весь этот *mid-life crisis*.²¹

Я не выдержал, рассмеялся:

– Эйб, ничего полезного там ты для себя не найдешь. Ведь это же все игра, не больше.

Я чувствовал сейчас хорошо знакомую неловкость, которая возникает, когда ты волевым усилием начинаешь вытягивать знакомого человека из реальной жизни в литературу. Вот он сидит, симпатяга, хотя немного и зануда, длиннолицый, прозрачноглазый американский еврей; почему же мне кажется, что он – в его-то возрасте! – уже законтачил с компанией молодых авантюристов из первой главы; какое отношение он имеет к этой шатии?

Мы посидели еще с полчаса в «Четырех сезонах», болтая о разных разностях: о Вибиге Олссон с ее пристрастием к университетским интригам, о наступлении отрядов Мразковича – смогут ли они выйти к Ядру, – но больше всего о баскетболе, о том, какое значение сейчас приобретает защита и как она парадоксально разрушает нашу любимую игру, превращая корт в безобразную толкучку.

Мы оба когда-то играли в баскет. В студенческие годы, разумеется; он в 60-е, а я, хехе, в 50-е. Должен признаться, я и сейчас, на седьмом десятке, продолжаю баскетболить. Но уже без всякой толкучки, конечно. Вообще без партнеров. Мои партнеры – это мяч и корзина. Для меня это просто часть упражнений. Любимая часть, должен сказать. Одиночный баскетбол лучше тенниса, милостивые государи пожилые читатели. Броски, прыжки, имитация быстрой атаки, заученные финты с поворотами – все это неплохо разгоняет кровь по стареющему т.с..²² Самое же главное в одиноких играх под кольцом скорее относится к психологии, чем к физиологии: ведь каждое попадание – это маленький триумф, не так ли?

²⁰ Беллетристики (*фр.*).

²¹ Кризис середины жизни (*англ.*).

²² Транспортное средство.

В этом есть что-то сродни ловле бабочек, только без нужды совершать маленькие распятия красивых насекомых. Что касается промахов, то они раззадоривают жажду триумфов, а это тоже полезно. Эйб нервно хихикал.

За такими разговорами время подошло к четырем пополудни. Нужно было немедленно ехать в аэропорт встречать сестер Остроуховых. Мы стали прощаться.

– Можно я вас буду иногда называть Шумом, Шум?

– Сколько вам угодно, Стас-Влас!

Договорились, что он как-нибудь заедет ко мне познакомиться с моими гостями. Может быть, это будет тебе полезно. Сестры любят поговорить, вот именно о любви и о неудачах. Let's have a high-five, all right,²³ пока и не унывай. Жизнь слишком коротка, чтобы... ну и так далее, уже на ходу, почти неразборчиво.

Мне нужно было еще взять у соседа джип. В моей машине не поместится и половины барахла, с которым обычно приезжают сестры. Покажется странным, но они являются в Штаты для светской жизни.

²³ Ну, давай по-баскетбольному, хлопнем ладонью в ладонь (англ.).

Сестры О

В аэропорту Даллас, в зале международных прилетов, толпа пестрела множеством знакомых лиц, то есть русских. Не в том смысле, что лично знакомых, а в том, что этнически не чуждых. В каком бы иностранном обличье российский человек ни предстал, в нем всегда опознаешь «одного из наших». Не знаю уж, в чем тут дело, не разобрался за столько лет заморской жизни. С пожилыми людьми еще легче – все-таки советчина отпечаталась, – однако и молодежь в ее бейсболках с отвернутыми назад козырьками тоже немедленно угадывается – наши!

«Аэрофлот» давно уже приземлился, пассажиры-руссаки еще не появились. Толпой тянутся немцы с «Люфтганзы»; тоже, между прочим, легко узнаваемы. Труднее всего опознать китайцев – их нередко можно принять за корейцев. Или за тайваньцев. Но не за японцев. У этих многолетних участников западной толпы есть какой-то специфический шик.

Пошли наши. Возгласы встречающих: «Лидия Стефановна! Ирочка! Вовка! Мухиных не видели? Мухины летели. Мухи налетели?» И вот в числе первых выплывают расписные: Мирка, Галка и Вавка – сестры О.

Несколько слов о том, откуда они явились на эти страницы. Старшая, Мирка, была когда-то женой моего сына Дельфина. Они жили вместе не больше трех лет, но за это время невестка сдружилась со свекром, то есть со мной. Помнится, Дельфин очень много говорил во время их разрыва, все что-то пытался объяснить ей, мне лично, своей матери по телефону, часто срывался на крик, а Мирка как раз говорила очень мало, зато ужасно много курила и иногда, глядя на меня, пожимала плечами. Он уехал тогда в Калифорнию, в Силиконовую долину, где проживала причина разрыва – Сигурни. Мирка собралась возвращаться в Москву (это было уже в перестройку, и в Москву стало можно возвращаться из эмиграции), но потом вдруг спросила: а что, если я у тебя поживу, Стас?

Она обосновалась в комнатах над гаражом, там была вполне приличная по советским масштабам квартира, а вскоре к ней присоединились сначала Галка, а потом и младшая, Вавка, – наши столичные девушки из театрально-литературно-научно-политической среды. У всех трех сестер был уже неплохой опыт разрушения семейной жизни, и сейчас они пестовали идею подцепить американского мужа. Интересно, что по одиночке они бывали грустны, но вместе всегда в лучшем случае хихикали, в худшем громогласно хохотали. Считалось неперенным правилом постоянно шутить. Это правило, надо сказать, они почти в нетронутым виде унаследовали от девушек нашего поколения, то есть от своих мам с их хохмами. В меньшей степени, но все-таки в значительной, было унаследовано и шикарное пристрастие к площадной брани. Отвыкнув за годы эмиграции от московской богемы, я иной раз по-американски произносил «о-о», услышав в разговоре трех изящных особ, ну, скажем, в летучей, за приготовлением ужина, дискуссии о Борхесе или Солженицыне, выражения типа «а не пошла бы ты на хуй, сестрица?».

Они обожали друг дружку. Иногда мне казалось, что они просто не могут жить раздельно, что все их семейные разрывы вызваны лишь желанием возобновить триумvirат. Ни одна из них особенно-то не страдала, избавляясь от мужей или возлюбленных. Пастернаковская фраза «и манит страсть к разрывам» повторялась постоянно и вызывала взрывы довольно оголтелого веселья. Меня это поначалу даже шокировало: все-таки одним из объектов этой «страсти» был мой сын Дельфин, великолепный парень и серьезный генетик.

Вознамерившись, как они выражались, «выудить америкашу», сестры поначалу взялись за это дело всерьез. Оказалось, что в Вашингтоне у них полно знакомых среди журналистов и дипломатов. То и дело они отправлялись на разные parties и, возвращаясь, шумно

обсуждали, кто был «найс», а кто был «шмайс». Иногда возвращались не в полном составе, случалось, что и все три где-то застревали, но это было редко. Временами то Мирка, то Вавка, но чаще почему-то неряха Галка отправлялись в какие-то путешествия – то на Багамы, то на Гавайи. По возвращении той или другой из таких явно романтических полетов все три запирались в своих комнатах над гаражом, «в людской», как они это называли, и подолгу обсуждали ситуацию. Об интенсивности этих бесед я мог судить по густому табачному дыму, валившему из какого-нибудь окна.

Пристрастие к никотину было существенной причиной их неудач на американском рынке невест. Как один человек, весь этот народ встал против пагубного зелья, а тут появляются три грации из Москвы и копят потолки и небо, а ведь это вредит здоровью, что наш генеральный хирург убедительно доказал. Так или иначе, тема «выуживания америкаши» стала сама по себе увядать, и сестры Остроуховы начали более естественным образом приживаться к окружающей среде. Вместо мужей выудили себе право на работу, и оказались к тому же горазды по части ремесел. Мирка уселась на табуретку в биологической лаборатории. Толстопопая Галка взялась за промышленный дизайн. Вавочка тем временем пошла во весь фриланс, если можно так выразиться, говоря о журнализме и кинокритике. Нельзя же всю дорогу ехать на старом Стасе, девки: таков был здоровый почин.

А я, между прочим, не возражал против такой телеги. После смерти Кимберли, с которой мы вместе и покупали этот большущий дом, и после довольно противной, но, к счастью, недолгой попытки заменить Кимберли дочкой русофобки Мэрилу я решил остаток дней провести в одиночестве. Сначала все это шло в довольно элегическом ключе, но потом я понял, что не тяну. Жить одному на краю леса в поселке, полном детей, собак, приездов и отъездов, гаражных распродаж, больших ужинов, на которые тебя иной раз приглашают как местную диковину, – бр-р! Я уже начал подумывать о продаже дома и о переезде в Д.С. в какой-нибудь многоквартирный кондоминиум. Онегину, кажется, не нравилась эта идея, но я его уговаривал: подумай, мы будем жить в пентхаусе, перед тобой море крыш; в городе, мой друг, осталось еще немало некастрированных кошек. И тут как раз стали приезжать, одна за другой, сестры О, и образовалась моя новая странная семья. Девки воспринимали меня в качестве какого-то своего собственного патриарха. Они называли себя «дворовыми», и их излюбленной шуткой была несуществующая конюшня Стаса Ваксина. Батюшка-барин, Вавка совсем отбилась от рук. Послал бы ты ее на конюшню, чтоб ей там задали плетей, и т. д. в стиле нашей классики. Меня, признаться, просто восхищали наши отношения. Эти сестры, по сути дела, вытащили меня из глубокой депрессии. Кроме всего прочего, они еще были одержимы культом моего сочинительства. Любая исчерканная мной бумажка тут же убиралась в соответствующие папки, в компьютере воцарился полный порядок, организована была полка бэк-апов.²⁴ Телефонная и почтовая корреспонденция с моим бездельником-литагентом Оливье Шарабаном была восстановлена. Пораженный тем, что у меня появились три активных ассистента, он, в свою очередь, стал шевелить мозгами и восстанавливать засохшие деловые отношения с издателями. Даже и чеки из разных стран стали приходить почаще.

Так прошло около трех лет, а потом девушки (им было от слегка под – до порядком за тридцать) заболели чеховской болезнью: в Москву, в Москву! Им стало казаться, что вся мировая энергия собралась там, а здесь лишь сытый застой. Не могли себе простить, что «просалатничали» августовские события 1991 года. Я стал испытывать какую-то странную ревность. Что ж, предпочитаете Стасу Ваксина свою московскую революцию – ну и сваливайте! В конце концов далеко не каждый стареющий профессор держит в доме трех слегка бесноватых бальзаковских фемин.

²⁴ От англ. back up – вариант.

Они стали уезжать. Сначала, к сожалению, уехала Вавка. Потом, к сожалению, уехала Галка. И наконец, увы, уехала самая пристрастная, та, что волочила так называемые «родственные узы», – Мирка. Кстати, она нередко показывала нам всем на кухне, как она волочит эти родственные узы. Это было так смешно, так мило.

И вот теперь они возвращаются, катят из глубин таможенных пространств коляски с таким количеством барахла, что не хватит, пожалуй, и соседского джипа. Сдержанность. Только не раздудониваться. Сдержанная приветливость. Все-таки не родственники ведь. Просто приятельницы, ну, как бы литературные поклонницы. Вовсе не основные персонажи, *supporting characters*.²⁵

Елки-палки, да они не помолодели! Ей-ей, не очень-то свежи. Мирка после полета выглядит на все свои «порядком за». Галка демонстрирует отчетливую пивноватость лица. Даже и на Вавочкиной мордашке видны «следы пережитого». Кстати, об этой мордашке. Увы, не Нефертити, как она сама нередко вздыхает по своему адресу. Мы вынуждены согласиться. Совсем не Нефертити, не фертите. Скорее мопсик. У этой Вавки чудесная гибкая фигурка, бурные такие, мажорные волосы, но мордаха, увы, мопсячья, ноздрята торчат. В целом – давайте уж не выпендриваться, старый Стас, – милейшее трио. Чего стоит одна только Галкина шляпа. Уж не из реквизита ли Театра-на-Помойке она добыта? А чего стоит эта шикарная манера непринужденно через платье оттягивать и щелкать резинкой от трусов? Публика готова аплодировать, и она зааплодировала бы, не будь руки заняты багажом.

– Стас! – восклицают они и бросаются, забыв свои тачанки.

Сдержанность, где ты?! Я рядом, я рядом, кричит она. Кто она? Да сдержанность же! Сдержанность рядом! И все хохочут. И я хохочу, старый Стас. Так мы продвигаемся к паркингу – в густом облаке хохота. Это у нас нервное. Чтобы прикрыть чувства. Так требует сдержанность: прикрывайте чувства! Ну вот, Стас, твой гарем вернулся. Надолго ли, девчата? Новый фонтан хохота. Навсегда! Неизменное: «Я к вам пришел навеки поселиться». А замуж разве никто не вышел? Повыходили, повыходили, с вещами на выход! Нынче вышло из моды выходить замуж, вот такой каламбур. Тут Вавка как бы злится. Вам лишь бы хохмить, Мирка, Галка, а я вот старому Стасу верность блюду. «Несерьезные» тут еще больше заходятся. Она блюдет – это когда на блюде. Тут еще одно созвучие напрашивается. Ну, в общем, принимай, мы вернулись, батюшка Стас Ваксина! А как же революционная родина? Знаешь, сейчас на родине основной лозунг «Кто не любит Аллу Пугачеву, тот не любит Родину!». Вот мы и вернулись.

Холодильник забит шампанским и крабьими лапами из Сиэтла, где, как известно, крабьи лапы растут на крабьих деревьях. А сестры-то Остроуховы оказались икрянными: под страхом расстрела органами ФСБ провезли три полкило «зерна». Обжирайся, классик Стас, национальным афродизиакком. Надеемся, хоть одна из нас после этого уцелеет. И тут мы начинаем все вальсировать от переизбытка юмора. Старый Стас с роскошной Миркой, потом с пухлявой Галкой, потом с электрифицированным мопсиком Вавочкой. Потом все вместе вальсируем на юморе. Без юмора сейчас не повальсируешь. На чем сейчас вальсируют, не на ую ведь! Наконец дамы начинают отпадать. Это *jetlag*, джетлеготина паршивая, совсем нас, девушек, обджетлежила, ноги не держат. Оставив разоренный багаж, они удаляются в свои надгаражные спальни. Там загорается свет, потом почти сразу гаснет, и все затихает.

Кончается длинный день. Я поднимаюсь к себе в кабинет, пытаюсь читать, пишу пару фраз в блокнот, смотрю «Заголовки новостей», разговариваю с Онегиным. Кот, кажется, доволен прибытием хорошо знакомого обслуживающего персонала, но все равно куда-то

²⁵ Второстепенные персонажи (*англ.*).

собирается на ночь глядя. Ты знаешь, Онегин, что шумейкеровского спаниеля зовут Байрон? Вы могли бы с ним подружиться, черт бы вас побрал. Кстати о Шумейкере: ты понимаешь его драму? Он не изведал вкуса триумфа, вот в чем дело. Ему пятьдесят, а он еще не пробовал этого шампанского. Может быть, оно покажется ему кислятиной, но пока что он психует: жизнь уходит без триумфа. Человек с вполне нормальным чувством юмора хнычет, что «община конфликтологов» не упоминает его имени. Оттого-то он и влюбился в какую-то красавицу, недоступную богачку. Речь идет об элементарной сублимации – вот что нужно стареющим мальчикам типа этого Шум-Махера. Ему нужно немного шума. Понимаешь?

– Открой дверь на балкон, – хриплым мявом сказал кот.

Я открыл. Венера в ту ночь была на западных склонах неба. Марс стоял на юге, почти в зените. Добавьте к этому полнолуние и кота с поднятым хвостом на перилах балкона, и больше не надо будет распространяться о картине ночи.

«Вернусь, как обычно», – лицемерно прогнусавил Онегин.

«Поосторожней, там, кажется, тявкают лисы», – напутствовал я его.

Он фыркнул: «Они-то мне и нужны!» И исчез.

Я погасил все огни и под лунным светом, падавшим из застекленного куска крыши, прошел в спальню. Где-то в глубине дома приглушенно играла круглосуточная станция классической музыки. Концерт Алессандро Марчелло, крончи-прончидранж-мальфанти-туранда-фати-драм-да-ли-блен-сон, ритм, похожий на шаги босых ног. Ну да, вот они и приближаются, проявляясь из струнных пассажей. Концерт завершается, и она входит в спальню. Как всегда, старается не попасть в лунный свет, однако, когда снимает белый махровый халат, плечи и грудь ее начинают слегка серебриться. Я разом весь встаю к ней навстречу. По своей привычке она отворачивает лицо и предлагает для поцелуев шею и уши. Держу ее уши в губах, то левое, то правое. Она поворачивается ко мне спиной. Это тоже часть нашей игры. Мордочка мопсика исчезает. Проявляется безупречная спина, талия и круглые, энергетически сильно заряженные ягодички. Тряхнув копной своих волос, она усаживается ко мне на колени. Расширяется снизу, протягивает туда руку, втягивает в свои владения мой энергетик, приподнимается и опускается, пока не достигает полнейшего совокупления; или искупления? Я обнимаю ее сзади. Под ладонями, как две горячие пули, гуляют ее соски. Она запускает пальцы в свои волосы и открывает шею для поцелуев. Мы оба не произносим ни слова и даже стараемся не исторгнуть нечленораздельности.

Во время этих нечастых встреч я любил в ней не мопсика Вавку, а некий образ идеальной любовницы. И она, казалось, видела во мне что-то свое, а не думала, что совершает соитие со стариком, «на книгах которого воспитывалась», как гласит общепринятая российская банальность. Иногда при дневном свете, в обществе сестер, я задавался вопросом, знает ли она о наших свиданиях. Многоопытная улыбка подчас проскальзывала по физиономии дурнушки. Во время ночных встреч мы как бы шли на взаимные уступки: я не видел ее лица, а она оставляла у себя за спиной мои морщины и бородавки, пигментацию на плечах и груди.

После завершения она почти немедленно исчезает из спальни и почти немедленно исчезает из моей головы. Я чувствую какое-то странное воспарение, хотя в этих встречах столько отбурлило человеческого порока. Перед тем как уснуть, я начинаю думать о чем угодно, но только не о Вавке Остроуховой. О своих сочинениях, например, в частности, в эту ночь о рассказе «Блюз 116-го маршрута», о назревающем в ЦИРКСе конфликте – пусть простят мне этот каламбур, – об играх баскетбольного play-off, об ужимках постсоветской политики в Москве, о Дельфине и его калифорнийских детках, моих внучатах, о своей поздней дочке Кэтти и ее маме, такой независимой и гордой Ким, о том, как она умирала, о черной рвоте, что исторгали ее уста, о том, как мне было прискорбно и совестно провожать молодую жену в неизвестные сферы нежизни.

Иногда в полусонном уже состоянии проплывали какие-то смутные, неизвестно откуда взявшиеся картины – то пышный собачий хвост, свисающий с чьего-то локтя, то какой-то петух голландский, то попугай псковский. Я открывал глаза, и предметы спальни немедленно возвращались на свои места из ниоткуда. Кто тут распоряжается, пока я сплю?

Нужно приоткрыть дверь коту. При всей его надменности вряд ли ему приятно сидеть в одиночестве на балконе. Оставлю только сетку и не наброшу крючка. Онегин догадается толкнуть сетку башкой, а змея не догадается. Она лишь проскользнет вдоль сетки и удалится. Здешние большие ужи безобидны, но могут напугать сестер. Начнутся крики: «Уж! Уж! Ужас!» Дурацкий уж в ужасе повиснет среди книг, вот тогда и будет с ним хлопот. Надев халат, я вышел на балкон. Луна ушла за кроны больших деревьев. Венера и Марс прилежно дежурили на сводах горизонта. На балконе не было ни Онегина, ни ужей. Там сидел Прозрачный, похожий в этот момент на жабу величиной, пожалуй, с борца сумо. Сидя в кресле, он частью своего тела обхватывал столик. Была ли это жаба? Если и была, то не из тех, что в летнюю пору, словно коровы, трубят в нашем заросшем пруду. От этой жабы не пахло слизью, и пятен болотных не было видно на ней. Она была сверхъестественна, и потому все разговоры о безобразии или небезобразии были неуместны. Все огромное ее тело было прозрачно, все, что было внутри, предлагалось для обозрения, однако почти ничего из этого нельзя было назвать. Пожалуй, лишь два предмета внутри Прозрачного можно было хоть как-то назвать – ну, скажем, «глаза», и эти «глаза», то ли в паре, то ли в слиянии, смотрели на меня, не глядя, но переливаясь, перекатываясь, искрясь в своих непостижимых глубинах, что-то как бы говоря, но что – нельзя и понять. Легче всего было бы сказать, что там была жалость-печаль, но это не то, совсем не то. «Садись на меня», – вдруг отчетливо пригласил он. Я подошел и сел, и он тут же исчез, как будто никогда меня не облегал, вообще ко мне не имел никакого отношения.

Часть III

Блюз 116-го маршрута рассказ

Всякий раз по приезде в Москву из Америки я нахожу десяток минут для созерцания панорамы центра, что открывается из эркерного окна моего кабинета. Начнем с зенита. В московских небесах вообще-то трудно не заметить некоторой свинцовости, постоянной тенденции к застою, однако время от времени – и в последние годы все чаще – облака приходят в движение, в них возникают неожиданные прорывы и провалы, привносящие в атмосферу лазурные, и золотые, и бутылочно-зеленые нерасшифрованные послания; невзирая ни на что, ежедневная небесная драма продолжает разворачиваться.

Кремлевские башни и башенки занимают прочную позицию под движущимися небесами в левом углу моей панорамы. Луковки соборов и колоколен ослепляюще блестят или мутно светятся в зависимости от небесной иллюминации. В центре картины мы видим типичную сумятицу крыш, шпилей, куполов вкупе с уродливыми ящиками цементной архитектуры. Триколор только что народившейся демократии, словно заморский гость, парит над зданием бывшего ЦК КПСС.

В правом углу панорамы, над деревьями Яузского бульвара, еще один куст церковей поднимается к небесам: Петропавловская церковь, церковь Трех Святителей и другие неизвестные мне по имени. Атеистическое государство использовало их под склады или в лучшем случае под какие-то музеи – теперь они возвращаются в православное ведомство.

Давайте снизимся от куполов к наземному транспорту. Вдоль бульвара побрякивает старинная трамвайная линия, что определенно числит среди своих пассажиров 1910-х годов футуристов Бурлюка и Маяковского, а среди пассажиров 1930-х – бездомных акмеистов Осипа и Надежду Мандельштам. Теперь, в начале 1990-х, на этой линии можно увидеть вагоны, покрашенные желтком и королевской синькой и несущие призывы сигарет «Кэмел». Время от времени там, словно призрак, появляется старомодный трамвай с большими буквами на борту: «Черная магия, Воланд и Компания». Все вместе, литература и западный «агрессивный маркетинг», привносят в пейзаж сюрреалистическую интонацию. После семидесяти пяти лет красного тифа город еще не обрел равновесия, все еще покачивается в полусомнамбулическом состоянии.

Теперь вернемся к моему дому, этому гиганту сталинской эры. Широченный перекресток с одиннадцатью светофорами распростерт у его подножия. Регуляторы стараются изо всех сил, но не могут справиться со все нарастающими стадами автомобилей дикого капитализма. Потоки транспорта то и дело создают заторы по всем направлениям. Красные, желтые и зеленые сигналы бессмысленно мигают над этой дьявольщиной; легковушки, фургоны и грузовики источают окись углерода и шоферскую похабель. Городское раздражение достигает десятого этажа. Я закрываю окно и поворачиваюсь спиной к панораме. Теперь моя диспозиция готова, можно начинать повествование.

Разговариваю по телефону с другом юности Игорем Гореликом. Голос у него совсем не изменился за эти годы. Тот же притворно ленивый тон любимца общества. Пролетает дуновение тех сладостных дней. «Игорь-Игорь», – думаю я.

«Слушай, Стас, – ты, Игорь, говоришь, – мы тебя ждем сегодня вечером. Любка сделала кулебяку для тебя персонально. Да-да, та самая кулебяка, гордость ее кухни! Да-да, Незабываемая Любка, забываемая кулебяка!»

Мы оба смеемся. «Игорь-Игорь, – думаю я. – Ты знаешь, что я не могу отказаться от твоего приглашения. Как и в те незапамятные времена в Ленинграде, когда юный Влас (ныне Стас) никогда не отказывался от приглашений к тебе, в аристократический дом на набережной Крузенштерна, где мы кайфовали под джаз с самых что ни на есть последних долгоиграющих (!) американских пластинок. Послушай, Игорь, а как ты узнал, что я... хм... в России?»

«Хохма! – усмехаешься ты. – Я тебя видел вчера по телевизору. А телефон твой мне дал Антилопов – тот саксофон, помнишь?»

«Игорек-Игорек, – думаю я. – Ты так говоришь, словно мы не чужие друг другу старперы, а те одноклассники, ближайšie друзья, стилиги пятидесятых. Кого ты хочешь обмануть – меня или себя? Ты так со мной говоришь, как будто сорока лет не прошло. Как будто мы еще не потратили наши жизни. Как будто мы еще не дрались с тобой из-за Незабываемой Любки тридцать лет назад. Как будто ты еще не порвал с нашей компанией двадцать лет назад. Как будто Кешка Антилопов все еще саксофонист, а не министр в новом правительстве реформаторов.

Неужели ты забыл, Игорь, как в начале семидесятых ты стал ответработником ЦК, «спичрайтером» и консультантом? Ты, человек строгих антисоветских убеждений, которыми ты так всегда гордился, – забыл? Я знаю, что ты не был там в аппарате самым «чегоизволите» товарищем, ты знал себе цену – так или иначе, ты был одним из немногих тогда высоколобых интеллектуалов, что читали Шопенгауэра и Ницше, Соловьева и Федорова, Фрейда и Эйнштейна, Розанова и Сартра, Деррида и Леви-Страуса; список далеко не исчерпан, о нет! – но разве это не ты и твои новые товарищи, циничные интеллектуалы партии, сочиняли для Брежнева и Андропова перлы вроде «Движимый высоким духом международной солидарности, советский народ единодушно поддерживает правительство Бабрака Кармаля в его благородной борьбе против происков американского империализма», – не ты?

Неужели ты забыл, Игорь, как однажды в конце семидесятых во время нашей случайной – или не случайной? – встречи ты дал мне понять, что нам не стоит поддерживать дружеские связи, особенно ввиду того, что я все больше дрейфую в сторону врагов режима? «Судьба слепа, но каждый встречает ее поодиночке», – разве это не ты отчеканил тогда эту мудрость перед тем, как мы расстались?

«Между прочим, – ты говоришь сейчас, – у нас тебя ждет обалденный сюрприз».

«Не сомневаюсь», – говорю я.

«Что ты имеешь в виду?» – удивляешься ты.

Я лишь вздыхаю в ответ.

«Машина нужна? – В этом месте ты немного спотыкаешься, видимо вспомнив цэковские машины. – Я могу послать за тобой машину».

«Не нужно, я приеду на троллейбусе».

«На троллейбусе? – Ты хохочешь. – Любка, воображаешь, Стас собирается к нам на троллейбусе!»

«А почему же нет, – бормочу я. – У меня тут сто шестнадцатый прямо под окном, а ведь он идет, если память не изменяет, прямо к метро «Князь Кропоткин».

Ты определенно тронут, вплоть до того, что и меня трогают какие-то трогательные нотки в твоём голосе.

«Предлагаешь встретиться на том же месте, где тридцать лет назад? Возле «Моссправки»?

«Точно!»

«Стас Ваксина!»

«Игорь Горелик!»

Договорились. Ожидается ужин с приятными воспоминаниями.

Выхожу из дома. Под высокой аркой постоянный поток окиси углерода маскируется под ветер из чьего-то непорочного детства. Трафик застрял по всему перекрестку. Единственным движущимся объектом в этом параличе оказывается только что упомянутый 116-й троллейбус с его щупальцами на крыше.

На остановке оттуда никто не вываливается. Никакой душегубки внутри – пожалуй, даже пустовато. Несколько пассажиров с ухмылочками, с приплюсочками покидают т.с. Никто не собирается штурмовать двери. Впечатление такое, что т.с. прибыло не из московской сутолоки, а из буколического рассказа. Никто вообще не садится, кроме автора.

Не успел я войти, как двери закрылись с громким шипением. «Не успел» следует понимать буквально, поскольку часть моей левой ноги оказалась зажатой между двух полос резины. После минуты неуклюжей борьбы, уже на ходу, я воссоединяюсь со своей конечностью. Все в порядке, ничего серьезного – полоса грязи на светлых брюках не считается.

Я занимаю сиденье и оглядываюсь в поисках кондуктора. Она, или он, не определяется. Десять лет назад, когда я уехал из этого города в Штаты, каждый троллейбус имел своего персонального кондуктора. Отменили их, что ли, с того времени? Каким же образом теперь тут собирают плату за проезд? Спросить некого: я тут, оказывается, один во всем просторном салоне.

116-й между тем медленно выбирается из бардака нашего перекрестка и начинает свободное движение вдоль набережной Москвы-реки. Ветер и солнечное сияние превратили мутные воды в сверкающую поверхность танцующих волнишек. На другой стороне водного пути чудовищные темно-серые стены электростанции высятся, как призрак коммунизма. Паук серпа-и-молота все еще висит на крыше, однако рядом с ним сидят «Роллекс», «Самсунг» и прочая капханалия.

Внезапно меня пронзило ощущение, что кто-то за мной наблюдает. Я еще раз оглянулся: никого не видно. Я посмотрел вперед и только тогда заметил увеличенное лицо в большом зеркале заднего вида. Не сразу я понял, что это было лицо водителя. И только через несколько секунд осознал: именно он наблюдает за мной, да к тому же и с чрезвычайной враждебностью.

Вряд ли кто-нибудь в Москве скажет, что водители троллейбусов симпатизируют своим пассажирам, однако выражение этого тяжелого лица отличалось от обычной усталой недоброжелательности. Передо мной в зеркале заднего вида было то, что называется «львиной маской», как бы раздутой от ненависти.

Он ловит мой взгляд, и на лице его появляется угрожающая гримаса. «В чем дело?» – спрашиваю я молча. В этот момент троллейбус останавливается на красный свет. Освободившимися руками водитель показывает мне, как он сжал бы ими мою глотку. Для пущей убедительности делает своими лапами винтообразное движение.

Может, он просто недоволен тем, что я не заплатил за проезд? Ну конечно, что же еще? Я иду к его кабинке и через окошечко в стеклянной перегородке протягиваю пятитысячную ассигнацию. Стараясь разрядить обстановку, говорю ему с улыбочкой: «Да вы не думайте, что я зайцем тут у вас хочу проехаться. Я просто не знал, как заплатить. Должно быть, вы сами принимаете плату, не так ли?»

«Сядь на место, говнюк», – говорит он с глубочайшим презрением. Я делаю вид, что не расслышал обидного слова.

«Вы знаете, я долго жил за границей и, должен признаться, отвык от нашей славной транспортной системы».

Он швыряет свою колымагу вперед и рычит: «Скажи спасибо, что у меня руки заняты!» Я ему говорю: «Да что вы рычите, как зверь? Уж извините мне мое невежество, или, если угодно, рассеянность. Чего рычать-то?»

В ответ он не рычит, а ревет: «Сядь на место, жопа!» Его правая рука на мгновение резко снижается к левому бедру, как будто он хочет вытащить из ножен казачью шашку или, скажем, кубинское мачете.

Что за вздор, какое еще мачете у обычного московского водителя троллейбуса?

Внезапно какая-то неясная издевательская скороговорка доносится до меня, я различаю в ней только одно слово: мачете, мачете... В зловещей изоляции этой электротелеги с ее пневматическими дверьми, находящимися во власти агрессивного хмыря, чувство ловушки медленно пронизывает меня с ног до головы. «Перестань, – говорю я себе, – кончай накачиваться этим дурацким страхом, освободись от него. Ничего серьезного не происходит. Просто чокнутый за рулем, вот и все. Может быть, он даже и не чокнутый, а просто мучается с похмелья. Никакого мачете быть не может в этом рассказе, в худшем случае ржавая монтировка. Ну а если он будет тебе грозить этой монтировкой, сопротивляйся! Конечно, ты стар, но все-таки еще недостаточно стар, чтобы капитулировать. Ты сам выбрал этот троллейбус с идиотом за рулем – больше винить некого. Это просто идиотское стечение обстоятельств с 1 % нехорошего исхода. Или с 15 %. Быть может, 50 %, но не больше. Ни в коем случае не больше 50 %. Во всяком случае, у тебя еще хватит мускулов, чтобы сопротивляться.

Если, конечно, у него нет огнестрельного оружия. Или острого кубинского мачете, подаренного ему братьями Кастро. О'кей, следующая остановка приближается. Сейчас сюда влезет группа симпатичных москвичей, вся обстановка разрядится, и ты перестанешь чувствовать себя одиноким заложником».

Через стеклянную перегородку я вижу личную карточку водителя, прилепленную к ветровому стеклу; она гласит: «Вас обслуживает водитель тов. Кашамов А.Х.». Карточка снабжена и фотографией. Ей-ей, он не всегда выглядел так хреново, как сегодня. У него были волнистые светлые волосы, прозрачные глаза, и только губы демонстрировали слегка угрожающий хулиганский изгиб.

Не успел я нагнуться к окошечку, чтобы сказать ему что-то юмористическое, примирительное по поводу его фото, как он ткнул прямо в это окошечко монтировкой. Сделай он это на долю секунды позже, и мое зеркало души было бы всмятку. Я вскричал: «Сукин сын! Ты что, псих, что ли?!» Восклицание было сугубо риторическим: если он не псих, то кто же? Какой водитель троллейбуса относится так к своим пассажирам?

Он расхохотался: «Ну, говна кусок, теперь ты знаешь, что может случиться с таким, как ты, гребаным шпионом! Еще возмущается! Занимается своим гребаным шпионажем среди бела дня и еще возмущается! Жаль, что я тебе черепушку не пробил, бляха шпионская!»

Нужно немедленно выйти отсюда! Нужно позвонить в полицию! Или как ее там – в милицию! Агрессивный маньяк за рулем! Слава богу, приближается следующая остановка. Возле кино «Зарядье» дюжина пассажиров готовилась к посадке на невинно выглядывший 116-й. Дорогие мои законопослушные соотечественники, почитатели Здравого Смысла, теперь вы увидите, какой «одиночки» ублюдок, если нам позволят использовать лексикон «Механического апельсина», повезет вас по вашему маршруту. Ведь это же угроза не только отдельно взятому пассажиру, но и дюжине таковых! Дамы и господа, просто дайте волю небольшому обобщению – и вы увидите, что такие водители предвещают позорный конец всему космическому кораблю «Земля»!

Затем произошло немыслимое: товарищ Кашамов не остановился у «Зарядья». Он даже и не подумал открыть двери. Мелькнула дюжина открытых ртов, и в следующий миг мы были уже под мостом. В темноте я увидел только металлический зуб в хохочущей пасти, отраженной в зеркале заднего вида.

Абсурдность ситуации сокрушила мою нервную систему. Я обливался потом. Меньше всего я был готов сражаться с безумцем. Я просто дрожал, а сердце бухало, как последнее копыто у загнанной лошади. Я видел, что некоторые пассажиры стараются догнать проскочивший мимо троллейбус, размахивая своими зонтами и тросточками, однако товарищ Кашамов лишь хохотал в свое удовольствие. Он даже забыл на некоторое время о заложнике: проскок «Зарядья», очевидно, был для него главным триумфом дня.

Следующая остановка, Плавательный бассейн имени Владимира Ленина, появляется в поле зрения. Большая группа пассажиров ждет там 116-й. Кашамов определенно не имеет никаких намерений подобрать их, скорость возрастает.

Я кричу: «Слушай, Кашамов, похоже на то, что ты сегодня попадешь в смирительную рубашку!»

Без раздумья он выплевывает всю имеющуюся слюну в окошечко своей перегородки. К счастью, не весь заряд этой слизистой секреции попадает в цель – только незначительное количество крохотных капель, иначе заложник сам бы стал кандидатом для смирительной рубашки. Пока что я просто на грани безумия.

«Слушай, подонок, – говорю я свистящим шепотом, – если ты не остановишься и не выпустишь меня отсюда, я тебе продырявлю затылок!»

Он смотрит на меня через плечо.

«Ну, покажи!»

«Что показать?»

«Твой ствол».

«Останови троллейбус!» – кричу я почти истерически.

Он хохочет: «Брешешь, папаша! Нет у тебя ствола! Плюю в твою морду, папаша!»

Все мои члены дрожат. Был бы у меня ствол, я бы прицелился в эту омерзительную башку с большой плешью и с ушами, на которых серая волосня торчит вверх, как у волка. Не уверен, что выстрелил бы, но уж, безусловно, взял бы на мушку.

Тем временем мы приближаемся к кольцу маршрута 116. Толпа пассажиров, очевидно, счастлива узреть материализацию долгожданного тролля. В этот ранний вечерний час площадь Князя Кропоткина полна человеческой активности. Станция метро откачивает волны населения. Я вижу приметы новых времен – многочисленные коммерческие киоски. Западных товаров в них столько, сколько не набралось бы во всей Москве наших времен. Все же веи прошлого еще видны то тут, то там. Например, «Моссправка» и круглая театральная тумба, и между ними я замечаю моих друзей – тебя, Игорь, и твою жену Любку Андриканис, эту Незабываемую. Так или иначе, невзирая ни на что, зловеший 116-й привез меня к берегам ностальгии.

Увы, слишком преждевременно я стал предвкушать Любкину кулебяку. За десять метров до остановки тролль делает резкий левый поворот, ударом в зад отшвыривает фургончик и снова резко поворачивает, словно убегая от толпы набегающих пассажиров. Восхитительный маневр, надо признать, однако 116-й все-таки не спортивный «Феррари», а дряхлый советский троллейбус, целиком зависящий от подвешенного электрокабеля. Щупальцы его потеряли контакт. Двигаясь по инерции, колымага врезалась в фонарный столб и сокрушила это сооружение. И остановилась! Наконец-то! Все двери разом распахнулись. Товарищ Кашамов был выброшен со своего удобного сиденьца на землю. Он вцепился в асфальт и остался лежать там без движения, распростерт.

Я дешево отделался: всего лишь фонарь под глазом и трещина в ребре, что было обнаружено рентгенологом на следующий день. Во всяком случае, я выгрузился и присоединился к толпе зевак. Народ сформировал классическое кольцо вокруг кашамовского тела. Приподнятые голоса звучали, как хор в драме. Фальцет корифея старался организовать несколько хаотическую дискуссию.

КОРИФЕЙ: Это он, водитель троллейбуса Кашамов, не так ли?

ХОР: Это он! Или двойник? Или тезка? Нет, это он, лично!

КОРИФЕЙ: Читали ли вы его недавнее интервью в «Вечерке»?

ХОР: Он идеолог Суши! Он главный враг Моря! Да нет, он просто мудака! Он просто бухарик и бомж! Красно-коричневый? Просто наркотик! Он идиот!

КОРИФЕЙ: Так почему же ему разрешают работать на общественном транспорте?

ХОР: А что они могут сделать? В этом городе страшная нехватка водителей троллейбуса. Ведь мы все-таки приближаемся к концу тысячелетия!

Ни хор, ни корифей не обращали внимания на бывшего заложника их героя. Никому я был не нужен, кроме Гореликов. Они подбегают: «Стас, ты в порядке?»

«Ай'м файн»,²⁶ – отвечаю я в соответствии с благоприобретенной за океаном привычкой. Всегда отвечай «файн», и будешь «файн».

Незабываемая Любка счастливо смеется. Во рту у нее все еще полно жемчужин.

«Как тебе нравится этот неисправимый Стас Ваксино? Из тысяч московских водителей троллейбуса он нашел одного сумасшедшего! Город полнится слухами о невменяемом водителе троллейбуса, однако никто на него не наталкивался, кроме тебя, Стас Ваксино!»

«Ну, пошли, – говоришь ты, Игорь. – Боюсь, как бы там наша водка не нагрелась: холодильник хандрит».

«Надо все-таки узнать, в каком состоянии этот хмырь. Этот хор вокруг шумит, как стая грачей, и никто не озаботится, нужна ли помощь этому хмырю – переливание крови там или что-то еще».

Любка продолжает веселиться: «Посмотрите на этого Стаса Ваксино! Подонок хотел из него сделать котлету своим мачете, а он беспокоится о его состоянии – каков либерал!»

«О каком еще, к чертям, мачете ты говоришь, Любка?»

«А что же он сжимает в правой руке? Может быть, ты хочешь сказать, что это просто преувеличенная селедка?»

Я смотрю туда, куда она показывает. Штука в руке Кашамова не похожа на преувеличенную селедку.

«Ну, пошли отсюда, дядя Стас», – говорит кто-то еще за моей спиной.

Я оборачиваюсь и вижу высокого молодого человека, сильного, элегантного, «дэбонэр», что называется. Не без труда узнаю сына Гореликов Славку – того самого, кто все эти годы жил в моей памяти как вездесущий тощий подросток с ленинградской набережной Крузенштерна.

«Славка!»

«Стас!»

Мы обнимаемся.

Ты, Игорь, суживаешь глаза: «Я же обещал тебе сюрприз, вот и получай!»

Они все еще живут в одном из цэковских домов возле Гоголевского бульвара, шикарное пристанище даже по американским стандартам. Раньше подъезд круглые сутки охранялся милицией. Теперь охраны нет, а потому основательно несет мочой. Внутри их большой квартиры приметы упадка едва заметны, но все-таки заметны. Многие вещи, принадлежавшие ушедшей советской эпохе, в частности всякие западные штучки, к которым хозяева имели доступ через свои «закрытые распределители», сейчас выглядят жалко. Одна штука, впрочем, несет на себе приметы неопровержимо высокого класса: антикварный бильярдный стол в глубине анфилады.

²⁶ От англ. I'm fine – У меня все прекрасно.

Ты, Игорь, хихикаешь: «Ну, Стас, как себя чувствуешь в доме банкрота? Ну да, наша корпорация объявила дефолт, так что мы все потеряли кредит. Хочешь, я расскажу тебе, как это случилось?» И ты рассказываешь мне простую, хотя немного и апокалиптическую, во всяком случае с точки зрения коммуниста, историю.

Утром 21 августа 1991 года ты, Игорь, сидел в своем кабинете в святая святых на Старой площади. Снаружи до тебя доносился рокот большой толпы. «Финита ля комедия, – думал ты не без злорадства. – Вы, товарищи, не последовали советам ваших наемных интеллектуалов по модернизации общества, и теперь ваше мрачное величие обоссалось и обосралось».

Тут без всякого предупреждения двери кабинета распахнулись, и трое парней Славкиного возраста, джинсы и кроссовки, вошли в самой небрежной манере. «Сваливай отсюда, партийная крыса!» – сказали они попросту. Ни драматизма, ни злобы не слышалось в этом историческом вердикте. Для них это все само собой разумелось. Да и «крысой» они не хотели обидеть. Для них все, кто сидел в этом здании, были крысами, без всяких исключений и тонкостей. «И они правы, – думал ты, Игорь, во время этих быстрых минут, – мы все крысы, и совсем не важно, кто что сделал для того, чтобы расширить «границы терпимости». Они просто хотят, чтобы все мы слиняли со всеми нашими крысиными перестройками. Наша цивилизация завершилась, мой друг».

«Ваша цивилизация?» – спросил я.

Он уточнил: «Моя и твоя. Цивилизация партии и антипартии была кончена».

«Хм», – сказал тут Славка.

«Прекрати эти свои «хм»! Уволь меня от твоих хмычек! Я сыт ими по горло!» – ты, Игорь, взорвался почти в истерике.

Любка Незабываемая вышла из столовой: «Ужин готов, джентльмены!»

Мы сидим вокруг стола. Любкино кулинарное искусство, как всегда, на высоте. Блаженство ее нежной, с хрустящей корочкой кулебяки омывается водкой, настоящей на крымских травах. Непревзойденная Любка! Сколько ей лет? Когда Игорь представил ее нашей банде в Коктебеле, ей было 19. Через год она родила Славку. Ей, стало быть, еще нет пятидесяти, может быть, сорок семь – вроде этого. Иногда она выглядит абсолютно молодой, абсолютно! Юной и счастливой! Незабываемой и Неувядаемой!

Что касается Славки, то он больше не шалит со своими хм-хм. Напротив, благосклонно общается со старым поколением. Рассказывает городские шутки про «новых русских». Мне нравятся эти хохмы про автомат-калькулятор в багажнике «бенца».

«Вот тебе, Стас, чистый романтизм, – говоришь ты, Игорь. – Цикл постпостбайронизма завершен!»

Иногда ты бросаешь боковые взгляды в глубь своих анфилад. Гигантский бульдог бильярдного стола отражается в твоих зрачках.

«Я вижу, ты почти все понимаешь, Стас. Да-да, я тоже завершил цикл своих трансформаций. Пока ты был вдалеке от родины, я стал гроссмейстером бильярда. Коммунисты, вперед!»

Ты рассказываешь о своей последней трансформации. Вся ваша компания высоколобых партийцев пренебрегала ленинской теорией. В ЦК вы просто халтурили. Львиную долю своего времени вы проводили в партийных санаториях, стоя со своими киями вокруг зеленых суконных поверхностей. День-деньской все вы играли на бильярде, и ты, Игорь, был неопровержимым чемпионом этого как бы несуществующего клуба. Апокалиптические события 91-го не только разрушили твой величественный мир, они также способствовали высвобождению твоего второго «я» выдающегося бильярдиста; вот вам и диалектика!

«В той комнате, – ты киваешь в глубину своего апартамента, – собирается самый эксклюзивный клуб городских игроков. Вот так-то, Стас. Бог даст день, Бог даст пищу».

Интересно, что в течение всего ужина никто из семьи не задал мне ни единого вопроса о моей жизни в отдаленной стране. В постсоветское время странное равнодушие к Америке стало распространяться среди москвичей. Публика почему-то полагала, что она знает о Штатах все. Тот факт, что человек живет в Америке, как бы говорил сам за себя. Фактически единственный личный вопрос был задан Любкой, когда она возилась с моим подбитым глазом: «Больно, Стас?» Заботливые ее руки – время нанесло им урон больше, чем другим частям тела, – превратили мой фонарь в размазанное сине-оранжевое украшение сродни цветковым пятнам Кандинского. И все же это было незабываемо – ее пальцы вокруг моего глаза.

Русская выпивка без философии считается пустой тратой времени. И наша не была исключением. Мы истощили уже все запасы доброго юмора, легкого сарказма и легкомысленных воспоминаний. Несмотря на ароматную водку и благодаря огромному количеству еды, мы становились все трезвее и сумрачней; что называется, обкушались. Теперь мы поглядывали друг на друга как бы в предвкушении того, что называется «серьезным разговором». Ребро болело, и философия становилась неизбежной.

«Что же, Игорь? Что же ты все-таки думаешь обо всем этом анекдоте?»

«Каком анекдоте?»

«Об империи, которая собиралась существовать вечно, но не дотянула и до семидесяти пяти лет, перед тем как развалиться на куски?»

«Эта штука не дотягивает до анекдота – это история, а об истории и говорить нечего».

«Иными словами, нет никакого смысла в подсчете невинных жертв и невинных злодеев – так, что ли?»

«Есть только слепая удача и не менее слепая беда – вот что такое история. Как у вас в Америке говорят, *right time and right place, wrong time and wrong place*.²⁷ А фактически хаотические завихрения на пути к окончательной инвентаризации».

«И стало быть, стоя вокруг бильярдного стола, ваш клуб будет ждать ангела с Благой Вестью: Жизнь Есть Форма Существования Белковых Тел; так, что ли?»

«Верная догадка, мой милый Стас Ваксино, властитель дум нашего поколения».

Провожая меня, Любка Незабываемая жарко прошептала прямо мне в ухо, которое тоже слегка ныло из солидарности с ребром и глазом: «Не знаю насчет дум нашего поколения, но некоторые старые девушки до сих пор тебя помнят, мой Стас Ваксино». Славка подвез меня до дома в своем «Ягуаре», чей задок слегка провисал, как у стареющей, хотя все еще в активном бизнесе, бляди.

– Не беспокойся, Стас, через неделю я обменяю его на почти новый «Порше», – сказал он мне по-мальчишески.

– Я не беспокоюсь, – не очень-то хорошо ответил я.

Когда-то я любил его, как своего собственного сына. Когда-то он приезжал ко мне из Ленинграда и немедленно интересовался последней доставкой нелегальной литературы из-за бугра. «Питер нуждается в литературе! – восклицал он с глазами, полными пылающих убеждений. – Нам нужна настоящая литература по любому предмету: искусство, философия, религиозная мысль, права человека!» Он полагал себя революционером, подпольным связным. Встретив его сегодня, я был смущен и пристыжен оттого, что я так мало думал о нем там, в Америке. Сказать по правде, у него не было специального сегмента в моей памяти. «Ублюдок, – подумал я о себе, – ты больше думаешь о персонажах своих книг, чем о реальной близкой душе».

В машине он мне говорит: «Ты знаешь, что моя мать была в тебя влюблена всю жизнь? Она и сейчас в тебя влюблена».

²⁷ В нужное время в нужном месте, в неподходящее время в неподходящем месте (англ.).

Я смотрю на его профиль молодого самоуверенного парня с мальчишеским крючком по новой моде. Он бросает на меня взгляд и усмехается. Классный малый! Я спрашиваю его, что с ним произошло за время моего отсутствия. Откуда этот шрам на подбородке?

«Это тюрьма», – отвечает он.

Поразительно! Оказывается, он умудрился отсидеть три года в тюрьме как один из самых последних советских «узников совести». Глава гореликовского клана донес на него в КГБ. Нет, конечно, не мой старый кореш Игорь, а настоящий глава клана – Славкин дед Николай (бывший Натан) Горелик, коммунист с дореволюционным стажем, классик соцреализма по живописи, трижды сталинский лауреат, ну и так далее.

Когда Славкины родители переехали в Москву, юнец решил остаться с дедом на набережной Крузенштерна. Они любили друг друга. Дед не принимал Славку всерьез с его «завиральными идеями», а Славка не принимал «ископаемое» всерьез с его соцреализмом. Так было до одной ночи в 1988-м, когда после какого-то спора дед вдруг понял, что вырастил «настоящего белогвардейца». Впав в невменяемое состояние, он стал названивать на Литейный и в результате спровадил внучонка в чекистское узилище. Только августовская революция 91-го освободила этого Мстислава, но он и не помышлял мстить.

«Поверишь ли, Стас, – он говорит, – каждое утро я просыпаюсь с острым ощущением счастья. Я так счастлив, что это все кончилось! Что именно? Вся эта история, которая не дотягивает до анекдота, как говорит мой смешной папа. Вся эта чудовищная империя и наша неуклюжая борьба за права, весь этот придурковатый дедушкин диамат и папочкин цинический романтизм. Я просто счастлив оттого, что весь этот постбайроновский, постсартровский, постбахтинский постмодернизм, включая, прости, и твои сочинения, это российское блядское «лишнелюдие», – закончилось!»

«А что ты собираешься делать, Славка?» – спрашиваю я.

«Деньги!» – он говорит.

«Да, между прочим, – он говорит, – ты не можешь дать мне сотню грэндов на пару недель?»

«Сто тысяч?»

«Ну да, сто тысяч баксов».

«Боюсь, ты меня за кого-то другого принимаешь, Славка. Я ведь просто колледжский учитель в Штатах».

«Ну, сколько ты мне можешь максимум дать на пару недель?»

Я делаю мгновенный расчет в уме и решительно перечеркиваю столь желанные кипрские вакансии.

«Не больше чем три».

«И это пойдет, – говорит он с улыбкой. – Хотя бы на три дня отмажут. Верну тебе три через неделю, щедрый дядюшка Стас. А через год выплачу тебе тысячу процентов интереса».

«Ты сумасшедший, мой мальчик», – вздыхаю я.

Мы приближаемся к моему дому. Со своей главной башней, башенками и монументальными скульптурами чудовищный чертог закрывает восточную часть московского небосклона.

«На что тебе этот денежный бизнес, Славка?» – Я выговариваю этот вопрос с трудом, но и со жгучим интересом.

Небрежно, но и не без меланхолии он выговаривает ответ: «Не кажется ли тебе, что я тоже имею право на свою личную утопию?»

Вопрос на вопрос, в ответе зеро.

«Похоже, что вы все тут слегка поехали», – вздыхаю я.

Он смеется: «Я тебе далеко не все еще сказал, Стас Ваксино». И тоже вздыхает.

С чрезвычайной осторожностью я задаю последний вопрос: «Скажи, ты путешествовал когда-нибудь вдоль Каспо-Балтийской Стрёмы?»

Он смеется: «А что тебе?»

«Да так, просто хочу отдохнуть на каком-нибудь теплоходе. Ну, скажем, на «Михаиле Шолохове».

Тем временем товарищ Кашамов Апломб Хардибабедович, только что выписанный из Склифосовского, ковылял по ночному Садовому кольцу и думал свою постоянную тяжелую думу. «Почему я являюсь водителем троллейбуса? Чего здесь больше, Судьбы или Произвола? Как мы пели в нашем пионерском детстве? «Мы родились, чтоб сказку сделать былью». Давайте начнем от печки. Я, Кашамов Апломб Хардибабедович, сорока трех лет, родился в семье Хардибабеда, потомственного московского дворника, по происхождению хуразита с отдаленных Кукушкиных островов, почему же я-то не стал потомственным дворником? Кто мне ответит на этот вопрос? Ты, Мать-Природа? Это ты, наша великая материалистическая Природа, решила мою судьбу в качестве водителя троллейбуса? Кто ты, великая богиня материализма, в твоём каменном с тяжелыми складками одеянии, – сестра ты или мать Богини Судьбы? А может, ты дочь ея, мадам? Кто отвечает за предназначения водителей троллейбуса, за их путевки? Впрочем, пошла бы она подальше, эта армия послушных инструкциям гуманоидов! Меня интересует только один, мой частный водитель троллейбуса, Апломб де Кашам, сын Хардибабеда. Он что, результат твоей химической активности, Мать-Природа, прародительница Богини Судьбы?

Кто там еще сидит в твоём еврейском Синедрионе, кто занимается путевками водителей троллейбусов? Почему ты не родила меня тысячу лет назад, чтобы сделать водителем наций? Тамерланом, что ли? Почему ты не родила меня триллион лет назад в виде грязевого ядра кометы? Почему ты вообще-то не сделала этого данного Хардибабедовича водителем спецназовского броневика для своего вечного Синедриона – не важно, еврейского или антиеврейского? Почему ты лишила меня закрытых рационов, пакетов нала? Почему ты швырнула меня на похабные трассы Москвы? Почему ты привязала меня к этому гребаному 116-му, с его неизбежными, как будто навеки предназначенными остановками? Почему ты избрала своей представительницей отвратную Софку Блинкину из троллейбусного депо Пролетарского района, эту слезливую лебедиху подозрительного происхождения, которая каждое утро выписывает мне путевку и смотрит на меня с такой отвратной симпатией, как будто она мне навеки предназначена, эта пизда, конгломерат гинекологии, как будто она какой-нибудь еврейский ангелочек из музея?

Нет у меня никакой ненависти к евреям в моем сердце. У меня просто хороший нюх на них. Я просто по нюху чую жида в любой национальности. Они просто стараются набиться в мой 116-й, как их вонючие селедки, словно не знают, что я предпочитаю ездить в одиночестве. Они предпочитают не знать, что для меня троллейбус – это просто мое собственное расширенное тело. Даже если оно вдруг от них освобождается, обязательно какой-нибудь хмырь в последний момент запрыгивает внутрь вместе со своими суетливыми идейками декадентского воображения. Так что чего вы меня спрашиваете, доктора, что спровоцировало мое «неадекватное поведение»? Если уж Мать-Природа вслепую сотворила меня водителем троллейбуса, пусть она и отвечает за последствия. Мэа не кульпа!²⁸»

Продумав свою основную мысль до ее привычного завершения, Кашамов сел на асфальт возле дома Министерства путей сообщения и там сидел без всяких мыслей и без движения всю ночь, пока Москва не взревела на Кольце тысячами своих движков.

²⁸ От лат. *mea culpa* – мой грех.

Три года прошло с того дня в начале девяностых. Я снова приехал в Москву из Америки. За это время город приобрел глянец процветающей столицы. Серп и молот на крыше электростанции уступили место короне «Карлсберга» вроде бы окончательно. Монументальные скульптуры рабочих и крестьян, впрочем, уцелели, что и понятно: памятники социализма, «старые песни о главном».

Недавно я узнал от Славки, который за это время стал довольно частым гостем у меня в окрестностях университета Пинкертон, что его родители в Москве больше не живут. У них произошли, как сейчас стали говорить, достаточно кардинальные изменения. Оказалось, что Любка Незабываемая втайне от мужа приняла участие в лотерее американского посольства и выиграла «джекпот»: документы на право проживания в США, ну эти пресловутые «зеленые карты», для себя и для членов семьи. Подхватив своего Игорька со всем его цэковским прошлым, предприимчивая фемина тут же переехала в Нью-Джерси, где они и поселились под крылышком широко известной среди эмигрантов Восьмой программы. Читателю придется дочитать до конца этот рассказ, чтобы узнать, что с ними произошло в стране больших возможностей.

Что касается их сына, то он сдержал свое слово. Не успел назначенный им срок истечь, как он привез мне тяжелый пакет с процентами – 3 000 000 долларов как одна копейка. «Гони расписку, Стас, и наслаждайся «лимонами», – сказал он запросто. Таким образом я присоединился к американскому среднему классу мини-миллионеров. Я действительно наслаждался этими «лимонами». Достаточно сказать, что теперь мое сердце перестало ёкать в те моменты, когда я открывал конверты со счетами и письма своего литературного агента. Сказать по правде, я потерял рвение к литературным делам и не без удовольствия окончательно выпал из литературного процесса.

Случайно я наткнулся на большой заброшенный мотель на одном из флоридских островов под названием Большие Сосны. Я вложил один из моих трех «лимонов» в восстановление этого заведения. И дело с тех пор пошло неплохо. Нынче я приехал в Москву уже как капиталист для изучения деловых возможностей.

Иду по набережной Москвы-реки. Среди ее обычного густого движения вижу желтую крышу троллейбуса. Это что-то мне напоминает, но не могу припомнить, что именно. Тролл останавливается, я вижу номер 116, однако не могу пока что связать концы рассказа. Да и вообще, какое дело американскому преуспевающему бизнесмену до каких-то литературных потуг. Все-таки по еще неясному побуждению влезая в 116-й и наконец, увидев «львиную маску» в зеркале заднего вида, немедленно вспоминаю свою дикую поездку три года назад, как будто это было вчера. Даже имя того ублюдочного персонажа начинает высвечиваться из забвения. Шаман? Мамаш? Кашам? Кашамов! Неужели это опять он? Неужели я снова оказался клиентом того психопатического водителя? Тут я вижу снова его угрожающие гримасы, и все сомнения испаряются.

К счастью, я сейчас не один в 116-м. Не менее дюжины досужих пассажиров с удовольствием взирают на дух захватывающий вид Кремля с его летящими трехцветниками. В этой дюжине я вижу и американское семейство. Мама держит все вожжи в своих руках.

«Майк, Кевин, Чэйстити, следующая остановка наша!»

А вот еще один знакомый тип: престарелый советский еврей, по всей вероятности посещающий край своей юности после долгой эмиграции.

«Товарищ, – обращается он к водителю, – следующая – Зарядье, это есть правильно?» Он явно горд своим знакомством с Москвою.

Кашамов отвечает через микрофон: «Если знаешь, чего же ты спрашиваешь, старая жопа?» Публика переглядывается.

Он не останавливается в Зарядье. Он останавливается только в темноте под Большим Москворецким мостом. Там он открывает все двери и командует: «А ну, все выметайтесь, поросята!»

Американское семейство пожимает плечами: «Как-то он странно относится к своим пассажирам, не правда ли?»

Старый эмигрант восклицает с неудержимой страстью: «Это возможно только в хамской стране! Это импоссибл в другой стране! Каков народ, таков и шофер троллейбуса!»

Другие пассажиры, включая и меня, начинают выгружаться без лишних слов. Нервы дороже. Уже снаружи я вижу, как Кашамов и старый эмигрант обмениваются любезностями и жестами. В конце концов первый одолевает второго и вышибает того из троллейбуса. В буквальном смысле, к сожалению. Ногой.

Избавившись от «балласта» (так он про себя называл пассажиров), Кашамов, ловко перетягивая старую веревку, привязанную к контактному щупальцам его т.с., сменил одну электрическую линию на другую. Затем он проделал правый поворот и проследовал вверх в сторону Василия Блаженного. Еще один правый поворот, и он начал пересечение реки по Большому Москворецкому мосту.

Двери его тролля все еще были открыты, и пассажиры другой линии стали запрыгивать к нему на ходу. На горбу моста 116-й свернул налево, пересек все полосы, проломил перила и исчез из вида. Звуковой эффект ужасного всплеска был сравним, пожалуй, только с историческим выстрелом Царь-пушки, от которого сотни язычников, как гласит легенда, потеряли сознание.

Второй хор свидетелей и зевак

КОРИФЕЙ: Правда ли, что Кашамов направляется в Валгаллу?

ХОР: Это правда, это правда! Он пришел к нам из Валгаллы и теперь возвращается к подножию трона Одина!

КОРИФЕЙ: Правда ли, что он был грубоват со своими пассажирами?

ХОР: Он был не особенно вежлив с ними. Но он знал что-то, чего не знаем мы.

Граждане, граждане, что с вами, народ?! Такие Кашамы опасны для нас! Жаль, что народ его вовремя не казнил! Жаль, что он сам вовремя не казнил все знают кого! Вы не забыли про острый мачете его, подаренный Кастро?

Он алкоголик, венерик и псих!

Он патриот, его имя, как стих!

Он не из такого, как мы все, теста,

Он отдал жизнь свою в знак протеста!

КОРИФЕЙ: Да разве ж он не был простым жожаком городского рыдвана – ответьте мне, братья, и вы, благородные сестры!

ХОР: Он был мстителем этих многострадальных пещер обитанья, держателем наших жестоких и мудрых традиций!

КОРИФЕЙ: Значит, он движется нынче к Валгалле, не так ли?

ХОР: Стая валькирий несет его к сонму героев!

Прогалопировала еще тройка годиков. Сеть «заброшенных отелей» разрасталась в Америке. Никто, конечно, не подозревал, что мое богатство изначально возникло в результате действий скандально известного Славки Горелика по отмыванию денег. В узком кругу литераторов и утонченных читателей, в котором я был известен, полагали, что я скопил

капитал, откладывая потиражные. Впрочем, репутация в литературных кругах меня больше не интересовала.

О Славке между тем чего только не рассказывали. Говорили, что он с ума сошел от любви к какой-то питерской гулящей девчонке. Что рассыпает миллионы, чтобы отыскать ее по мировым притонам. То ли он убил кого-то на этой почве, то ли его самого несколько раз застрелили. То ли он продал российский ультракрейсер Китаю, то ли этот крейсер сбежал из Китая и ищет его, чтобы выяснить отношения. Появляясь у меня в Вирджинии, он начинал за столом рассуждать о необходимости очищения воздушной среды от последствий безудержного злостного пердежа, вкладывая в это как метафизические, так и сугубо реальные смыслы. Сестры, живущие в моем доме, хихикали: «Ох уж эти новоруссы!»

Что касается его родителей, то ты, Игорь, отказался от своего сына за то, что тот «стал воплощать в себе все худшее, что может быть в капитализме». Не исключено, впрочем, что это он отказался от тебя в связи с твоей фундаментальной идеей. Так или иначе, старшие Горелики устроились неплохо в старом Новом мире. Ты, Игорь, стал почтенным бильярдным маркером в эксклюзивном клубе за плотными шторами на Кони-Айленд авеню. Жена твоя Любка открыла агентство по продаже недвижимости под вывеской *The Unforgettable Reality*.²⁹

Господь да не оставит вас, ребята! Повернувшись спиной к истории СССР, вы все-таки умудрились сделать вполне приличную американскую «историю успеха».

Однажды вечером в конце июня я снова прибыл в Москву. Целью приезда было открытие моего первого русского мотеля под названием «Заброшенное пристанище». Я оставил дома багаж и пошел прогуляться среди знакомых пейзажей, что все еще были дороги мне как бывшему русскому писателю и патриоту.

Рискуя показаться банальным, все-таки должен признаться: я люблю Красную площадь, этот центр величия в сумбурной столице. Здесь рядом с Лобным местом и Мавзолеем Ленина после какого-нибудь кислотного дождя иногда проступают следы сталинских железобетонных сапог. Конечно, есть что-то зловещее в этих объектах национального достояния, но скажите, сердце какого русского не испытывало привязанности к этим бульжникам, а мистер Стас Ваксина, хоть и не вполне заверченный образец русскости, не является исключением.

Стараясь припомнить, что произошло в этом окол Кремлевском пространстве три года назад, я подошел к Большому Москворецкому мосту. На его горбу я увидел толпу, не менее сотни мужчин и женщин, стоящую в церемониальном бдении; иные со свечками в руках. Я подошел и обратился к ним дипломатически: «Могу ли я узнать, дамы и господа, что заставило вас собраться в месте, столь малоподобающем для общественных акций?»

Удивленные лица повернулись ко мне.

«Как так? Неужели вы забыли? Мы отмечаем тридцатую годовщину трагического подвига Апломба Хардибабедовича Кашамова!»

Я тут же припомнил гигантский всплеск от троллейбуса, ведомого бунтующей рукою.

«Я видел это моими собственными глазами, – сказал я не без гордости. – Однако простите меня, почтенные граждане, ведь это случилось не тридцать, а три года назад – не так ли?»

Участники бдения нахмурились.

«Послушайте, иностранец, не смейте бросать тень сомнения на наши ритуалы. Пора сомнений миновала. Понимаете?»

²⁹ Незабываемая реальность (англ.).

Я замечаю, что некоторые в толпе покашливают, как бы прочищая свои глотки, другие же выпускают слегка приглушенные рулады. Ба, да ведь это не что иное, как хор! Третье появление хора в этой истории, для точности. Я бормочу, не адресуясь ни к кому из них лично: «Насколько я помню, там были люди, что вскакивали в тролл на ходу. Интересно, кто-нибудь уцелел?»

И хор взмывает.

ХОР (*волнуясь, как море*): Да что же считать нам отдельные жертвы? Ведь речь же идет об Апломбе Великом, что отдал живот за народ и остался бессмертным!

КОРИФЕЙ: Вниманье, вниманье, вниманье, товарищи, граждане, дамы! Сегодня он явится миру, сегодня иль никогда!

Хор вперился в металлическую рябь реки. Через несколько минут дымный свет появился под поверхностью. Он медленно приближался, таща за собой шлейф ила, несомненно содержащий множество секретов этой столицы. Застывший хор благоговейно взирал, как пятно превращалось в 116-й с водителем Кашамовым за рулем. Честно говоря, я не узнал бы парня, если бы встретил его на улице. Он, казалось, был сделан из цельного куска мыла. Двигаясь по реке, он не обращал никакого внимания на толпу поклонников на мосту в той же манере, в какой Великий Ленин не обращает внимания на неистощимый поток посетителей Мавзолея.

КОРИФЕЙ: Братство мое и сестричество! Верные дети Апломба Кашама! Славу сейчас пропоем в честь великого духа Реки!

ХОР:

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы!
Плывет 116-й гордый ковчег!
Сквозь чистые воды, сквозь мутные воды
Веди нас, величественный человек!

Троллейбус исчезает под мостом и вновь выплывает из-под моста на другой стороне. Он уходит все дальше, постепенно превращаясь в пятно света, в желтую песчинку, в ничто.

декабрь 98-го – июнь 99-го

Авторский перевод с английского

Под оранжевой лампой

Чтение завершилось. Я собирал страницы и постукивал рассказом по столу, выравнивая края. Общество сидело под плоским абажуром и неплохо отражалось в темном окне. Все там казались значительно моложе: Мирка, Галка, Галкин друг – отставной адмирал Лихи, Вавка, соседи Мак-Маевские, ну и автор. Должен был быть еще и Славка Горелик, но он, по своему обыкновению, не явился. Густо-оранжевый блин в темном стекле придавал лицам оттенок хорошего загара, а сумерки ретушировали припухлости и морщины. Станным образом отражение устраняло и аляповатость только что завершившегося акта. В окне выявлялась какая-то иная суть нашего собрания, рассеивающая его анекдотичность, словно это было не собрание, а живопись собрания, картина под названием «Чтение рукописи за семейным столом», а не само чтение, к которому меня, собственно говоря, принудили сестры О.

В далекие 60-е годы традиция домашних чтений еще держалась в литературе. Время от времени кто-нибудь устраивал подобные суаре с последующей выпивкой. Среди еле прикрытой истерии тех времен возникали такие умиротворяющие сцены. Расхристанная богема казалась сама себе кружком серьезных молодых писателей, людей словесности. Автор читает, скажем, пьесу. Входит в раж, прочитанные листы отбрасывает в сторону движением, что сделало бы честь и театру Комиссаржевской. Все сохраняют серьезность, хоть и чувствуют себя немного обосранными. Что же это такое, да почему же мы не можем понастоящему-то, как символисты? Какой бес подмывает сказать что-нибудь издевательское?

Чтение заканчивается. «Ленок!» – скажем, командует автор, и его жена, скажем, Елена, вчерашняя «классная чувиха», а ныне, после прочтения опуса, «подруга дней его суровых», вкатывает столик с напитками. «Пьем за тебя, солнечный ты наш пуп!» – говорит из нас самый алкоголистый. Начинается хвалебная вакханалия. Любая негативка в таких обстоятельствах кажется неуместной, пока вдруг не происходит пьяный поворот, опрокидывающий всю лодку. «Жопа, у тебя тут есть жестяной таз?» – спрашивает кто-нибудь у автора. «Да зачем тебе жестяной таз?» – удивляется лауреат хвальбы. «Чтоб в него твою пьесу сбросить!» И начинается хамский хохот.

Не хочется вспоминать дальнейшее позорище и стыдливый перезвон на следующее утро. Все чувствуют себя перемазанными, и все-таки через некоторое время тот же кружок с небольшими вариациями вновь собирается на домашнее чтение, и все собравшиеся понимают, что «в этом что-то есть», как-никак продолжение традиции. Так ведь и Булгаков читал Михаил Афанасьевич главы из «М&М» крошечному кружку ближайших, и ведь никто не настучал – это в тридцатые-то годы! – и рукопись уцелела вживе! Правда, там так не пили.

С распространением свободы и всеобщего сарказма домашние чтения стали отмирать, и я, признаться, об этом не жалел. С возрастом мне все меньше стала нравиться бутафорская сторона дела, да и вообще литературственность жизни как-то потускнела по обе стороны океана. Вдруг сестры О стали меня активно убеждать в необходимости чтений. Стас, как ты не понимаешь, сидя в эмиграции, ты просто обязан, ну, глаголом-то, ну, жечь-то избытки холестерина у окружающих. Ведь здесь-то ты читаешь не братьям-писателям, значит, и притворяться не надо. В общем, я стал, как зануда Тригорин, объявлять домочадцам: «Закончил рассказ», и сестры тут же начинали планировать чтение. У этих вечно подшучивающих и мило подхихикивающих дам сохранился – и даже, боюсь сказать, увеличился – пиетет в отношении литтекста. Во время чтения все их хохмочки вылетали наружу и резвились до поры с нашими птахами.

В последнее время они стали приглашать под оранжевую лампу чету Мак-Маевских, поляков, у которых за плечами была советская одиссея эвакуации, ссылок, а стало быть, и любви к русскому слову, а также Галкиного бойфренда, отставного адмирала Джефа Лихи из военно-морской разведки США, который мог в любой момент, когда бы его ни разбудили, прочесть наизусть какой-нибудь рассказ Зоценко в оригинале. Славка Горелик, что уже три месяца жил у нас на чердаке, не приглашался, но подразумевался среди присутствующих. Иногда он и впрямь подсаживался, закладывал ногу на ногу, качал итальянской туфлей и переводил взгляд с одного лица на другое, как будто пытался определить причины недуга. Чтения явно не слушал. То и дело в кармане у него начинала звонить «сотка». Тогда он извинялся и поднимался к себе. Чаще всего к столу не возвращался.

Интересно, что он и прибыл к нам во время одного из таких чтений. Приехал без звонка на скромном наемном автомобильчике. Увидев восседавших вокруг стола любителей литературы, еле заметно поморщился, но тут же продемонстрировал великолепные манеры: сел с краю, выпил стакан вина, съел тарелку салата и заснул, положив голову на руки.

Сестры были явно раздражены его появлением. Вавка уверяла, что уже видела его раньше в «Белом таракане» на Петровских линиях. Он там оттягивался в далеко не безупречной компании. Что у тебя общего с этим молодчиком, Стас? Немало общего, я сказал, может быть, больше, чем я думаю, но не стал вдаваться в подробности.

Оказалось, что он чуть ли не сутки летел в Вирджинию на перекладных и заснул на чтении из-за джетлега, а вовсе не из хамства. Слушай, Стас, мне нужно у тебя отсидеться несколько месяцев, может быть, полгода. Не можешь ли ты меня устроить на какую-нибудь должность в университете? На какую угодно, хоть дворником. Могу быть тренером по карате, у меня «черный пояс». Был бы в восторге послужить в университетской полиции. Освобожденный советский человек не видит преград. Он думает, что его только и ждут в университетской полиции. Воображаю этого Славку, с его развинченной походкой, среди наших кряжистых центурионов. Нахальство, однако, города берет. Должность, хоть и не в полиции, он получил. Я устроил его в свой класс в качестве teaching assistant, даже назначил ему жалованье из своего дискретного фонда – 8 долларов 50 центов за час работы.

Он рьяно взялся за дело. Проверял списки студентов и собирал их мид-терм работы, показывал слайды на проекторе, разыскивал тексты в библиотеке и через нарождающийся тогда Интернет – словом, был полезен. Студенты поначалу были в замешательстве. «Помощник преподавателя» обычно принадлежит к малоимущим классам. Чаще всего это какая-нибудь не очень видная девушка в неизменных застиранных джинсиках и убогом свитерке. Данный «помощник преподавателя» напоминал персонаж из рекламных листов New York Times Magazine. Только близорукий не распознал бы в его псевдообычных костюмах коллекционных «Брухахарди» и «Алахверди». Иной раз из-под манжеты молодого человека мелькали часы «Корбюзье», стоимость которых, пожалуй, даже и не уложилась бы в студенческой голове. Самая главная загадка, однако, заключалась в природных данных «помощника преподавателя»: разворот его плеч находился в полной гармонии с длиной ног и окружностью талии, кожа отличалась оранжевым оттенком, шрам на подбородке приносил в его облик какой-то неясный интригующий сигнал; что касается длинноватой физиономии, нужно заглянуть в первую главу, чтобы понять, почему она приводила в трепет арабских и испанских девушек.

Впрочем, студенты скоро привыкли к новому человеку. В перерывах он покуривал вместе с ними, щеголял своим странноватым английским и даже иногда показывал приемы любимого единоборства. Имя Слава не представляло для студентов никакой трудности, а

вскоре они придумали ему и кличку: Ростропович. В общем, они решили, что этот парень cool.³⁰

Что касается сестер О, они не очень-то восторгались новым постояльцем. Вавка, та даже слегка кривилась в его присутствии. Мопсячья мордочка, казалось, даже готова была твякнуть. Галка при нем обычно демонстрировала усталость. А вот Мирка, напротив, вступала с ним в оживленную беседу, в которой расставляла множество вопросительных знаков. Ей, очевидно, хотелось, чтобы парень когда-нибудь о чем-нибудь проговорился.

Впрочем, и они скоро смягчились. Из шикарного ресторана Chez Kussake каждый вечер нам стали привозить обеды с вином. Оказалось, что нам не нужно беспокоиться о счетах: все было оплачено вперед. Ну, признавайтесь, Мстислав Игоревич, это ваши проделки, подступили сестры к гостю. Помилосердствуйте, сестрицы, отнекивался тот, разве может бедный помощник преподавателя себе позволить такие траты?

Он быстро принял их манеру разговора, и вскоре начальное недружелюбие совсем рассеялось. Воцарилось даже некоторое подобие флирта. Как часто это бывает, с появлением в коллективе молодого парня женщины начинают быстрее ходить, громче разговаривать, поблескивать зрачками, матово отсвечивать белками глаз. Я заметил, что сестры стали иногда прикасаться к Славке, и, если одна на мгновение брала его за ухо, другая норовила пропустить свои пальцы сквозь его шевелюру. Славка хохотал и читал из Северянина:

В группе девушек нервных
В остром обществе дамском
Я трагедию жизни
Претворю в грёзо-фарс!

Не знаю, пошли ли их отношения дальше флирта, но исключить какого-нибудь сексуального баловства не могу. Впрочем, эта тема совсем сейчас не вписывается в текст, ее упоминание – лишь дань реализму.

Так или иначе, в доме возникла забавная молодая атмосфера. Где-то в глубинах то и дело слышался смех, а то и взрывы хохота, проходила какая-то специфическая, будто бы танцевальная, волна воздуха. Одно лишь постоянно раздражало сестер – Славкино неприятие домашних чтений. Пардон-пардон, обычно он говорил, это не по моей части, и старался смыться до начала. Если же сестрам удавалось его затащить под оранжевую лампу, он сидел с наигранно дурацким видом и никогда не дотягивал до конца. В кармане штанов у него начинал звонить телефон, который он называл «друг гениталий», и он немедленно удалялся с аппаратом у уха, словно отоларингологический пациент.

Кстати, об этом телефоне. Похоже, что это была не простая штучка из тех, что можно купить в любой лавке за полсотни баксов. Навороченная, как они сейчас говорят, с сателлитной связью. Славка, кажется, мог по ней говорить с любой точкой на земном шаре. Во всяком случае, иногда, проходя мимо, я улавливал, что он шепелявит что-то по-португальски или хрипит на иврите, мяукает по-японски, похохатывает на сербско-хорватском. Еще в детстве этот тип отличался несколько даже странными талантами в лингвистике, сейчас они ему явногодились. Что касается литературы, когда-то в юности он пылал к ней неудержимой страстью, но сейчас она ему на фиг не нужна, во всяком случае, ей нет места в его повестке дня.

Неужели авантюрная жилка затянула его попросту в криминал? Чем он занимается? Что означает его смехотворная работа в классе по утопическим конфликтам? Почему он

³⁰ Крутой; то, что надо (англ.).

отсиживается тут у нас, в тихой заводи университетского кампуса? Как и я, он лев по зодиаку; может быть, лев обжег подушки своих лап во время охоты в саванне и прыгнул в кусты?

Почтенный читатель не даст соврать: даже на револьверный выстрел я никогда не подходил к авантюрному жанру. С годами вообще все больше хочется отойти от выдуманных сюжетов. Вот, говорят, в Нью-Гемпшире есть русское село, где живут потомки нашей аристократии. Почему бы не поехать в Нью-Гемпшир и не собрать там материал для пьесы в духе «Горя от ума»? Или вот, скажем, еще проект: почти документальная повесть о молодом Пикассо. 1900 год. Юнец, прилежно освоивший рисунок и масло, переезжает из Барселоны в Париж. Там он видит нечто потрясшее его воображение: толпа сластолюбцев под фонариками танцует аргентинское танго, не снимая черных цилиндров, пшюты пропихивают шевиотовую коленку в голубые и красные шелка. Головокружительные бляды Монмартра и Больших Бульваров, Лулу, Нана, Стрекозет, ошеломляют каталонца, то есть водружают ему шелом авангарда на крутую башку. Взрыв его гения. Увертюра XX века.

Обложиться альбомами и писать прозу о каждой картине той поры. Вместо этого я вознамерился завершить «миллениум» романом об авантюристе Горелике. О русском, которого, метафорически говоря, кесаревым сечением извлекли из засыхающего чрева родины. Что он намерен сотворить сейчас, когда все утопии порушены?

Этот герой, хоть и прячется сейчас у меня, все время от автора удирает. Куда? В его поколении силен пафос антишестидесятничества, священная для нас корова литературы этим ребятам обрыдла. Все эти книжечки, писателишки, борьба за свободу самовыражения – смешной вздор. Нечего подсовывать нам вместо нашей собственной жизни чей-то чужой набор слов! Вы говорите: а как насчет старого Стаса Ваксина с его общепризнанным свингом? Пусть он на этом своем свинге сам и поскочет. В ответ на это старый сочинитель распаивает двери: скатертью дорога, нечего лезть в герои, в свободном романе участвуют только добровольцы.

И все-таки о чем этот Горелик бубнит через космос на всех тарабарщинах мира? Где он пропадает в незнакомом городе, полном шпионов? Что он задумал?

Вдруг до меня дошло: хорошо, что Славки не было на чтении этого блюза. Ведь я даже не удосужился придумать другие имена его семье и ему самому. Я совсем запутался между реальностью и литреальностью, хронотопом мира и хронотопом сочинения. Взять хотя бы первую часть рукописи: откуда влилась в нее Каспо-Балтийская Стрёма? Почему и там появился некий молодой тип хоть и без фамилии еще, но под именем Мстислав? Как зародилось это литературное детище? Ну вот и слово появилось подходящее – детище!

«Жалко, что ты так монотонно читаешь, Стас», – проговорила Вавка.

«Монотонно?! – возмущенно вскричало добрейшее панство Мак-Маевских. – Нет, Вавка, ты не права! Стас читает великолепно!»

«Все довольно осязаемо», – сказала Галка и щелкнула резинкой от трусов.

«А какая, между прочим, связь между Апломбом Хардибабедовичем и Гореликами?» – поинтересовалась Мирка.

«Черт его знает, – сказал я. – Дело в том, что как раз по дороге к ним я попал в тролл с бесноватым водителем».

«There are a plenty of symbols, – прищурился адмирал Лихи. – Symbols of the Soviet Empire's decay and break-up. Am I right, Stas?»³¹

Я согласился с ним, а Вавке буркнул: «Я вам не чтец-декламатор».

«Там есть очень странные намеки. – Проницательная Мирка посмотрела на меня из-под челки. – Хорошо, что Славки сегодня не было».

³¹ Тут масса символов... Символы гниения и распада Советской империи. Я прав, Стас? (англ.)

«О боже!» – выдохнула Вавка.

Все заговорили сразу, и в это мгновение нас всех накрыл Прозрачный, на этот раз в роли медузы-парашюта. Своими внутренностями, то есть множеством переливающихся непознаваемых форм, он смотрел на нас, и мы изнутри смотрели на него и на себя у него внутри. Это продолжалось не более мгновения, или менее мгновения, или вовсе не продолжалось. Все вздрогнули, и Прозрачный тут же, переваливаясь, ушел, как уходит в песке черепаха, но мгновенно. На паркете от него осталось только пятнышко прозрачности, но и оно тут же исчезло.

Обсуждение закончилось. Весьма довольные, сестры сервировали блины с красной икрой. Адмирал взял на себя выхлоп пробок. Онегин, который всегда присутствовал на этих сборищах, из-под стола перепрыгнул на его поверхность и теперь угощался длинными полосками блина с икринками; их нарезала для него Галка. Славка так и не появился на протяжении этого веселого ужина.

Fax for M.F

Когда гости уехали, я сел к телевизору и включил «Заголовки новостей». Переговоры в Баньске Уречише снова провалились. Высокомерность балканских мужланов и подавленность их баб, равно как и вся эта древнеславянская парадигма, никогда не позволят прийти к соглашению. Они там все обожрались парной бараниной – вот откуда вздымается жесткая карма. Эйб Шум прав: конфликт может быть решен только при помощи массивированной международной оккупации всего региона.

К телевизору подседа Мирка. В руках у нее был рулончик факсограммы.

«Слушай, Стас, я только что сняла странный текст. На нем нет обратного адреса, и, честно говоря, я не понимаю, о чем идет речь».

Я посмотрел. Факсограмма представляла собой своего рода шоп-лист, только цены не были проставлены. Предлагались следующие товары:

Aircraft MIG-29, 10 units
***** MIG-29 UB 2 units
R-27 R1
APU-470
APU-73 ID
Test Support Equipment
Missile and Avionika
OFZ-30-GSh Cartridges (30 mm)
X-31 A Launcher
11751 Fuel Tanks
WK 6 255 Pilot Harness
NVU (On-Ground-Vision-Device)
IL-117 Radar
SU-25
SU-25 UB
Tunguska (3 x 4)
9M 331M Missile
Barrels 30 mm
Ammunition 30 mm
2V1101 Repair and Maintenance Vehicle
9K38 IGLA Missile
9K38 Launcher
Mobile Testing Station
GAMA 68 N6E
Spare Parts

В правом нижнем углу листка было накорябано от руки по-английски: Get it, M.F.³² – а рядом по-русски другим почерком: «Соси!» Впрочем, последняя буква этого лаконизма могла быть задумана как «к», и тогда словечко просто оказывалось четырехзначным эквивалентом русского трехзначного на «х». Впоследствии мне было стыдно вспоминать, как я перепугался в первый момент. В этом факсе было что-то сродни появлению крокодила. Вообразите, как в вашем доме появляется тварь, у которой ничего нет на уме, кроме убийства.

³² Перечень боевых самолетов, ракет, снарядов, топливных баков и прочего военного снаряжения... Усек? (англ.)

Момент страха проскочил мимо, я свернул факс и сунул его в карман. Мирка смотрела на меня поверх очков умными глазами в окружении веснушек. Как жаль, что они разбежались с Дельфином.

«Ну, что скажешь?» – спросил я.

Она пожала плечами, обтянутыми черной майкой.

«По-моему, это список оружия. Список советского оружия, как мне кажется. Все остальное для меня темный лес».

Уже не темный лес, подумал я. Не всякая женщина-генетик сразу поймет, что у нее в руках был список советского оружия. Тогда уж и я пожал плечами.

«Это какая-то ошибка. С факсами такое случается, особенно в зоне Большого Вашингтона. Однажды, в конце восьмидесятых, я получил список гостей, приглашенных на прием по случаю отставки советника национальной безопасности. В другой раз пришел проспект конференции Американской ассоциации пародонтоза. Для интереса я пошел и туда, и сюда».

«Ну, перестань, Стас», – рассмеялась она.

«Я был и там, и там, – с жаром подтвердил я. – Прекрасно провел время».

«В данном случае попридержи свое любопытство», – суховати сказала она. Похоже, что она что-то еще видела в этом «темном лесу».

Она встала.

Как жаль, что она была замужем за моим сыном. Не будь этого, я мог бы жениться на ней. Она уже достаточно постарела, чтобы стать женой старого вдовца.

«Ты погуляешь с Онегиным?» – спросила она и, получив в ответ утвердительный кивок, отошла.

Где это видано, чтобы с котом гуляли, как с собакой? А вот наш Онегин недавно ввел в обиход ритуал ежевечерних совместных прогулок. Он, как обычно, шастал по кустам поселка, но вечерами требовал, чтобы его сопровождал кто-нибудь из семьи. Иногда даже вовлекал сестер О в свои небезопасные игры. Бросался, скажем, наперерез датскому догу Тирпицу с целью разодрать тому нос. Датчанин, робкий малый величиной с хорошего жеребенка, в ужасе перепутывал свои ноги и валился на газон. Его хозяева Мэйсун и Кейван бросались к нему на выручку. Сестры гнали кота. Онегин взлетал на березу и задумчиво смотрел оттуда, как будто не имеет к переполоху никакого отношения. Девушки сгорали от стыда.

В этот раз мы пошли прогуливать байронита вдвоем с Вавкой. Воздух был прохладен и свеж. Жителям парной Вашингтонщины это всегда кажется чудом. Над темной стеной леса стоял молодой месяц. Какая-то странная гармония возникала от его соседства с высывающейся из-за вершин леса светящейся вывеской Holiday Inn. От нашего пруда к лесу пролетела серебристая тень цапли. Сучковатые ножки были оттянуты назад, как в романах пишут, с претензией на изящество.

Эта романическая, если не драматургическая, птица повадилась на наш культивированный пруд, окаймленный дощатой дорожкой с фонарями. Ее здесь кое-что очень сильно интересует, хотя она делает вид, что прилетает просто так. Дело в том, что пруд в эту пору кишит жизнью. Тон в ней, конечно, задают жабы. Они трубят, как коровы, из-под мостков и из камышей. Иногда возникает какой-то низкий и сильный звук, как будто кто-то оттянул и отпустил струну преувеличенного контрабаса. Фон этим солистам создает какофония мелкого лягушанства. Вот этот состав как раз и является сутью цаплиного интереса. Она стоит среди камышей на мелководье и делает вид, что она просто так. Лягушки вокруг почему-то смущенно замолкают. Цапля, тоже сама застенчивость, скромненько, чуть-чуть поворачивает круглым глазиком, как будто всей своей позой увещевает холоднокровных: «Ну что же вы, друзья? Почему прекратили дивное пенье?» Взаимное смущенье завершается еле уло-

вимым броском героини болот, захватом и проглотом одной из неосторожных певиц. После этого цапля перелетает на другую сторону пруда и там стоит как будто просто так.

Мы идем по мосткам, а Онегин тем временем совершает пробежки по ближнему холму, ни на минуту не выпуская нас из поля зрения. Вавка облачена в шортики и коротенькую курточку. Как всегда, она старается уйти чуть вперед и разговаривает из-за плеча.

«Вон твоя цапля пролетела, – говорит она. – Птица твоей ностальгии, дядюшка Стас. Может, она из Литвы за тобой пожаловала? Хищница проклятая, нажралась лягушек и летит восвояси».

Я чуть прихрамываю сзади. Побаливает левое колено и правое ахиллово сухожилие. Я связываю это с ежедневным бегом, но не исключаю, что летучий артритик прогуливается по старой структуре.

«Это природа, Вавк, – говорю я. – Лягушки жрут комаров, и те становятся частью лягушек. Цапля проглатывает лягв, и те становятся частью цапли. Цапля – и она ведь не вечна – в один не ахти какой прекрасный день перестает летать и начинает соединяться с землей, но заодно становится частью червяков и муравьев. Ну и так далее. Слепой круг природы. Шопенгауэр, Вавк, не унывай».

Вдруг что-то вспыхивает среди гнущегося на ветру можжевельника; две точки страсти, глаза кота. Он заметил приближающегося Финнегана. Вавка останавливается в темной зоне между двумя фонарями.

«Стас, ответь мне на один вопрос. Ты действительно спишь со мной?»

Опешив, я смотрю, как приближается Финнеган. Вперевалочку, но быстро. Коготки стучат по доскам. Большущие глазенапы еще больше вылупляются при виде нас. Хвост шипцу начинает работать, как флаг дружбы. За ним движется его папа, строительный контрактор (прораб) Маллиган. С ним мы однажды выпили пива в Ruby Tuesday и сохранили память об этом навеки. Слышится сильное шипение, как будто выходит воздух из шины. За сим следует взрывной мяв кота, неистовый и гнусный. Онегин выпрыгивает из кустов на мостки, демонстрирует поднятую палицу хвоста и вздыбившуюся шерсть на выгнутой спине. Еще мгновение, и он вцепится в вечно удивленную мордочку Финнегана. Папа Маллиган тормозит, как бронзовый конь генерала Шеридана на Масс-авеню в Д.С. Испуг и впрямь вносит что-то бронзовое в складки его одежды и в моржовые усы. Забыв про летучий артритик, я хватаю за шиворот своего кота. Подвешиваю его в воздухе над несостоявшимся местом преступления.

– Sorry, Buck! I’m awfully sorry!

– It’s all right, Vlas. It was just a game on the part of your beast.

– But of course, he was just kidding. Awfully tactless pranks. I’m really ashamed.³³

Наказанный преступник висит в воздухе. Покачиваются его лапы. Глаза мирно жмурятся. Соседи не знают, что это его любимая поза. Будучи взят папой за шкурку и подвешен в воздухе, он ловит в этом какой-то кайф уюта, даже иногда начинает петь песнь очага. Только бы сейчас не начал, тогда Маллиган поймет фальшь наказания.

– Have you ever considered fixing him? – спрашивает сосед.

– No, Buck. Frankly, I don’t want to change his personality. It would have been a partial fixing of myself.³⁴

Маллиган оглушительно хохочет. Вмешивается с ехидцей Валентина Остроухова:

– I hope your next suggestion, Sir, wouldn’t include Onegin to be declawed?

Маллиган приходит в ужас.

³³ – Прости, Бак! Я жутко виноват.– Все в порядке, Влас. Он просто играет, этот твой зверь.– Но, конечно, он просто шутил. Ужасно бестактные проказы. Мне и впрямь стыдно (англ.).

³⁴ – Ты никогда не думал кастрировать его?– Нет, Бак. Откровенно говоря, мне не хочется изменять его личность. Это было бы частичной кастрацией самого себя (англ.).

– God forbid, miss! How may we violate the cat’s pride and glory?!³⁵

Онегин начинает свою песнь блаженства. Неприлично громко урчит. Глаза жмурятся. Я опускаю его на мостик, и он разваливается на боку прямо под носом у возбужденного таким соседством Финнегана. Что и требовалось доказать. Кот трогает песика мягкой лапой. Хвост Финнегана готов оторваться: как он рад этой новой дружбе!

– See you soon in Ruby Tuesday, Vlas,³⁶ – смеется прораб, и мы расходимся.

Вавка спрашивает из-за плеча: «Ну?»

Я отвечаю: «Да».

Плечики чуть-чуть передергиваются.

«А ты?» – спрашиваю я. Она на мгновение останавливается. Потом идет.

«Да», – отвечает она.

Теперь на мгновение останавливаюсь я. Потом иду.

«Как?» – спрашиваю я.

Она прокручивается на 360 градусов; мгновенно отвечает: «Спиной к тебе».

«Всегда?»

«Да».

«Почему?»

«Ты знаешь».

Какой диалог, думаю я. Жаль, что нельзя его использовать. Некуда вставить.

Мы оба смеемся и больше к этой теме не возвращаемся. Мопсик берет старикана под руку и немного на нем виснет, по-дружески. Поворачиваем к дому. Онегин большими скачками несется впереди; кажется, очень доволен прогулкой. Я спрашиваю Вавку, знает ли она о таинственной факсограмме. Она знает, Мирка ей показывала. Уверена, что адресат – Славка. Жаль, что такой парень связался с гадами, с контрабандистами оружия. Она недавно читала статью в «МК», там рассказывалось, что русская мафия продала Меделинскому картелю настоящую подлодку. Не хотела тебе говорить, но в этой статье мелькнул некий М.Г. Один из узелков колумбийского дела завязывается на него. Цитирую: «Московская стильная тусовка будет удивлена, когда раскроются эти инициалы». Ты думаешь, это «слив»? В каждом «сливе» есть дерьмо правды. Я знаю, что тебе тяжело это слышать. После сегодняшнего рассказа я поняла, что Славка для тебя не просто сын друга юности. Мне кажется, что ты все-таки должен иногда – ну, не всегда, но иногда – отделять свою жизнь от своих сочинений; ах, Стас!

Во втором часу ночи я все еще сидел у окна и ждал своего «помощника». Несмотря на поздний час, федеральная дорога 69 все еще шумела за лесом, как море. Значит, ветер идет с запада. Восточный ветер относит этот шум к аэропорту Даллас. Высоченные фонари, которые наша Галка однажды спяну приняла за эскадрилью НЛО, ровно освещали рукав шоссе, разветвляющийся на три ручейка перед нашим поселком. Все особняки в округе спали, только в одном освещены были окна кухни. Там беззвучно орала друг на дружку чета скрипачей Беккенбауэров. Безмолвный, серебрящийся под месяцем гусь стоял на коньке их крыши.

Мне было жалко Славку. Жалко донельзя. Я не должен был отдавать его похабным уголовным хмырям бывшего социализма, равно как и похабным хмырям будущего капитализма, уголовникам рода человеческого. Однако что я могу сделать? Он грезит какой-то своей утопией. Какая еще возникнет утопия после всех развалившихся с такой вонью уто-

³⁵ – Надеюсь, ваше следующее предложение, сэр, не коснется удаления когтей Онегина?– Упаси Бог, мисс! Как можно надругаться над славой и гордостью кота?! (англ.)

³⁶ – Скоро увидимся в Ruby Tuesday, Влас (англ.).

пий XX века? В данном случае, этой ночью, что я должен сделать? Передать ему факс со списком оружия? С какой, однако, стати? Он ни разу не пользовался факсом в этом доме. Кто мог узнать номер нашего аппарата? Не слишком ли много я накрутил с помощью Вавки вокруг дурацкого клочка бумаги? Может быть, это просто глупейшее недоразумение вроде приглашения на конгресс по пародонтозу?

Около двух часов ночи Славкин «Фольксваген» прокатил через поселок и встал на гостевом паркинге. Парень вылез наружу и с удовольствием потянулся. Потряс башкой, как будто стряхивая хмель. Так и я когда-то, тридцать с чем-то лет назад, возвращался по ночам. Чувствовал себя любимцем Европы. Минуту или две он смотрел на соперничающую чету Беккенбауэров, потом рассмеялся и пошел к дому. Я смотрел со второго этажа, как он приближается: пиджак через плечо, галстук оттянут до третьей пуговицы, рука в кармане штанов. Что-то насвистывает. Вдруг остановился, будто забыл развитие мотива. Вспомнил, по-мальчишески щелкнул пальцами. В его подвижной морде много от Любки Андриканис и от Игоря, но немало чего-то воображаемого и от меня.

Прыжками поднимается по лестнице, не замечает меня – я лежу в кресле у большого окна гостиной, – проходит в кухню, берет из холодильника бутылку пива и поднимается, все так же, прыжками, к себе на чердак.

Прошло не меньше пяти минут, прежде чем я решился отправиться к нему. Малоприятная миссия легла мне на плечи: предстоял серьезный разговор автора с его героем, или кем там он мне приходится. Дверь в его комнату была открыта. Я увидел, что он стоит спиной ко мне у темного окна, голый по пояс и с его вечным сателлитом в правой руке. Фигура последнего десятилетия: человек с треугольником в верхней части тела, где катетами голова и плечо, а гипотенузой предплечье с «мобилем». Я слышал, как он говорит: «Сачков прогнется. Не сомневаюсь. Если вы наедете на него вместе с Нонной Михайловной и Софкой Курчайтайте, он прогнется, n'est pas?»³⁷

Ах вот так? Ну что ж, это неплохая разводка. Герка, послушай, мне кажется, Измайловские решили опустить своего Петлюру. Есть симптомы, я говорил с Бухгалтером. Передай ему, но не говори, что от меня. Ладно, к чертям всю эту лажу! Как княжна? Comme toujours?»³⁸ Вот подлючка...»

Тут он увидел мое отражение в окне и закруглил разговор с Геркой, то есть, вероятно, с Герасимом из первой главы; как его фамилия, ну, ну; Мумуев, конечно; в общем, с Герасимом Мумуевым.

Я смотрел на Славкин торс. Нынешние ребята считают необходимым накачивать мускулы. Если бы мы в 60-е накачивали мускулы, у нас были бы такие же. Вместо этого мы накачивались водкой, чтоб она пропала.

«Ты напрасно так стоишь у незашторенного окна», – сказал я ему.

«А что такое?» – удивился он.

«Ну, представь себе, что кто-нибудь с гранатометом на тебя из темноты смотрит».

Он засмеялся: «Стас, уж не впадаешь ли ты в коммерческий жанр?»

Я подошел и протянул ему свиток факсограммы. Он рывком развернул его, посмотрел и отбросил, как жабу. Повернулся к окну и опустил шторы. Над левой лопаткой у него было созвездие маленьких родинок, похожее на то, что у меня над правой лопаткой.

«Мне нужно линять, – проговорил он. – Немедленно. Ты даже не представляешь, как ты угадал с гранатометчиком».

«Я представляю», – сказал я.

³⁷ Не правда ли? (фр.)

³⁸ Как всегда? (фр.)

Он стал быстро двигаться по комнате и забрасывать в чемодан свои пожитки. Я сел в кресло. Он протянул мне бутылку виски. Я отхлебнул.

«Стас, я позвоню тебе через пару дней, – сказал он виновато. – Жаль, что приходится так мотать. Передай привет девочкам».

Я молчал. Он остановился в своем поступательном бегстве и заглянул мне в глаза.

«Стас, мы с тобой друзья, но мы далеко не все знаем друг о друге».

Возобновив свое бегство, он вошел в ванную и там в умывальнике сжег какие-то бумаги, включая, кажется, и зловещую факсограмму. Вышел из ванной. На лице его была ухмылка, открытая и злодейская.

«Ума не приложу, как они меня тут у тебя засекли, – вытащил из кучи вещей пистолет – это был «глок», – передернул его вполне профессиональным движением и заткнул за пояс. – Знаешь, это все разыгралось в Перу. Именно этот шоп-лист оказался камнем преткновения в разборке с одной компанией. Стас, ты, наверное, не удивишься, если я скажу, что немного заигрался в своем бизнесе».

«Нет, не удивлюсь», – сказал я.

«Пожалуйста, не думай, что я стал «крокодил». – Он был уже готов: чемодан защелкнут, пиджак на плечах, галстук подтянут. Ни дать ни взять преуспевающий брокер с Уолл-стрит. – Нынешний наезд по факсу как раз и произошел из-за моего отказа присоединиться к компании «крокодилов». Этот факс – последнее предупреждение. Если я не позвоню одному гаду и не скажу go ahead,³⁹ они меня замочат и больше никогда не вспомнят. По идее мне надо было бы поскорее добраться до Москвы, прибиться к своим, но...»

Он замолчал, и что-то очень печальное я увидел в его глазах. Меня поразило это выражение прежде всего потому, что оно как-то приблизилось к моей, пока еще смутной, концепции формирования этого характера. В последнее время я видел в Славкиных глазах совсем другое – некое ухмыльчивое отчуждение, то ли классовое (от имени его нового коммерческого класса), то ли поколенческое, от имени молодежи 90-х. В дополнение к этому углы его рта опустились, как у обманутого арлекина с картин Пикассо. Я подумал, что эта внезапная меланхолия роднит его с одним питерским юнцом 1956 года, который в ноябрьскую ночь плюхал по лужам Васильевского острова в поисках своей любимой, еще не веря, что она, не замочив тувель, уехала на университетский бал в «Победе» какого-то рыжего кавказца.

«Стас, ты мне ближе, чем отец, – проговорил он. – И даже чем мать. Я должен тебе открыть свой главный секрет. Я терзаюсь от любви. Не могу избавиться от тяги к одной девочке, с которой меня разлучила тюрьма. Ее увезла в Штаты какая-то банда, и с тех пор никто не может точно сказать, где она находится. Когда я думаю о том, что с ней могло произойти, а воображение гнусно подкладывает картинки, мне хочется засесть где-нибудь на крыше и открыть огонь по всем движущимся целям».

В последнее время стали доходить слухи, что девка не пропала, даже наоборот – стала богачкой и обретается где-то на Восточном побережье, вообрази, вроде бы даже неподалеку от Пинкертона. Знаешь, у меня уже было тридцать лимонов чистым налом и на разных счетах не знаю сколько, может быть, не меньше. Стас, я плюнул на свою утопию. Я только одного хочу – найти Наташку. Хочу построить большой дом где-нибудь на островах и там с ней жить, и чтобы все мои жили с нами, ты в первую очередь».

Теперь все снова сгорело, «крокодилы» вышли на меня, и значит, нужно сначала прятаться, потом искать союзников и принимать вызов. Теперь я сваливаю, иначе у тебя будет много хлопот с мертвым телом».

Я смотрел из окна, как он идет к своему VW. Трудно было представить более мирную картину. Дома отражались в озере. Луна тоже. Прозрачный расселся в ее отражении, как

³⁹ Здесь: поехали, действуй (англ.).

бутон, сохраняя полную, с понтом, беспристрастность. Позднее Славка рассказывал мне, что, пока он шел в ту ночь к своему «Фольксвагену», он обращался с вопросом к своему демиургу: «Ответь мне, Великий Хнум, дойду ли я до машины?» Хнум, он же Птах, который иной раз воплощался для Славки в самых неожиданных образах, в данном случае в виде связки ключей, якобы отвечал: «Дурацкий вопрос, Мстислав. Если дойдешь, дойдешь. А не дойдешь, не дойдешь. Иди!» Мирно затарахтев, «жук» отъехал с гостевой стоянки.

Я еще долго сидел перед опустевшим окном. В предутренних сумерках мне показалось, что по дому ходят два тяжелых хама в лыжных масках. Будто бы они при всей своей тяжести скользят бесшумно, приподнимают одеяла, разглядывают спящих сестер. Они ищут Славку и пытаются определить, не спрятался ли он в женских расселинах. Потом начинают фонариками шарить у меня в кишках и даже как бы месят мои кишки своими хамскими лапами. Цель все та же: Славка. Кто-то сбоку вкладывает мне в ладонь дружественный металл – граната! Неуклюжие тени, по-спецназовски цокая языками, растворяются среди стенок красного дерева, ибо все происходит в ящике моей конторки. Типичный «сон преследования». Я просыпаюсь. Как обычно, кто-то тут же покидает комнату.

Первые звуки телевизора. Местные новости. Сводка ночных боев. На юго-востоке Д.С. перестрелка в квартале социальных проектов, трое подстрелены, двое насмерть, третий в реанимации. На улице Маунт-Плезант сгорел жилой дом, в дыму задохнулась семья салвадорских эмигрантов; подозревают поджог. В графстве Фэрфакс, на обочине шоссе № 29, дорожный патруль обнаружил останки взорванного «Фольксвагена», на обгоревшей раме клочки металла с оранжевой краской... В тот же миг, не дав пролиться старческим слезам, зазвонил телефон. Голос Славки произнес только одну фразу: «Стас, я в безопасности!» Отбой.

Какая-то молодая пружинка, как видно, еще уцелела в теле старпера: катапультирую из телекресла на лужайку между домом и лесом. Здесь иной раз на заре можно увидеть прогуливающуюся дикую индейку. Меня с моими чудачествами она, похоже, уже знает и не улетает даже тогда, когда я натягиваю на «Пушкина в возрасте Державина» резиновый тренажер и начинаю будоражить свои сгибатели и разгибатели, размякшие во время гнусного сна.

В университете один биолог калмыцкого происхождения, доктор Джеф Айлим, как он себя называет, недавно на дискуссии в ЦИРКСе говорил, что мускульно-связочный аппарат человека насчитывает в два раза больше сгибателей, чем разгибателей. Это должно учитываться в разработке парадигмы конфликтов, сказал он. Захват, притягивание к себе для этого существа процесс более естественный, чем отдача, отчуждение. Встав спиной к ПввД и заведя согнутые в локте руки за спину, я распрямляю их вперед, то есть пытаюсь усилить разгибатели. Жаль, что в прежние годы эта идея не приходила на ум. Говорят, что единственным смыслом человеческого существования является самоусовершенствование. Я голосую за это всеми сгибателями и разгибателями. Хочется думать, что в этой неизбежной трагедии, в этой, в общем-то, довольно отвратительной смене поколений заложена цель превращения хищника в более пристойное существо.

Иногда кажется, что происходит что-то обнадеживающее. Общепринятое мнение такой тенденции не замечает. Принято считать, что истекающий век оказался самым жестоким, а из этого следует, что и человек стал большим зверем. Мы убиваем больше себе подобных, чем в прежние века, а стало быть, и жестокость человека нарастает. Тут, однако, вступает в действие таинственный парадокс. Посмотрите на древние века, когда убивали меньше, чем в XX веке. Почитайте хроники Иосифа Флавия, особенно сцены осады Иерусалима когортами Титуса. Что они творили друг с другом, те римляне и иудеи: вспарывали животы в поисках золотых монет и так оставляли, надрезали и стягивали кожу, чтоб устрашить врагов, перерубали шейные мышцы, сосуды, связки и позвонки, распинали на пере-

кладах, тоже вроде бы для устрашения, – но все это скорее для развлечения войск. Холодное острое оружие – а другого тогда не знали за исключением малоэффективных катапульти – предусматривало прямое врубание своим лезвием в тело врага. Люди не могли не звереть от этих дел.

Огнестрельное оружие увеличило число жертв, но парадоксально снизило градус зверства. Человек передал часть своей ярости пуле, ядру, потом авиабомбе и ракете. Похоже на то, что с ростом военной технологии жестокость человека уменьшается. Летчик, нажимающий кнопки запуска, не вопит от сладострастного бешенства, он играет в электронную игру, он не жесток. Значит ли это, что наш век преуспел на пути к «духовному человеку»? Освенцим и ГУЛАГ, Китай и Камбоджа – вот, скажут нам, вклад вашего века в процесс самоусовершенствования. И все-таки, несмотря на это, а может быть, и благодаря этому в нашем веке зародились донныне неслыханные либеральные системы. Сострадание, прежде бывшее уделом одиночек, своего рода монастырем души, стало массовым интернациональным предприятием. Человечество стремится предотвратить геноциды и вымирания целых народов. Большущая спасательная армада летит в одночасье на Африканский Рог, где мужичье, нажравшись дурманной зелени «хат», не может оторваться от зверских игр и оставляет своих деток без зернышка пищи.

Парадоксов не счесть. Взять хотя бы плотоядие. Известно, что предметы романтической страсти трубадуров, дамы Кастилии и Прованса, во время пиров откусывали от цельного бедра и их ангельские губы лоснились в жире убоины. Появление кувертов, развитие изысканной кулинарии, хоть и отдают лицемерием, все-таки отдалают от хищничества. Изысканные продукты гастрономии мало напоминают тех, кто мычал, блял, кукарекал, порхал в ветвях, чирикал и трубил, сосал и совокуплялся, испытывая неизбежную радость жизни перед закланием. Народ все больше склоняется к потреблению существ из царства водяного молчания. Распространяется вкус к неживотным, не-сущим источникам нужных ингредиентов, если так можно сказать о производных вегетативного процесса. Можем ли мы предположить, что в будущем люди смогут разомкнуть порочный круг пожирания плоти? Придет ли наша раса к финалу очищенной от кармы убийств?

Предаваясь таким размышлениям, я бодро завершил цикл растяжки разгибателей – а также, должен признать, и сгибателей – и отправился в забег по периметру леса. Пока бежал, бубнил рифмы: «Индейка-Ван-Дейка», «пилигрим-филигрань», «эскорта-куры». В результате сложился стих *Wild Turkey*,⁴⁰ и вместе с ним в прекрасном настроении я вернулся к дому.

Сестры сидели с кофе на ступеньках своей террасы. Мирка, уже подмазанная, но с босыми ногами, читала *Washington Post*. Галка, как всегда халдой, прикладывалась к бутылке ледяного пива и отпадала от нее со стоном блаженства. Вавка сидела смирной пай-девочкой: одна великолепная ножка вплотную к другой великолепной ножке, тапочки, белые носочки, на глазах большие темные очки, под ними торчат ноздрята. Вся троица, конечно, безбожно курила: синий дым над Миркой, розоватый – над Вавкой, над Галкой – желтый с прозеленью. При виде такой картины адмирал Лихи привычно бы застонал: *I can't stand it! I reject this kind of self-destruction loud and clear*,⁴¹ как будто сам в недалекие еще времена не соревновался с трубой линкора *New Jersey*.

«Глянь-ка, Стас, кто-то тут у нас ночью наследил на террасе», – произнесла Мирка.

Я подошел и увидел многочисленные следы двух пар ног. Какие-то двое тут ходили взад и вперед. Такие следы оставляют спецназовские говнодавы, когда выходят из сырого леса. Мне не раз приходилось их видеть во время командировки в Боснию.

⁴⁰ Дикая индюшка (англ.).

⁴¹ Я не могу терпеть это. Я решительно выступаю против подобного саморазрушения (англ.).

Часть IV

Атеистический астеник

Байрон, семилетний спаниель профессора Шумейкера, после переезда в новый кондоминиум почему-то решил, что он хозяин территории. К собакам своего размера и меньше он относился снисходительно, на крупных же псов бросался не задумываясь и повергал их в бегство. Крутой малый, такое сразу же в округе сложилось мнение об этом длинноухом. «Не позорь отца, Байрон!» – увещевал его профессор, хотя прекрасно понимал, что пес испытывает что-то похожее на его собственное состояние, желание начать «новую жизнь» и никому не давать спуска.

Эти переезды после долгого сидения на одном месте! Нечто сродни частичному самоожжению, не так ли? Во всяком случае, собственноручно уничтожаешь кусок своего прошлого. Пятнадцать лет Шумейкер провел со своей третьей женой в небольшом – но с колоннами! – доме в окрестностях университета. За это время жена сама выросла в профессора, с этим своим профессорским чином и отчала в Питсбург. Что касается самого Эйба, то он, как мама говаривала, «родился профессором», то есть вообще ни во что не вырос. Наоборот, все время как-то снижался, м-да-с, по всем вопросам как-то вниз. Возьмем, например, напитки. Раньше в роли настоящего мужчины-советолога он пил водку straight.⁴²

Теперь по требованию врачей к водке вообще не прикасается, а скоч разводит, убивая весь его смысл и оставляя только противный привкус.

Раньше его постоянно приглашали на конференции как дома, так и за океаном. Шли осмысленные и бодрящие годы «холодной войны». Теперь если и приглашают, то всегда как-то немного унизительно. Никогда не предлагают возглавить «панель» (секцию), а уж о «киспикерстве» (ключевом докладе) и говорить не приходится.

Вот в этом плане все и идет. «Мерседес» приходится менять на «Хонду». От дома с колоннами, пусть небольшими, но все-таки бросающими определенный вызов, скатываешься до заурядного многоквартирного ублюдка. Никого, впрочем, в этой деградации винить не приходится, кроме самого стареющего долговязого ипохондрика со странной привычкой слегка приседать при ходьбе. Могли бы, проф, дерзостно снять маленькую, но стильную студию в Джорджтауне или в Уотергейте и приезжать оттуда в двухместном стильном кабриолете, так нет – очередной приступ уныния, и вы перебираетесь на «Хонде», тоскливой, как японская песня, в один из этих бесчисленных вирджинских «хейзельвуцов».⁴³

Вот вам и «новая жизнь» – пеняйте на самого себя, сэра.

Не хотелось бы касаться самых болезненных тем, но в целях решения данной конфликтной ситуации нужно. Правильно, мой друг: речь, разумеется, пойдет не о дантистах, а о женщинах. Прежде он вывозил их из вражеского тыла, то есть из Советского Союза. Каждый брак был авантюрой своего рода. Особенно первый, с дочкой советского стратегического генерала. Эта история наделала много шума. Вот тогда-то и надо было бы Стасу Влосу переделать его имя из Башмачкина на Шум-Махера, ведь «шум» – это как раз и есть «noise» по-нашему. В то время ему предложили контракт на книгу о его скандальной, с участием Генштаба и Политбюро, любовной истории, однако он озадачил издателей, сказав, что

⁴² Неразбавленную (англ.).

⁴³ От англ. *hasel wood* – ореховый лес, заросли орешника.

они с Агриппиной совсем не то имели в виду. В те времена он носил белые пиджаки и был горазд пошутить в утонченной манере.

Черт бы побрал этих русских баб! После жарких любовных историй почему-то очень быстро начинало увядать либидо, все как-то засыхало и сморщивалось. Впрочем, может быть, и не бабы были в этом повинны, и даже не он сам, «профессор кислых щей», как его называла вторая жена Авдотья, а вся парадигма «холодной войны»? Так или иначе, вместо того чтобы стать главой большого семейства, он после трех браков оказался одиноким холостяком с единственным близким существом, спаниелем Байроном. И так вот все тянется, ничего катастрофического, просто постепенный спуск в трясины старения, заброшенности, когда единственным твоим ответом на *midlife crisis* оказывается невозмутимое выражение лица.

Эйб вытащил из портфеля кучу университетских бумаг, и из нее, конечно, первым делом выпало письмо провоста по поводу этих дурацких «оценочных листов». Даже такая чепуха оборачивается унижительным вздором. В кресле провоста сейчас сидит Дино Коллекто, симпатичный парень, с которым когда-то они начинали. Вот, кстати, пример движения в противоположном направлении. Дино всю жизнь неторопливо и последовательно поднимался и наконец уселся в кресло провоста. В письме Дино сообщал, что в «оценочных листах» одного из шумейкеровских классов появились какие-то неприятные сигналы. В частности, указывается, что профессор Шумейкер допускает неуместные шутки в адрес студенческих сексуальных меньшинств. Якобы он однажды сказал, что слово «фагот» по-русски означает *bassoon*,⁴⁴ «а совсем не то, что вы думаете».

Не хватало только прослыть обскурантом на кампусе! «Я бы тебе посоветовал, старина, – писал провост Коллекто в конфиденциальном письме, – несколько снизить степень фратернизации во время учебного процесса. Прошу тебя также не придавать этой истории значения большего, чем она заслуживает. Ведь «оценочные листы» – это далеко не самый важный документ в оценке работы уважаемого профессора, каким, несомненно, являешься ты». Вот именно, подумал Шумейкер, обычно их выбрасывают, не читая, а тут почему-то они оказываются прямо на столе у провоста.

Байрон злился, что хозяин не спускает его с поводка, как он это обычно делал во время их долгих прогулок по старому месту жительства, в парке Честерфилд. Байрон, бессовестный, хотя бы ты-то оценил мою дружбу, если больше некому. Поразительно, даже в университете не осталось друзей, если не считать сочинителя Стаса Ваксино, который думает, что никто не знает о его пристрастии к выдумыванию человеческих историй. Нет, эгоизм – это знамение века: слишком много стало людей, они меньше замечают друг друга. Формальные улыбки, псевдонормальные похлопывания по плечу – кто им не знает цену?

Вдруг однажды по соседству в кустах промелькнула какая-то по-настоящему дружеская рожа. Что это за круглое такое, темно-оранжевое? – оказалось, баскетбольный мяч. Осмотревшись, профессор понял, что стоит на полузаброшенной игровой площадке. Вытащил мяч из бамбука, несколько минут стучал им перед собой, все еще думая о своих невзгодах, потом от центрального круга бросил по кольцу. Тучи летели над холмом. Секунда затянулась. Голову крутануло. Сосуды шалют. Одна из туч казалась воплощением паники. Тут он сообразил, что попал прямо в цель. Легкий кистевой бросок, св-иии-шшш, мяч влетел в кольцо. Маленький триумф, как полагает Стас Ваксино.

Несмотря на этот «маленький триумф», депрессия с каждой неделей его все больше одолевала. Знаменитые вирджинские закаты стали ему казаться бездарной мазней, человеческие лица – изъянами природы. Может быть, пойти к психиатру, сесть на прозак? Но

⁴⁴ От англ. *faggot* – педик (сленг); *bassoon* – фагот (англ.).

ведь пишут вот в *New Republic*, что это приводит к изменению своей пусть говенной, но личности. Ну, поднатужься, Эйб, ведь мир все-таки ведь... что? каков?.. прекрасен в своей реальности. В реальности разводов, раздела имущества, бабского занудства, постоянного пренебрежения академической среды, «оценочных листов» с доносами, свинцовой усталости мышц, с которой вылезает утром из-под одеяла? Однако ведь есть в нем что-то еще, кроме этого, – например, баскетбольный мячик в бамбуковых кустах, бутылка каберне или мерло, с которой ты смотришь по телевизору постоянную тяжбу каких-нибудь «Слонов» и «Колдунов», с их фейерверками «маленьких триумфов». Кроме всего прочего, ведь в нем еще есть и Микроскопический, он может появиться в любой момент, как сверкающая точка посреди чего угодно, даже, скажем, посреди дурацкой полки с товарами. Он так мал, что иногда кажется непостижимо огромным. Иногда уменьшается (или увеличивается?) до размеров, скажем, ярчайшего насекомого, мерцает в глубине лет. Как любопытно! Как забавно! Потом исчезает совсем, но как бы своим отсутствием присутствует. Иногда встанешь утром, все дрожит внутри. Молишься чему-то, чему может молиться астенический атеист, хнычешь – спаси, спаси! – и вдруг, как будто услышали, по радио начинает раскатываться Четвертый концерт Баха для клавишных, и на хорошем месте, на книжной полке, скажем среди томов Толстого, вспыхивает крупный Микроскопический. Ты убеждаешь себя: человеческие лица все-таки хороши! В них присутствует что-то иногда прелестное. Возьми утреннюю газету – и не исключено, что увидишь пару хороших лиц. Даже на первой странице такие иногда попадают. Вот чудная девчушка, такой радостный огонек. Вот застенчивый малый с бесхитростной мордой, на которой как будто написано: читайте на моей роже все, что на ней написано, и не судите строго. Начинаешь читать и узнаешь, что «радостный огонек» был похищен и изнасилован, а в похищении обвиняется «застенчивый малый», известный полиции педофил. Смыкается ночь и не разомкнется, если только в ней не появится Микроскопический, на этот раз величиной с луну. Тогда засыпаешь.

Телефон звонил редко, но все-таки иногда позванивал, чтобы сообщить обескураживающие новости. Вирус, гуляющий в университетской компьютерной системе, пожрал его статью «Конец политики». Впрочем, он не особенно огорчился. Это был его вялый ответ на «Конец истории» Френсиса Фукоямы. Он не решился поставить все точки над *i* и сказать, что, пока вся эта сволочь, то есть все мы, производит себе подобных, история не кончается. Она просто переворачивается. Если раньше она стояла перед нами, как Фудзияма (просим прощения за фонетическую близость. – *С.В.*), то теперь блестящая на солнце вершина приобретает тенденцию вывернуться наизнанку, то есть прийти к русскому смыслу окончания «яма». Этого он не сказал в статье, съеденной вирусом, только лишь пережевывал геополитические банальности. Нет смысла злиться по пустякам.

Другое дело, когда находишь на балконе новой квартиры засохшую кожу змеи. Дворник кондоминиума говорит, что иногда эти гады *black snakes*⁴⁵ заползают на балконы, чтобы сбросить там старую кожу. Говорят, что они совсем не опасны и даже человеколюбивы, тянутся к камельку, к молочку, но все-таки почему надо заползать именно к Эйбу Шумейкеру для этой малоприятной процедуры?

⁴⁵ Черные змеи (англ.).

«Малые триумфы»

Ночью профессор обнаружил исчезновение Байрона. Снова свалил, паршивец! Рыщет сейчас по Хейзелвуду, ищет, как русские говорят, приключений на свою мохнатую задницу. Здешние запахи его дурманят. Жилая среда здесь гуще, чем в Честерфилде, больше всяких ссак, капель секретиции. Пес, конечно, дурит, проходит через свой *midlife crisis*. Когда он удрал прошлый раз, Шумейкер обнаружил его возле мусорных контейнеров в обществе трех енотов. Кружили вместе, а иногда садились в кружок и смотрели друг на друга; разве это не противоестественно?

Эйб вышел из дома. Все было ярко освещено луной.

Микроскопический отсутствовал. На паркинге для усугубления безжизненности матово отсвечивали крыши «Тойот» и «Хонд». Впрочем, по поверхности бассейна скользили длинноногие пауки. В углу воды висела банка из-под «Бада»; Чехов! Он пересек поселок, поднялся по холму к зарослям бамбука. Вытащил тамошнего жильца, баскетбольный мяч, и начал бросать по кольцу с разных дистанций. Хорош придурок – играю в баскет под луной! Смешно, но ни разу еще не промазал. Попадаю с любого расстояния, в прыжке и с ходу, с поворотом, из-за головы крюком, двумя руками и одной, и правой, и левой.

Почти тридцать лет он не играл в баскетбол. Вспоминается команда в годы колледжа, «Росомахи». Там такой говнюк Тэд Хэвикрэб, поперек себя шире, был капитаном. Наглый навахо выбросил его из команды, когда он, Туфля, как его тогда называли, промазал два штрафных за три секунды до конца матча с «Петухами».

С попаданиями тогда у Туфли плохо получалось. А вот сейчас получается неплохо, когда это никому не нужно. Хотелось бы, чтобы наглый Хэвикрэб увидел этот лунный сюрреалистический баскет. Такие попадания тебе даже и не снились, Хэвикрэб, особенно сейчас, когда ты совсем разбух от денег в своей адвокатской гильдии.

Какая-то изогнутая ветка смотрела на Шумейкера из травы. Ветки, кажется, не умеют смотреть, но ему везет, попалась зрячая. Посмотрев, она отворачивается и уползает по подстриженному склону. Эва, да это большущий уж! Наверное, тот самый, что сбросил шкуру на шумейкерском балконе. Наконец в поле зрения появляется Байрон. В дальнем углу игровой площадки в лунном свете он спокойно трахается с какой-то спаниелихой, милейшей сучкой из семьи Короля Чарльза. *What a rake*,⁴⁶ нашел все-таки себе этнически близкую особь!

– Саша, *what the hell are you doing*,⁴⁷ паршивка?! – послышался взволнованный (и кажется, волнующий) женский голос.

Опять какая-то русская баба, в панике подумал Шумейкер. Сколько у меня было русских жен, попытался он вспомнить. Четыре? Нет, пять, если считать Акулину. Три законных и две не успевших обзакониться. Последняя как выиграла грин-кард в лотерее для нелегалов, так и смылась, акула. Американские мужья таким пиздам больше не нужны: иммиграционная служба устраивает лотереи. Появилась хозяйка нашей зазнобы. У нее, кажется, хорошая фигура. Только и не хватает связаться с новой стервой.

Собаки, сделав свое дело, никак не могли разъединиться. Профессор и женщина нацепили на своих питомцев поводки и застыли в нелепых позах. Остается только ждать, когда из собачьих органов отольет кровь.

«Меня зовут Абраша», – сказал Эйб против своей воли.

«А меня – Какаша», – ответствовала женщина с глубочайшей грустью.

⁴⁶ Ну и ходок (англ.).

⁴⁷ Что ты вытворяешь (англ.).

Однажды во время своего одинокого баскетбола или, вернее, сеанса непрерывных попаданий в кольцо профессор услышал аплодисменты. Возле площадки собралась дюжина школьников. «Gee this man is a real brick-layer!»⁴⁸ – шумели они. Подошел местный дворник дядя Стю: «Слушайте, у нас тут в Приозерье «Американ экспресс» проводит конкурс по дальним броскам для пожилого населения. Не хотите ли, мистер Шу, принять участие? Главный приз – миллион долларов».

Во время отборочных соревнований для лиц старше пятидесяти моего героя посетила ужасающая мысль, вернее, ошеломляющее прозрение. Кажется, по закону жанра, по всему раскладу этой «моей» главы я просто не могу не попасть в баскетбольное кольцо. Сама идея броска мимо цели кажется мне непостижимой, как, скажем, прыжок с парашютом на пик Фудзиямы. Быть может, это не дар на меня снизошел, не полоса пошла «малых триумфов», а, наоборот, вкралась какая-то страннейшая болезнь? Конечно, такого быть не может, такие болезни никогда еще не наблюдались, однако сама мысль об этом – сушая мука. Вот таково злосчастие ипохондрика: даже и баскетбол, что вернулся в его жизнь как ободряющий друг, вдруг ослабился с гадским подмигом.

В финале конкурса остались двенадцать человек, в том числе Эйб и Стю. По правилам щедрого «Ам-экса» это означало, что вся дюжина уже заработала по дюжине грэндов. Никто из них, конечно, не рассчитывал на миллион, но каждого подсаживало предательское «а вдруг?». Стю как-то сказал новому другу: «Знаешь, Туфля, о тебе тут поползли слухи. Подозревают, что ты когда-то играл в НБА, был каким-то факинг специалистом по дальним броскам, а ведь это против правил конкурса. Ты бы, знаешь, ну, промазал бы пару раз на прикидках, а?» Стю внимательно посмотрел на Эйба – так нередко дворники к чудаковатам жильцам присматриваются.

«Ну ладно, я промажу пару раз», – усмехнулся Эйб.

Такого рода уступки подсказывал ему опыт изучения и решения конфликтных ситуаций. Нужно иногда показывать свою слабость. Это не вредно было бы понять некоторым деятелям на Ближнем Востоке. Пара бросков мимо, и тебя начинают меньше ненавидеть. Признаться, он был бы просто счастлив промазать. Испарилась бы навязчивая мысль о болезни, выяснилось бы, что у него просто очень высокий процент попаданий, а не какой-нибудь метафизический сдвиг по фазе.

«Знаешь, Стю, – сказал он новому другу, – вот все говорят «миллион-миллион», а ведь я не имею к миллиону никакого отношения».

«Каждый имеет отношение к миллиону долларов, – возразил Стю. – Каждый! – и добавил: – Без исключений. – Он помолчал, покачивая башкой, этот Стюарт, который так и родился здесь, в этом Хейзельвуде, семьдесят лет назад в качестве лесника, чтобы потом подняться до позиции дворника в кондоминиуме. – Ты не думай, Шу, что он так и будет лежать бесцельной массой».

«Кто?» – вздрогнул Эйб.

«Ну, миллион. В банке за него дадут хорошие проценты. Заживешь безбедно».

Как ни старался наш профессор, промазать не удалось. Иной раз он просто вяло махал кистями рук из-за головы, даже не задумываясь о том, куда полетит круглый предмет, однако, соскользнув с ладоней, мяч почему-то в центре траектории набирал какую-то дополнительную силу и падал в корзину, как всегда, не коснувшись дужки кольца.

Впрочем, агентура «Ам-экса» уже выяснила, что он никогда не играл в НБА, и тогда там решили, что он метко бросает просто потому, что ему хочется миллион.

⁴⁸ Ты посмотри, этот мужик кладет «кирпичи» – каменщик (англ.).

Ну, разумеется, Эйб Шумейкер стал безоговорочным победителем многотысячного конкурса. Теперь ему давалось право на последний, один-единственный бросок в перерыве матча легендарных «Слонов» и сказочных «Колдунов». Попадание принесет ему 1 000 000, промах – всего лишь 50 000.

За все это время он всего лишь несколько раз видел русскую девушку Какашу. Она оказалась его соседкой по кондоминиуму, то есть отнюдь не принадлежала к классу недоступных богачек. Конечно, ездила она на «Роллс-Ройсе», но он у нее постоянно ломался, дымил, терял колеса. Почти при каждой встрече на паркинге она вздыхала: больше не в силах содержать это чудовище. Эйб боялся что-нибудь сказать в ответ на эти жалобы. Шикарную колымагу, конечно, подарил девке какой-нибудь любовник, который потом разорился, застрелился или сбежал в Бразилию. Конечно, у нее и сейчас есть любовники. Такие хорошие женщины не обходятся без любовников. Женщина, каждое движение которой говорит о любви, согласитесь, не может остаться в стороне от любовных утех, как, скажем, хороший осел не избежит поклажи. Естественно, что среди потенциальных и действительных любовников происходит естественный отбор; в данном случае отбирается тот, кто сможет взять на себя ремонт «роллса». При всех небольших литературных отклонениях такой отбор, разумеется, идет на первобытном уровне. Со времен пещер в этой сфере мало что изменилось.

Утром, если он встречал ее за выносом пластикового мешка с мусором, она удивляла его некоторой припухлостью своего пронзительно милого лица. Вечером, ближе к ночи, ночью, под утро, если он видел со своего третьего этажа, как она идет от паркинга к дому, он задавал себе вопрос, как такая ласка с ее пританцовывающей и слегка как бы самоиронической походкой может проводить время без него, без Абраши, а с кем-нибудь другим, пошляком, говном, шантажистом. Иногда ему казалось, что в момент обмена формальными «хай», «хелло» Какаша смотрит на него с недоумением, как бы говоря: «Почему не ухаживаете, месье, почему не подкадриваетесь?» Гош, думал он, вот парадокс: в России все разваливается, а девушки становятся все краше. Этот момент не может не стать важной составляющей российской парадигмы. И проходил мимо, словно чудаковатый профессор-теоретик, как будто у него не было солидного практического опыта в России.

Читатель, быть может, уже догадался, что девушке Какаше предстоит сыграть важную роль в нашем повествовании, однако мы слегка повременим с представлением красавицы. Не в наших правилах зацеплять любой мелькающий на периферии персонаж и втаскивать его в роман со всеми его/ее воспоминаниями. Должно что-то произойти, мелькание должно замедлиться, а то и полностью на миг остановиться. Пока что приближаемся к моменту решающего броска.

Гигантский зал напоминал угледобывающий карьер с отполированным дном и со скатами многотысячной человеческой массы. Станным образом от этих скоплений народа в Америке не разит потом; это особенность нашей заокеанской цивилизации. Толпы у нас не пахивают, в отличие, скажем, от Франции, не говоря уже о России, – биохимическая загадка.

Ну, тут-то уж я обязательно стрельну «мимо денег», подумал Эйб с какой-то шаловливой снисходительностью. Раз уж тут такие большие деньги маячат, я обязательно промажу. Я ведь никогда не попадал в большие деньги. Нелепо думать, что я вот прямо сейчас прямо в них попаду. Однако еще более нелепо думать, что я когда-нибудь пошлю мяч мимо кольца. Что за дикий тупик? Ручеек пота потек между лопатками, но вони к общему климату не прибавил. Кажется, это от меня просто не зависит, я просто не могу, силы небесные, не могу не попасть!

«Слоны» и «Колдуны» – это две сильнейшие команды НБА и злейшие враги. Для нагнетания обстановки можно добавить еще несколько прилагательных с суффиксом «ейш», но пойдем дальше. Уже третий сезон они разыгрывают между собой финальную серию play-off. Обычно большие млекопитающие обыгрывают шаманов-обманщиков на последних секундах решающего матча. В этот раз «Слоны» к перерыву отставали на семь очков, однако никто в колизее не сомневался, что во второй половине они одолеют. Впрочем, исход матча в тот вечер не интересовал ни автора, ни читателей этой эпопеи конца века. Мы все сидели у телевизоров и ждали другого события.

Не успели игроки уйти в раздевалку, как громopodobный голос с потолка объявил финалиста конкурса «Американ экспресс» для лиц старше пятидесяти. Затем последовал еще более чудовищный звук, аккорд так называемой музыки. Любой человек, незнакомый с американскими обычаями, принял бы это за последнюю катастрофу человечества, однако ничего особенного не произошло, просто вышел профессор университета Пинкертон Эбрахам Шумейкер (между нами, уже заслуживший имя Шум-Махер), чрезвычайно заурядная фигура среди гигантских игроков и эскадрона ритмически дергающихся девиц. Устроители шоу попросили его одеться в своей обычной университетской манере, и вот он явился в твидовом пиджаке, в рубашке с пуговицами, в вязаном галстучке, а также в мятых вельветовых штанах, придававших его фигуре что-то чарличаплинское.

Он снял пиджак и аккуратно сложил его подкладкой вверх. Не торопясь положил предмет одежды в центральный круг. Трибуны ревели. Смех, конечно, преобладал в этой какофонии. Многие зрители думали, что это никакой не профессор, а профессиональный комик, который сейчас начнет откалывать номера наподобие неизбежных околоспортивных «маскотов».⁴⁹ Большинство – а его составляли добродушные увальни из пригородов – желали забавному профу удачи. Таково странное свойство американцев: если их сосед каким-нибудь образом «сделает» миллион, они считают, что это увеличивает и их собственные шансы. Присутствовало на трибунах и некоторое число циников, у которых не было ни малейшего сомнения в жульническом характере этого рекламного трюка. О миллионе не беспокойтесь, ребята, говорили они. Никогда в жизни эта библиотечная крыса не попадет в кольцо из трехочковой зоны. Его просто на наших нервах поиграть выпустили. Просто чтобы всех возбудить, чтобы все ржали – ну, как они это любят.

Были такие циники и среди телевизионной аудитории. Что касается нашего кружка лиц с благородными литературными побуждениями, в нем все верили в Эйба и в то же время грустили: все ведь уже привыкли к бедолаге с его вегетативной дистонией. Как бы он теперь вообще не выкатился из нашего сюжета.

Эйб, невзирая на невозмутимое выражение лица, трепетал всеми фибрами своей души – если кто-нибудь знает, что это такое. Прощайте, «маленькие триумфы», приближается капут таинственному дару. Сейчас я промажу. Все войдет в норму. Все померкнет. Вернусь домой и узнаю, что Какаша переехала в княжество Монако.

Он взял мяч и привычно похлопал его в своих ладонях. Немедленно вернулось ощущение полной и неизбывной соединенности с кольцом: не попасть в него не-воз-мож-но! В то же время и выиграть миллион не-воз-мож-но! Две невозможности наедут одна на другую, что приведет к развалу внутренних органов. Порвется двенадцатиперстная кишка. Почки отплывут в дальние и бессмысленные странствия. Горгань со свистом рухнет в тартарары. Проф Шумейкер развалится на глазах почтеннейшей публики.

Внезапно вихрь дикой отваги охватил его, и в глубине отваги запульсировал краснорожий Микроскопический. Он отошел на несколько шагов назад и занял позицию в самом центре игровой площадки. Затем запросто произвел превосходный jump-shot, то есть бросил

⁴⁹ Талисманов.

мяч в прыжке, двумя руками из-за головы. Пролетев по безупречной траектории, мяч вошел в кольцо и просвистел через корзину.

Этой ночью, ближе к утру, истерическая русская красотка Какаша постучалась к нему. Ее рот и нос были в довольно распухшем состоянии, то ли от рыданий, то ли от понюшки. Или от того и от другого, что скорее всего. Вопрос только в том, что она вдыхала: кокаин или подогретый клей. Каждый понимает, чем завершился этот визит, однако мы должны предоставить некоторые детали, ибо без них нельзя будет обеспечить развитие характеров.

«Абрашка, это правда, что ты хапнул лимон? – спросила девушка, всхлипывая. – Тогда ты можешь меня трахнуть. Давай, давай, не бзди! Я дама с собачкой, а ты фраер с собачкой. Ну что ты тянешь? Давай-ка я сама тебя потяну!»

В начале каждого из своих больших русских романов Эйб всегда испытывал некоторую неловкость в процессе раздевания предмета любви. Процесс этот не всегда соответствовал его чикагской (район Скоки) школе хороших манер. Дрожащими похотливыми руками забираться другой личности под белье, *holu cow!*⁵⁰

В данном большом романе эта неловкость начисто отсутствовала, как отсутствовало и присутствие какой-либо одежды на ночном визитере. Профузно рыдая, дева распростерлась перед ним и пригласила всемерно атаковать свою так называемую «корзину нежности».

О боже, что это была за ночь, мама, папа, брат Джесси! Никогда ни с какой женщиной Эйб не испытывал ничего подобного тому, чем награждала его все время хлюпающая, а иногда разрываемая рыданиями Какаша, которую на самом деле, разумеется, звали Наташей. Ему казалось, что он находится в центре какой-то неумолимой и бесконечной сладостной тяги, и тело женщины в этот необозримый момент казалось ему единственным телом Вселенной.

«Абрашка, ты меня затрахал совсем», – бормотала она, и он удивлялся, откуда приходят эти незамысловатые речения.

Здесь мы постараемся не повторить ошибки обожаемого всем миром классика. Ни Байрон, ни Саша не пропали в апофеозе словесности. Еще в самом начале сцены крошка королевских кровей с пушистым хвостиком деликатно процокала коготками под ногами юной хозяйки в глубину профессорской квартиры. Байрон, вполне в традициях балканского офицерства, встретил ее любезно, пронюхал все, что надо, под хвостиком и успокоился: в отличие от людей у собак бывают периоды спокойствия. Теперь эти две милейшие твари сидели перед кроватью и внимательно наблюдали за упражнениями своих хозяев.

Настало время использовать кинематографический прием. Камера отъезжает, а потом поднимается к потолку. Или, скажем, заглядывает через окно на крыше, словно луна. С этой точки мы видим умильную картину: пару собак перед кроватью, на которой затихает любовный пир, столь внезапно вспыхнувший под влиянием миллионного хапка. Наташа-Какаша засыпает в классической манере утомленной девы, щекой разместившись на нестриженной лужайке эйбовской груди. Как безмятежно спит это мятежное создание! И только изредка передергивается всем телом в каком-то необъяснимом (пока!) пароксизме. «Триумфатор» тогда в ужасе просыпается и снова начинает ее утешать.

⁵⁰ Священная корова! (англ.) – популярное восклицание.

Звезда «Нарвских ворот»

Читатель, должно быть, уже догадался, что мы таким не очень-то пристойным образом представили ему главную героиню нашего собственного «большого романа». Теперь, для того чтобы не терять «темпо-ритма», как когда-то учили моих приятелей на курсах драматургов при ЦК ВЛКСМ, нам придется на время оставить профессора Шумейкера с его мифическим баскетболом и поведать о том, какие ветры занесли Какашу в его койку, откуда она взялась и почему, собственно говоря, почти с первых страниц мы предчувствовали ее появление.

Дева эта питерская. К семнадцати годам она стала ярчайшей звездой станции метро «Нарвские ворота». Иные кавалеры из центра, говорят, специально приезжали в этот район боевого пролетариата в надежде увидеть юную неотразимость. Выходя из метро, они смотрели на Триумфальную арку, как будто именно там, среди коней, колесниц и гоплитов, могла фигурировать красавица дева. Между тем Наташа Светлякова с табунком своих сверстниц паслась на поверхности Нарвской заставы, чаще всего на проспекте Газа, еще точнее, возле комсомольской дискотеки «Наш компас земной». Она слыла в этой среде довольно невинной мадемуазелью, несмотря на участие в нескольких семинарах по групповому сексу, или, как тогда это называлось среди молодежи НТР, сэйшнз.

Девчонки в школу ходили в клипсах, а во время экстазных трясучек эти клипсы закреплялись в носу. Иные брили башки наголо, а для школы носили в сумочках парички. Наташа, следует отдать ей должное, берегла свою бурную гриву, этот поистине апофеоз мужского счастья. Иной раз, впрочем, проливала и она на свой, по-школьному говоря, «кумпол» какой-то флюоресцирующий состав, и тот разливался среди волос, как Амазонка среди Бразилии. Как ни прискорбно нам это признать, девчонки нюхали клей, да и вообще рыскали по старой имперской столице в поисках кайфа, будь это химвортвейн, кодеин, иногда называемый в этих кругах «шифровкой», а лучше всего косячок анаши. Эти поиски их однажды завели далеко от Нарвской заставы, а именно в гребной клуб «Спартак» на Елагином острове, в двух шагах от того места, где опускается солнце в море.

Наташа к тому времени, в лучших традициях школьного остроумия, уже звалась Какашей, что ей весьма импонировало как альтернативное признание качеств. Меньше всего она думала о принце, может быть, потому, что Золушкой себя не считала. А он между тем ее уже ждал, вернее, был уже интегрирован в сюжет. Звали его Славка Горелик, он там работал сторожем в этом гребучем клубе, то есть мог обеспечить девушкам ночной проход на мостки. Парень был уже не первой молодости, ему стукнуло двадцать четыре, однако Какаша влюбилась в него сразу же после первого глотка «Солнцедара».

Только впоследствии она узнала, что, когда в городе говорили «тот самый Славка Горелик», имелось в виду не обязательно то, что она думала. Он, как оказалось, к этому времени был уже известным антисоветчиком, видным диссидентом и просветителем. В тот предзакатный час она видела только его мускулистые плечи, загорелую, как у Пушкина или там уж не знаю, как у кого, физиономию и нахальные, это уж точно, гумилевские глаза. Оставшись с ней наедине, он взялся было за гитару, чтобы произвести дальнейшее впечатление, однако она его остановила: «Знаете, Слава, давайте повременим с гитарой. Вы же видите, я просто изнемогаю в вашем присутствии».

Они стали трахаться и приступали друг к другу множество раз. Тридцать три раза, как было подсчитано впоследствии.

«Как же мне жить теперь без тебя, Какаша?» – бормотал он.

«А зачем же тебе без меня, Слава? – бормотала она. – Это совершенно не обязательно, без меня». У нее был тогда довольно прагматический подход к изгибам сюжета, в то время

как он, будучи неосимволистом, постоянно внутренне трепетал, боялся, как бы все не рассыпалось.

Совсем заторчав друг от друга и от туркменских дымков, они в перерывах меж слияниями брались за гитару и импровизировали на тему блоковских стихов «Ветер принес издалека».

На следующий день, когда он готовился на дедушкином «ЗИСе» совершить путешествие к Нарвским воротам, его по доносу этого самого дедушки, советского лауреата искусств, арестовали люди с холодным умом и горячими потрохами. Это было одно из последних преступлений ленинградской чеки. Гласность с каждым днем забрасывала грязью правды любимый народом романтический образ. Оставалось только, как Румпельштильцхену, взять себя самое за ногу и разодрать на части. Увы, они все-таки успели разлучить наших влюбленных.

Жаль, что Славку забрали, думала позже Наташа-Какаша. Кого мне еще любить, если я только его люблю. А с другой стороны, тоже все как-то путем получилось. Ведь если бы его чека не зацапала, пришлось бы сразу выходить за него замуж, получилось бы как-то пресно. Ведь так, со Славкой в чекистском узилище, я становлюсь какой-то особенной девушкой, и сюжет расширяется до безграничности.

Мне нравится твоя логика, девушка, сказала ей инструктор Нарвского райкома комсомола Ольга Кольцатая. Давай думать, как вместе плыть по бурным потокам перестройки.

Ольга была крупноватой особой, найти для нее джинсы было всегда сущей проблемой. А все-таки с молодежью у нее были хорошие передовые отношения. В «Нашем компасе земном» многие наблюдали, как в ней поднимался какой-то странный маскулинус в те минуты, когда она по-дружески обнимала какое-нибудь нежное создание. Вот это и называется «внутренней откровенностью», девочки, объясняла Наташина одноклассница Мила Штраух.

Однажды, уже ближе к осени 1989 года, инструктор сказала хипповым девчатам:

«Есть шанс хорошо оттянуться, а заодно и Родину приподнять в глазах мировой ответственности. К нам пришел пароход под названием «Ренессанс», зафрахтованный американской брачной компанией «Галантные ухажеры». На борту сто пятьдесят борзых козлов, лучшие женихи США; представляете, козочки? Из горкома звонили, сказали, что мы, как припортовый район, должны быть зачинщиком в наведении мостов. Собирайтесь, девчата!»

«Ренессанс» оказался не пароходом, а огромной океанской яхтой, построенной по последнему слову техники специально для холостяков. По каким-то тогда еще еле уловимым признакам эксперты компании Galant Suitors уловили, что Советский Союз может стать выдающимся рынком невест – почти таким, каким была для Штатов Куба, пока ее не захватили ревнивые коммуны. Появление на борту первой делегации девушек из комсомольского клуба «Наш компас земной» подтверждало прогнозы. Все гости были изящны и застенчивы, как и полагается юным особам из страны Тургенева и Толстого. Нет-нет, и Пушкин не забыт: милые взгляды исподлобья, конечно же, напоминали игру чувств а-ля Татьяна. При звуках вальса головки закидывались в мечтательном головокружении. Зубки переливались перламутрами, и здесь мы ни слова не скажем о некоторых недостатках стоматологической помощи в системе советского здравоохранения.

Давайте еще раз вернемся к проблеме «принца». Конечно, Какаша была мало похожа на Синдереллу, однако как всякий женский подросток гипотетически она не исключала появления в своей жизни какого-нибудь безупречного аристократа. Таким, по воле судеб, оказался сторож гребного клуба. Никто, по мнению девушки, больше Славки Горелика не подходил для этой роли. Стало быть, станцию «Принц» мы уже проехали, полагала она, тем более что советское государство упрямо его в темницу. Думала ли она, что на борту «Ренессанса» ждет ее другое воплощение этой вековечной девичьей мечты и даже как бы в двойном выражении? Нечего хитрить и интриговать читателя: среди «Галантных ухажеров» прибыли в

бывшую столицу империи два жителя штата Нью-Гемпшир – граф Джин Воронцофф и князь Ник Олада, то есть «русский принц» в двойном выражении.

При знакомстве с Наташей эти сорокалетние юноши не преминули пофикстулить своими титулами, хотя и утаили тот факт, что в Штатах ими нельзя пользоваться по законам демократии. Оба немного говорили по-русски; чем больше рюмочек пролетало в баре на верхней палубе, тем свободнее расшнуровывались их языки в разговоре с девушкой из пролетарской державы, родины их предков, от которой эти предки разбежались, как от бешеной суки. «Гёрл, мы оба перед вами, граф и князь, если вы пжалста. Мы, однак, не надевать воздуха в этой озабоченности, гот ит? Южули уи сэй, стоп это разговорю эбаут благородство! Мы больные и усталые ов эти факин благородство. Мы чилдрены Вудстока, если вы пжалста! Ответ ушел до ветру, как ви знайт! По другая рука, гёрл, мы пришел суда ни больше ни меньше, тут наши пэласы были эвейлабл, мы не можем ду бэз наших благородство иллужнз, гот ит? Мы пошел, Ник энд Джин, ту Университи Норуич брать ёр – лунатически язык. Теперь, гёрл, смотри ризалты». И они вдвоем читали небезызвестные стихи: «Я поумней чудноу мэгновини, перидо мноое йявилас ти...»

Наташа хохотала, голова кружилась, с причала злобно смотрели на бал протокольные будки пограничников, мелодия *Strangers in the night*, как нельзя более подходящая к случаю, повторялась снова и снова. Воронцофф танцевал с ней, внешность у Джина была немного неправильная для графа. Нетипичный князь Олада тоже танцевал с ней, только сзади. Таким образом аристократы норовили превратить комсомолку в начинку сэндвича. Ольга Кольцатая меж тем вместе со Штраух и Никитиной обганцовывали чикагского старца по имени Дон Ильич Гватемала.

Ник Олада дышал Наташе в ухо. Я бешеный с тобой. Дыхание у него было неправильное для князя. Дотанцевались до каюты поговорить по душам. Гёрл, мы дисайдед делать трип, смотрет для наш мечта, гот ит?

«Ты правильно сделал, чертов граф!» – вскричала не полностью трезвая девушка и потащила джиновскую башку себе под юбку.

Ник тем временем, неправильно дыша, целовал ее шею.

На следующий день, когда собрались на причале, обнаружилось, что «Ренессанс» вместе с двумя аристократами испарился, словно «Летучий голландец», и весь Наташин «первый бал» вслед за ним пропал, как эти гады говорят, «в тонком воздухе».

«У тебя, Какашка, нет тормозов! – корила нашу героиню с высоты своего опыта Ольга Кольцатая. Вся в сигаретном дыму, она расхаживала по кабинету в райкоме комсомола. – Ну что ты, рехнулась, сразу с двумя? И зачем ты принуждала провинциалов к оралу? Кто на тебе женится после этого?»

«К сожалению, я очень испорченная, – отвечала Какаша и рыдала, рыдала. В слезах ее, в буре чувств, в апофеозе излияний товарищ Кольцатая с удивлением услышала имя ставшего уже легендой передовой молодежи города Ленина Славки Горелика. – Только Славка – мой вечный принц! – рыдала девушка. – За графа – пожалуйста! За князя – пожалуйста! А Славка – вечный, Ольга, моя родная, понимаешь? За него на все готова! Даже на штурм КГБ пойду, честное комсомольское! А вот теперь все они пропали – и Славки нет – в тюрьме загорает, и Жека-граф свалил, и Колян, князь Олада, испарился! Что же я такая, изначально фатальная получаюсь, скажи, пожалуйста, Ольга Шамильевна?!»

И Ольга утешала нежное создание как могла.

«Подожди, крошка моя, скоро рухнет прогнивший режим и выйдет твой Славка из застенка триумфатором молодежи. И аристократы твои, увидишь, приползут на коленях. Ведь ты же у нас, Какашечка, сущий магнитик, от тебя ведь оторваться невозможно!»

Она была права. Все, кто до Наташи дорывался, хранили память о ней в течение всей жизни, часто довольно бессмысленной. Так и оба американских алкоголика не могли ее забыть после памятной ночи в питерском порту. Проснувшись посреди Балтийского моря на борту несущегося к Копенгагену «Ренессанса», они рыдали, рыдали. Дул норд-ост сорок девять миль в час прямо в правую ягодицу корабля, отчего даже это чудо морской техники временами диковато сотрясалось.

«Ты лучше о ней забудь, Ник, – говорил Воронцов Оладе, пока оба заново надирались в баре среди дребезжающей посуды. – Она моя невеста!»

«Нет, моя, ей со мной лучше будет!» – грубовато резал правду-матку князь.

И оба рыдали, рыдали: не осталось у них от волшебного создания ни клочка, ни адреса, ни телефона.

А у девушки в кармане вдруг обнаружилась улика – визитная карточка Джина – менеджер, инструктор, даже с адресом: 14 Спрус-Лэйн, Миддлбрук... Дальше, правда, следовал сигаретный прижог – сама виновата, тыкала свою вонючку куда попало, – но все-таки, извольте, госпожа удача, и номер дома есть, и улица еловая, и город, пусть небольшой, но, конечно же, всему миру известный аристократический курорт, где каждый буфет дышит изяществом.

Забегая вперед, уведомим читателя, что найти адресата по такому адресу было совершенно невозможно, поскольку имя штата и почтовый индекс как раз и были прожжены, а Миддлбрук и улиц Спрус в Штатах не меньше, чем в СССР колхозов имени Ильича с Советской улицей. Впрочем, одно письмо, от которого почему-то сильно пахло клеем БФ, каким-то чудом доехало до Джина. На конверте там значилось: Шоединенные Статы Маерики. Графу Жеке, гаду Воронцовскому. Текст послания был лаконичен: «Саше Вятельство, фы вудак! Каша Вакаша». Каким образом почтари великой страны расшифровали адрес, остается тайной этого романа.

Джин вместе с Ником – по одиночке они не могли – стали метаться: как найти их грёзу без обратного адреса? Окончательно чокнувшись, они оба прогнали своих супружниц и, получив по закладным за свои дома приличные деньги, полетели обратно на историческую родину, чтобы вернуть столь безрассудно утраченное счастье. Увы, разминулись: счастье уже само находилось в далеком странствии.

Помогла ей в этом, конечно, Кольчатая, заявившая однажды со всем большевистским абсолют: «Как честная девушка Страны Советов эпохи НТР, ты должна этих грёбанных князей найти и заставить на себе жениться! Это стоит всего три тыщи. Тебе дадут паспорт с визой и переправят в Америку. Там ты, надеюсь, не растеряешься».

Какаша ахнула: «Да где же я возьму три тысячи баксов? Мои папочка с мамочкой никогда таких номиналов и не слышали. Да к тому же папочка все время ходит и твердит: «Вот уж не думал, что моя дочь станет в нашем районе притчей во языцех», а мамочка совсем замучила цитатами по нравственности».

Ольга Шамильевна ободрила ее своей неслабой рукой.

«Об этом твои друзья тоже подумали, дорогой ты мой человек. Помнишь старикана Ильича Дона Гватемалу? Он снова здесь и готов тебе отстегнуть три тыщи за эскорт, а может быть, и больше, если постарайшься. Вот тебе телефончик и отправляйся в «Асторию». Таковы рыночные отношения, подружка, но я тебе помогаю как твой комсорг, то есть почти бескорыстно».

Короче говоря, вскоре гражданка СССР Светлякова Наталья Ардальоновна, т.и.к. Какаша, в составе небольшой девичьей делегации (семь блондинок) вылетела в Мексику. Там в аэропорту их ждали четверо шерстистых соотечественников, если так можно назвать вайнахов из Лос-Анджелеса. На четырех машинах покатали к американской границе. Вы,

девки, не прячьтесь перед кордоном, а наоборот – побольше высовывайтесь, поучали путешественниц опытные проводники. Пусть ваши гривы побольше на ветру развеваются, так мы легче проедем. Так и получилось. Американские карацупы приняли их за своих блондинок и даже не поинтересовались их фальшивыми визами. Валите, цыплята, наблюдавались в Мексике, теперь добро пожаловать!

Стоит ли дальше описывать этот период приключений нашей Какаши? Не лучше ли с горечью промолчать и лишний раз подумать о том, сколько похоти и зла накопилось в недрах человечества? Вариантов тут не так уж много, и все они хорошо известны читателям уголовной хроники, то есть почти всем. Добавим к этому лишь то, что среди гостей, посещавших особняк, где заперли ленинградскую делегацию, были некие Вазо, Чизо, Арути и Нукрешик, которые могут еще промелькнуть на пространствах нашего романа. Массивные перстни этих господ, ах, не раз отпечатывались на нежной коже Какаши. Случались моменты, когда волосатые мяса четырех ассирийцев не оставляли для девушки в окружающем пространстве ни одной щелки. Чтобы побыстрее завершить тягостный рассказ о двухнедельном растрении чудесной сумасбродки, скажем лишь, что она умудрилась заранее припасенной чугунной сковородкой отправить гостей в астральное путешествие, а сама прыгнула со второго этажа в Калифорнию и была такова.

Далее началась едва ли не годовая Какашина одиссея из бандитского каньона в деловое Чикаго. Почему именно туда, это скоро выяснится; пока лишь скажем, что за эти месяцы она побывала в гёрл-френдихах у немалого числа американских персон. А что прикажете делать юной особе, если у нее губы матово отсвечивают, как почти зрелые вишни, груди подобны двум слегка поссорившимся голубкам, а ноги напоминают двух сиамских сестренок? Что прикажете ей делать, если большой сегмент общества смотрит на нее при встрече только с одной-единственной мыслью? Такова реальность, господа, и для пушего усугубления оной мы перечислим здесь кое-кого из Наташиных покровителей той поры. Среди них были: владелец стрип-бара в Марина-дель-Рей, скульпторша в Санта-Фе, аризонский биржевой брокер, который оказался неполных восемнадцати лет, то есть на месяц младше нашей героини, ютский мормон, владевший ранчо с пятью женами, тexasский теннисный чемпион, посеянный в пятаю от конца грядку, оклахомский строительный контрактор, который для отвода глаз заставлял ее сидеть на крыше с пневмомолотком, иллинойский синьор Пицца, обожавший и ревновавший ее с такой страстью, что иной раз норовил завернуть ее в простыню своей пасты; ну и так далее. И вот наконец оно – многообещающее Чикаго!

Там, в Чикаго, в особняке, похожем на испанский павильон Диснейленда, жил Дон Ильич Гватемала, или наоборот, словом, тот самый старпер из «Астории», которого она год назад так успешно эскортировала. Этот беглый команданте «пылающего континента» пришел в бурный восторг при виде той, кого он называл «моей ленинской нимфой», той, что одним своим движением, даже одним взглядом вызывала чудо: подъем революции, молодости, всей этой сиерра-маэстры тех лет, когда они приводили к власти сержанта Батисту. В те дни, моя ленинская нимфа, мы были уверены, что вскоре возьмем всю перевернутую шляпу, то есть Центральную Америку, а потом и вся хемисфера запыхает, как пылает мое тело при виде тебя, моя ленинская нимфа! Эти слова с шипением проходили меж его сахарных зубов, каждый стоимостью в «Форд Эскорт», а вместе – в коллекционный «Даймлер». Пристукивая инкрустированными каблучками, старый бандит подпрыгивал и с хрустом изображал фанданго. Хорошо продуманная фармакология снимала артритную боль. Он предложил своей ленинской нимфе сочетаться законным браком. А почему бы нет, подумала Какаша и тут же вспомнила известную всем советским школьницам картину «Неравный брак».

В нашем архиве сохранился снимок свадебной церемонии. В центре на специально построенной тумбе стоят жених и невеста, слева и справа на снижающихся ступенях расположились веером ее и его псевдорodственники, привезенные за большие деньги из разных

районов мира. Головы дряхлых сподвижников Ильича Гватемалы повернуты в сторону Какашиного крыла, где сияют молодостью и красотой сестры-сподвижницы из клуба «Наш компас земной» – Пенкина, Никитина, Бородина, Шахбасарова, Штраух, возглавляемые, разумеется, атаманствующей Ольгой Кольчатой. Многодневные торжества проходили в гасиенде на берегу озера Мичиган и завершились большим пожаром. Вслед за пожарными в район гасиенды прибыли и сыскные, наконец-то, после тридцатилетнего поиска, напавшие на след легендарного наркобарона. Взять старика живьем все-таки не удалось. Он отстреливался до последнего патрона, да и последний вlepил в федерального агента, правда, одновременно с далеко не последним патроном последнего.

Овдовевшая девушка немедленно после похорон поступила в Северо-Западный университет, что, конечно, влило долгожданную свежую струю в сферу славистских штудий. На учение кое-как хватало, но не густо. К удивлению питерской грации, денег на счетах покойного оказалось немного, да и то, что осталось, было конфисковано и поделено между шестью державами Латинской Америки, пострадавшими от Ильича в разные периоды XX века. Впрочем, она не унывала. Она чувствовала, что деньги в ее жизни еще будут. У девочек было свойство притягивать большие бабки, то есть то, что брокеры в этой стране называют *Midas Touch*.

Разбирая однажды чердак поставленной на продажу гасиенды, она обнаружила нестрогаемый сундук, заполненный аккуратно сброшюрованными манускриптами. Оказалось, что имя Ильич Гватемала было не только бандитской кликухой, но и псевдонимом писателя «циклопического реализма», известного в кругах знатоков, к которым принадлежит и автор данного сочинения, тоже любитель псевдонимов Влас Ваксаков, он же Стас Ваксино, говоря на языке электронных коммуникаций. Происходило нечто странное. Не изучив пока что гишпанского языка, Какаша понимала каждую строчку в двенадцати найденных ею полновесных циклопических романах, как будто старый хуй не был до конца убит, как будто он пел ей каждую строчку на общепонятном метафизическом языке. Кроме словесного, там был еще какой-то пугающий своей ясностью, чарующий музыкальный контекст, и в нем она как бы слышала и свою судьбу и судьбу своего вечно любимого Славки. Так вот куда этот старый пес ушел, плакала она и шуршала, шуршала бразильской бумагой – день за днем, ночь за ночью, месяц за месяцем.

В конце концов она решила и разослала рукописи по 14 главным издательствам. Произошла всемирная литературная сенсация, породившая новую эпоху в циклопической романистике. Все 14 книг стали мировыми бестселлерами, и Какаше только и осталось, что собирать жутковатые по размерам роялти.⁵¹

Увы, и этот чудовищный успех – чудовище гиперболы почему-то всегда присутствовало в жизни нашего аленького цветочка – обернулся чудовищным скандалом, полной утечкой собравшихся миллионов. На сцене один за другим стали появляться новоявленные дитяти застреленного федагентом классика, каждый страшной предыдущего, и все требовали своей доли авторских прав. Вот так ведь нередко бывает: читатели восхищаются миллионными романами и не представляют, какая братоубийственная война идет в кулуарах литературы.

Чтобы сократить эту длинную историю, скажем лишь, что наша девушка, уже подошедшая к раннему бальзаковскому возрасту (по секрету – к 22), еле унесла из этой свары своих сиамских близняшек (ну, ноги, если кто-нибудь подзабыл метафору) и в раздрыганых чувствах умчалась из Чикаго на юг, на целинные земли, то есть в Вирджинию, на последнем, чудом не растасканном на куски «Роллс-Ройсе». Гнала всю ночь, рыдала, рыдала. Сашенька, родная, слизывала с правой щеки горячие слезы. На следующий день с левой

⁵¹ От англ. *royalties* – отчисления, гонорар.

распухшей щекой на последние гватемальские шиши вдова купила квартирку в кондоминиуме Хейзельвуд-Коурт, который напомнил ей летний профилакторий в Лисьем Носу, где ее матушка работала детским психологом. Таким образом наша Какаша, едва не выпав из сюжета, снова стала в нем подвизаться, чтобы встретить нашего конфликтолога Абрашу Шум-Махера, заболевшего комплексом баскетбольного кольца.

В этом пункте повествования нам хочется обратить внимание читателя на то, что, несмотря на слияние судеб, эти два протагониста представляют каждый по отдельности свой собственный рассказ. Любой из этих рассказов можно легко вычленивать и напечатать, скажем, в журнале *New Yorker*, где он самым естественным образом волеется в состав кондовой фыкшн⁵² этого еженедельника. Вообще, читателю нашего большого романа предоставляется полное право выделять, менять местами или просто вырывать любые куски этого произведения. Была бы на то наша воля, мы бы издали «Кесарево свечение» на несброшюрованных листах, но воля не наша. Далее – двойной пробел.

Что же произошло с Эйбом на следующее утро после взятия двух вершин (или низин?): миллиона и Какаша? Первым делом позвонил Дино Коллекто. Он сказал, что Вибиге Олссон уходит в продолжительный отпуск для написания книги о нигерийской структуре власти, и предложил ему занять кресло главы ЦИРКСа. А как же Бэнник, Стробб, Сулканеццин? – спросил Эйб. Глаз Какаша ясной планетой смотрел на него в этот момент из-под ее собственного локтя. В зрачке, кажется, торжествовал Микроскопический. Президент и Совет Визитеров считают, что ты самый достойный, уверенно заявил старый друг. Ну, а Влас Ваксаков, наконец? Коллекто засмеялся. Ну ты же его знаешь: он скорее Стас, чем Влас.

«Ты, наверное, уже слышал про мой вчерашний бросок, Дино? Или по телевизору видел?» – спросил Эйб, одной рукой натягивая трусы на обе ягодицы.

«Какой еще бросок? О чем ты?» – с искренним недоумением переспросил провост.

На этом их разговор закончился. Эйб обещал подумать и перезвонить через час. Подумать ему не удалось. Одновременно зазвонили и в телефон, и в дверь. «Клуб «Колдуны» вас приветствует, феноменальный профессор Шум! Все жаждут встречи!» Так, опередив «Слонов» на десять минут, «Колдуны» наложили лапу на вчерашнюю сенсацию.

Вертолетом они доставили Эйба на свою базу «Флетчерс Хэтчерс». Сильное впечатление там производила концентрация дезодоранта. «Никакой вони!» – таков был лозунг хозяина клуба Стива Бэлзы. В свои семьдесят пять он был озабочен девственными ноздрями молодой супруги. Все были в сборе: стартовая пятерка, скамейка и питомник. Здороваясь с довольно высоким, по человеческим стандартам, профессором, мужики или сгибались, или приседали на пружинистых ногах. Эйб улыбался. «Вы называете меня «Шум», джентльмены, а между прочим «шум» – это по-русски noise». – «В натуре?» – восхищенно поразился весь клуб.

Тренер Боб Бутсо предложил немедленно приступить к делу. Начнем с двенадцати бросков из трехочковой зоны. Подъехала тачка с дюжиной мячей. Изящно потряхивая кистями рук, Эйб забросил их в кольцо, ни разу, естественно, не промазав. Он не мог промазать. Ну хорошо, подумал Бутсо, это мы уже видели. Проверим его в толпе. Мистер Нойз, или как вас там, сейчас мальчики вам будут отбрасывать наше круглое, а вы посылайте это туда, куда сами знаете. Эйбу не понравилась улыбка этого славянина. Улыбается так, как будто что-то знает из этой области, из психиатрии. Или так, как будто он вхож в романы.

Пасы «колдунов» едва не поломали ему пальцы. Несколько раз он терял мяч, однако всякий раз, будучи взят, предмет отправлялся над всеми лопатами рук прямо в дырку. Возьмите его плотнее! Четверо делают заслоны Шуму, пятеро его атакуют, противники давят

⁵² От англ. fiction – художественная литература.

друг друга плечами, локтями, задами и коленками. Сейчас кто-нибудь прихлопнет меня, как мышонка. Баскетбол превращается в рэслинг, это мне не по душе, джентльмены. Он повернулся спиной к кольцу и тут же получил пушечный пас от Бутсо. Бросай, Шум! Даже не разворачиваясь к кольцу, он швырнул мяч за голову. Ну, теперь вам все ясно?

Мистер Бэлза встал. За ним поднялись еще несколько господ в персонально пошитых костюмах. Поехали на ланч в High Orbit. Тренера с собой не взяли, что, похоже, потрясло искушенного в этом бизнесе бульбоглотателя.

За столом в отдельном кабинете остались только трое – очевидно, прожженные выжиги. Четвертый, безупречный, как все, но мокрый от волнения, вдруг открыл дверь и драматически обратился к трем первоначальным: «Брюс, Эд, славный Ардамашти, неужели вы способны вот так с ходу выбросить вашего старого товарища?» Трое переглянулись и благосклонно кивнули. Эмоционально мокрый плюхнулся рядом с Эйбом и тут же облюндовал ему ухо: «Я твой агент, Эйб! Проси восемнадцать!»

Профессору предложили объяснить, как он сам все это понимает. Шумейкер, как полный мудака, стал этим людям выкладывать свое подкожное: и о «кризисе середины жизни», и о «парадигме личного конфликта», и о «малых триумфах», и даже о «поднебесной Фудзияме». Хотя бы о «Фудзияме земной» умолчал, вернее, просто не успел дойти до перевернутого апогея.

Вы у нас будете на скамейке, проф, сказали ему трое первоначальных. А на площадке будете появляться только тогда, когда надо переломить счет. В игре бывает так, что у всех не идут броски. Вот тут-то вы нам и понадобится.

«Мы просим двадцать», – сказал мокрый.

«Двадцать пять», – поправил его Эйб и подумал, что это будет неплохим приварком к университетским семидесяти пяти. Читатель, конечно, уже догадался, а профессор все еще не мог взять в толк, что речь идет не о тыщонках, а о миллиончиках.

«А мы предлагаем вам тридцать», – сурово оповестила тройка первоначальных, и контракт был тут же подписан.

Теперь мы подошли к тому моменту, когда оба наших отдельных рассказа сливаются в одно целое. Многие детали совместной жизни Абраши и Какаша мы тут опускаем по композиционным причинам, однако не можем не сказать, что вскоре эта жизнь пошла под флагами непрерывных Какашиных беременностей. Выводками, образно говоря, вылуплялись в шумейкерском гнезде птенцы. Жители Хейзельвуд-Коурт, который давно уже целиком принадлежал этой паре, перестали удивляться, видя, как через дорогу в парк движется отяжелевшая девушка, а за ней шустро ковыляет подрастающее поколение. Следует сказать, что после каждой кладки несушка немедленно теряла в весе и немисливо хорошела. В этом состоянии своей привычной неотразимости она отправлялась в Нью-Йорк, Москву, Париж, Улан-Батор тратить шумейкерские миллионы и возвращалась полумифическим существом в нарядах от лучших кутюрье этих столиц. Проходило, однако, не более месяца, и она снова грузнела в кормовых частях, живот оттягивался книзу под новым кладом зреющих яиц.

Однажды она сидела на пригорке в парке Абраша над озером, где плавала чета лебедей, Этель и Эланор. Они кивали ей своими маленькими головками, вмещавшими столько мыслей об изяществе. За озером был холм, из-за стриженной башки которого поднимались два постмодернистских билдинга. В небе оседал на аэропорт Даллас сингапурский джамбо. Какаша похлопала в ладоши, и птенцы немедленно собрались и уселись вокруг ее юбок. Им пора уже учиться летать и плавать, подумала она. Над близкой рощей прошагала вереница многоликих и приседающих на ходу олеожаров. «Пора, пора!» – донеслось до нее. «Всем подъем!» – скомандовала она, и птенцы тут же устремились в воздух, а потом стали опус-

каться, будоража озеро. Из-за рощи выехал и остановился автобус компании «Питер Пэн». Никто не вышел из серебристого рывдана, кроме одного ловкого молодого человека вполне питерского вида. Боги Невы и Онеги, призраки Стрёмы и Вольжи – да ведь это же Славка Горелик собственной персоной! Да как же он мог здесь появиться посреди такого всего не нашего? Ах да, запомнвала малость, ведь тюрьмы-то рухнули в родных краях. Да ведь он же меня ищет, он за мной!

Между тем за рощей все больше собиралось олеожаров. К ним присоединялись и облакоподобные холозагоры. Громоздясь друг на друга, они выпекали нечто вроде пирога-послания, которое категорически говорило Какаше, что эпоха птенцов кончилась. Вот почему и Славка появился, Горелик! Принц нашего поколения отвязанных девушек, ты снова со мной! Почему же он не приближается, господа холозагоры, мадемуазели олеожары? Я ему кричу через озеро, а он не слышит, да я, кажется, и сама себя не слышу. Он там закуривает свою сигарету, спичкой, вижу, помахивает, чую запах табака. Славка, иди же сюда, неужели не можешь перепрыгнуть это факин озеро? Этель, Эланор, помогите молодому человеку, поднимитесь в воздух, предоставьте ему свои лапы! Лебеди извиняются умоляющими глазами: мы не в силах, дорогая владычица парка Абраша, мы для этого не приспособлены, мы для создания фона изящества. Горелик, курнув, гасит сигарету, поворачивается спиной, на которой у него висит рюкзак со знаком доллара. Холозагоры и олеожары перегруппировываются и создают для парня манящую даль. Славка, не уходи! Он не слышит, уходит. Холозагоры и олеожары увещевают Какашу: дитя, в озеро не бросайся, еще не все!

Асфальтовая дорога начинает выкатываться из клубящихся туч, а на ней открытый «Форд Мустанг» собственного Наташиного года рождения. Ну и прикол, да в нем же наша аристократия, Жека граф Воронцофф и Колян князь Олада в дурацких блейзерах с медными частями. «Нэтали!» – кричит старичье и бегут к ней на вершину закаканного птенцами холма. Приблизившись, не верят своим глазам, рыдают в своих собственных объятиях. Девушка хохочет, стремительно теряя насадкин вес, возвращаясь в свой образ тоненькой егозы от Нарвских ворот. Они протягивают к ней свои четыре руки. Она заворачивается в их объятия. Отправимся теперь в край кристальных водопадов, призывают они. Да хоть в жопу, соглашается она и перепрыгивает через борт «мустанга» прямо на заднее, историческое для «поколения Вудстока», сиденье.

Как раз в это самое мгновение Эйб Шум встал на линию штрафного броска. Оставалось несколько секунд в решающем матче «Слонов» и «Колдунов». Счет был в пользу первых, 109:108. Болели ребро, локоть и подбородок. Еще бы, едва он вышел на площадку, чтобы спасти игру, центральной «Слонов» 7-футовый 250-фунтовый Чак Трансморанси обрушился на гнусного профа, которого ненавидела вся НБА за исключением «Колдунов» – те его любили. Таким образом отчаявшийся гигант добился только одного: не дал Шуму совершить еще один патологический трехочковый бросок из невообразимой позиции. Два штрафных броска оставались за «Колдунами», исход матча был решен. Исторгая чудовищный рев, стадион поднялся на ноги, хотя те, кому подальше ехать, уже пробирались к выходу.

Судья бросил Эбрахаму мяч. Любимая и ненавистная округлость почему-то вывалилась из рук. Он тут же снова ее схватил и несколько раз постучал об пол, как будто готовился к решающему броску. Поднял мяч над головой. Мелькнули ухмылки «Колдунов» и перекошенные от ярости губы «Слонов». Лишь трое присутствующих на площадке игроков неафриканского происхождения сохраняли бесстрастность. На этих лицах вы никогда не прочтете драматургии борьбы. Страсть и горечь впечатываются в темную кожу. Чак Трансморанси смотрит на Шума, как Отелло на Дездемону. Но я не Дездемона, сучий Чак, думает Шум. За мгновение до броска внезапное страннейшее чувство пронизывает его: о нет, я, кажется,

Дездемона, это так же верно, как то, что я Отелло, я Дездемелло, мяч полетит мимо, и я все сейчас потеряю в этот момент.

Вместо того чтобы описывать далее позор Шумейкера, автор признается доверенному читателю, что в этом месте он скомкал и отшвырнул незавершенную страницу.

Все вдруг рухнуло. Весь замысел хитроумного Стаса обернулся вздором. Счастья, увы, не создашь на бумаге, как ни подгоняй края. В строптивости героев выявляется общий ущерб. «Малые триумфы» лишь делают вид, что выливаются в реальное торжество. Малахольная Коломбина вдруг покидает Пьеро, и он остается один с равнодушно мерцающим в небе Микроскопическим. Он вдруг понимает, что это была вовсе не его история, что это была ее история, а его здесь просто подставили, чтобы поддержать сюжет. Стас, оставь ему хотя бы пса! Да, Байрон не уйдет, он будет сидеть рядом с тахтой, на которой лежит, распротерт, его незадачливый папочка, и подвывать в тоске по исчезнувшей среди этих страниц нежной сучке королевских кровей, чей пушистый хвостик он так любил прижимать своим пузом к ее спине. Автору остается только скомкать еще одну страницу, выйти в сумерках в парк, ходить там в одиночестве, звать Прозрачного прислониться к его огромному стволу, послушать его шумящие ветви, вернуться на свой чердак, вытащить из корзины скомканный лист, расправить его и переписать набело.

Часть V

Горе, гора, гореть драма в двух актах

Действующие лица:

ГОРЕЛИК СЛАВА, авантюрист, 30 лет.

НАТАША (Какаша) СВЕТЛЯКОВА, секс-рабыня, 23 года.

ПОЛ ФЭЙМОС, он же барон Павел Фамус, мэр и президент банка «Дип Чазм», 70 лет.

СОФИ, его дочь, 18 лет, член олимпийской команды по лыжам; на выданье.

АЛЕКС МАММ, он же Алексей фон Молчалин, управделами банка «Дип Чазм», лыжник-неудачник, 25 лет.

ГРАФ ДЖИН ВОРОНЦОВ, «Жека», электрик и владелец магазина «Уорренти офф Фёрст Класс энд Электрик Рипэар»,⁵³40 лет.

КНЯЗЬ НИК ОЛАДА, «Колян», водопроводчик и владелец магазинчика «Эврифинг ю нид энд Пламинг»,⁵⁴40 лет.

ГАБИ НАРД, он же князь Нардин-Нащокин Гавриил, обеспеченный пенсионер, моралист, 65 лет.

МАДАМ ЛИДИ, его жена, обеспеченная пенсионерка, сплетница, 42 года.

МИМИ КАЙСЫНКАЙСАЦКАЯ-СОММЕРСЕТ, светская дама и всеобщая «гранд-маман», за сто.

РЕПОРТЕРЫ, ПАРОЧКА ШУСТРЫХ ШАКАЛОВ ПЕРА.

ГОЛОС ПОЛКАНА.

ФАНТОМ НБМ.

Жители поселка Бёрчтри Вэлли (Березань), лыжники и туристы.

Акт первый

Перед началом действия все персонажи появляются перед занавесом, для того чтобы сделать своего рода стихотворные заявки на участие.

Гладким ходом, по-светски, выкатывается престарелый бонвиван Пол Фэймос. ФЭЙМОС.

Я с детства полюбил овал,
Владыкой стал горы, долины,
Богач, банкир, но фёрст оф олл,⁵⁵
Создатель рифмы удлиненной!

Родная рифма, русских жар,
Ты помогла во время оно,

⁵³ От англ. Warranty of First class and Electric Repair – Первоклассные гарантии и ремонт электрики.

⁵⁴ От англ. Everything you need and plumbing – Все, что вам нужно, и водопроводные работы.

⁵⁵ От англ. first of all – прежде всего.

Когда нас голод рьяно жрал
И запивал слезой соленой.

Отцы – московские тузы,
А мамы – светские эстетки,
Поклонницы *charmante musique*,⁵⁶
Здесь все работали, как тетки.

Теперь я стар, души гроза
Гремит все крепче. Русским ясно:
Мы основали Березань,
Нью-Гемпшира цветущий яшень!

(Отходит в сторону.)

Бурно, словно на трассе скоростного спуска, к занавесу вылетает Софи Фэймос.
СОФИ.

Мне минуло восемнадцать лет!
Не знает сердце боли,
Когда несусь, как самолет,
Нью-гемпширским привольем!
Я чемпион олимпиад!
Секунды, не спешите!
И, как поет Эдит Пиаф,
«Любовь мне в ухо дышит»!

(Отходит в сторону.)

Появляется корректный молодой человек, не лишенный, правда, некоторой косолапости, что появляется у лыжников на плоской поверхности, Алекс Мамм.
МАММ.

Уймись, волнения страсти.
Я щелкаю секундомером.
Поднимем шипучего «Асти
Спуманте»! Нас ждут гондольеры.

Как тренер, а также мужчина,
Я в сердце сижу чемпионки.
Пусть я молчалив, как машина,
Любовь – не резервная шина,
А вечности ласковой чётки.

(Отходит в сторону.)

Энергично, чтобы не сказать фривольно, на кресле-каталке с привязанным к спинке воздушным шариком, выезжает Мими Кайсынкайсацкая-Соммерсет.
МИМИ.

⁵⁶ Прелестной музыки (фр.).

Мне с чем-то сто, и с чем – немало.
Век декадентства миновал.
Вглядись в неровный слой эмали,
Не там ли бродит минотавр?

Что ты, что ты, что ты, что ты?
Я солдат девятой роты,
Тридцать первого полка!
Ламца-дрица-ца-ца!

Мечты о дальних светозарах
Нас уносили на века,
Когда шалили в дортуарах,
Не ведая большевика.
Что ты, что ты, что ты, что ты?
Вот корнет в одних ботфортах
Кавалергардского полка,
Ламца-дрица-ца-ца!

Какие были джентльмены!
Плясали Пат и Паташон!
И проплясали все пельмени,
Лишь гадский вьется запахок.

Что ты, что ты, что ты, что ты?
Я из пятой разведроты
Конницы пролетарьята,
Пасть пахучая разъята.
Здесь не терпят гордеца,
Ламца-дрица-ца-ца!

(Откатывает в сторону.)

Сдержанно, тонно проходит местный электрик граф Воронцофф.
ВОРОНЦОФФ.

Нам внятно все – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений,
Но русский ток пока еще не смысл
Плевел злокозненных поползновений.

В родной глуши я весь аристократ,
Распространитель качеств и количеств.
Как был среди философов Сократ,
Таков и я по части электричеств.

Включая вечером в квартире свет,
Вы вызываете одно из таинств.
Сей тайны не постиг ни Ист, ни Вест,
Как непостижно то, что вносит аист.

(Отходит в сторону.)

На манер московского пьянчуги-работяги по сцене косолапит местный водопроводчик князь Олада.

ОЛАДА.

Моя маман, равно и мой папа,
Унверститетов не кончали.
Вода моя текла, бурля, сопя,
Трубу нащупала упрямая стопа,
Наш княжий дух мне пел виолончелью.

На родине ужасных праотцов
Я увидел своих коллег воочью.
Зачистили мы дюжину концов;
Таков наш брат, Москвы водопроводчик!

От них я научился красоте
И краткости гулаговского сленга.
Сквозь ржавчину вода текла, рассвет
Нас пробуждал, словно детей в пеленках.
Теперь вставай, смири же боль в коленках!
И будет там вода, и твердь, и Божий Свет!

(Отходит в сторону.)

Как пара доберманов, на сцену выскакивает пара репортеров.

РЕПОРТЕРЫ.

Воспитанники школ престижа,
Больших амбиций молодежь,
Горбатим тут средь горной стужи
И русский слушаем скулёж.

Такие выпретенные рожи!
Тут впрямь становишься Толстым,
Но репортеры скачут с грыжей
И задницу бодрят хлыстом.

(Отходят в сторону.)

Походкой светского человека, маскирующей порядочную склонность к сплетне, с тросточкой появляется Габриэль Нард.

НАРД.

Один стоит под гнетом коромысла,
Другой горазд в перестановке смысла,
Но смешивать два этих ремесла
Есть тьма охотников – я не из их числа.

Свет, как всегда, сквозь сплетни волочится,

А я, как истовый нравоучитель,
В любом злословье, к коему влечете,
Ищу мораль и вот живу в почете.

Как ветеран компании известной,
Я укрепляю стены вам известкой,
И вот наш дом по зимам и по веснам
Нетлен стоит и одобряет сосны.

(Отходит в сторону.)

В танце, напоминающем то вальс, то танго, на сцене появляется мадам Лиди.
ЛИДИ.

О эти женщины Бальзака,
Мы так тревожно хороши!
Мы не чураемся бальзамов,
В букетах носик наш шуршит.

Мой муж на четверть века старше,
Пенсионер и моралист.
Я вижу, он с гондолы шара
Опровергает плюрализм.

Пенсионеркой стала в сорок,
Но уши слышат каждый лист,
Процеживают слухов ворох,
В которых смысл событий слит.

(Отходит в сторону.)

*Неотразимой мэрилинмонровской походкой появляется наша главная героиня **Ната-
лья Ардальоновна Светлякова, т.и.к. Какаша.** Читает с грустью.*
КАКАША.

Была я там, где каждый хам хамит,
Где на пол падают вонючие галоши,
Там океан, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

Волна и ветер так творят разбой,
Что паруса все вспучились на флоте,
Хрипит подсунутый к губам гобой,
А мне все помнится игра на флейте.

Прощай, мой принц, грусти иль не грусти,
Какаша я, а вовсе не Елена,
Ты побросай лишь камешки в горсти
И посмотри во глубь воды зеленой.

Быть может, там увидишь свалки битв,

И медный схлест близ мифа, возле Трои.
Что делать мне, раз в доме нету бритв?
Бежать и спрятаться в нью-гемпширском Тироле?

(Отходит и сторону.)

*И наконец, походкой отпетого московского «брателло», что пребывает в резком контрасте с неглупой физиономией, появляется наш главный герой **Слава Горелик**.*

ГОРЕЛИК.

Мой дедушка отменных правил
Марксизму ум свой посвящал,
А внук в ответ смотался в Ревель,
Вернулся с ненавистью к ЩА.

Зверек трехглавый, хвостик гадкий,
Ползет, как тать, скулит шакал.
От ЩА ль удрали без оглядки
Стравинский, Бунин и Шагал?

Красотки все рванули в бегство,
Одна из них – моя жена.
К чужому подалася брегу,
Щавотиной обожжена.

Я стал большим капиталистом
И все ж, как зэк, люблю лапшу.
Услышу ль я твое монисто?
Умру ль иль в звоне попляшу?

Ей двадцать три, а мне уж тридцать,
Но впереди большой роман.
Три пьесы в нем, пиры, и тризны,
И разной прозы бахрома.

(Отходит в сторону.)

Вслед за тем все герои возвращаются к центру, берутся за руки и раскланиваются перед началом действия.

Действо происходит в девяностые годы завершающегося века на горнолыжном курорте в одном из северо-западных штатов США. Аккуратные тропинки в сугробах, вокруг цветущие снега. Разгар сезона, январь. По склонам иногда проскальзывают игрушечные фигурки слаломистов. Вверх по проволокам ползут кабинки. Эти картинки служат постоянным фоном действия, однако в начале спектакля мы ничего этого не видим, потому что царит раннее зимнее утро, вроде не предвещающее лыжной погоды.

Сцена представляет собой крошечную главную улочку поселка Бёрчтри-Вэлли, по-русски Березани. Посредине замерзший фонтан. Сбоку, разумеется, несколько берез в живописной асимметрии. Слева двери и окна банка «Дип Чазм», особняка Пола Фэймоса и лыжного магазина «Уорренти офф Фёрст Класс энд Электрик Рипэар». Справа – двери и окна кафе «Анкл Саша», гостиницы «Фэймос Инн» и магазинчика под названием «Эврифинг ю нид энд Пламинг».

Раннее, раннее утро. Солнце только лишь заявило о своем приближении – над горой, которая замыкает нашу панораму, проявилось мутноватое свечение.

Возле фонтана – две окоченевшие фигуры фотографов. Два аппарата на триподах нацелены на особняк Пола Фэймоса. Ситуация классическая для XX века: дичь выслежена, охотники ждут, оружие на изготовку.

Несколько минут проходит в молчании, только слышно, как фотографы булькают спасительным виски.

*Окно спальни на верхнем этаже бесшумно открывается. В проеме появляется фигура **Алекса Мамма**. Он осторожно оглядывает улицу, но явно не замечает фотографов, принимая их, очевидно, за неживые предметы. Переносит ногу через подоконник.*

*За его спиной из глубины комнаты появляется обнаженная **Софи Фэймос**, прижимается сзади к Мамму.*

СОФИ. Уходишь, солнце мое ночное?

МАММ. Чао. (*Переносит во внешнюю среду свою вторую ногу.*)

СОФИ. Ты совсем забывает, как это бывает русски.

МАММ. Ну, адью.

СОФИ. Вот так-то лучше, солнце мое ночное.

Фотографы включают свой свет и начинают щелкать камерами. Мамм летит вниз. Выскакивает из сугроба.

МАММ (свистящим шепотом). Мамоёбы-папараццы! Отдавайте пленки! (Пытается поймать хотя бы одного фотографа, но не тут-то было: те профессионально улепетывают.)

*В разгар этой довольно нелепой погони на сцене появляется **Слава Горелик**. Он явно только что приехал. Но откуда? Определенно не из снежных краев. Во всей его фигуре сквозит какой-то бразильский шик: белые шатны, сандалеты, защитного цвета федора,⁵⁷ свитерок, предназначенный для тропических бризов, но отнюдь не для горных вьюг.*

Погоня между тем кружит вокруг фонтана. Слава подставляет ногу набегающему Мамму. Тот со всего размаха влетает в сугроб. Фотографы смываются. Мамм вылезает из сугроба.

МАММ. Ты чё, мэн?

ГОРЕЛИК. Нормалёк. Если двое драпают от одного, значит, надо помогать. Значит, они беззащитны, как бурундуки, ну, по-вашему, «чипманкс».

МАММ. По-вашему тоже бурундуки.

ГОРЕЛИК. Главное, чтобы ты понял логику: человек не должен губить бурундуков.

МАММ. А чё они?

ГОРЕЛИК. Бурундук ведь тоже возник как участник мировой феерии. Ты это понял?

МАММ. Ну.

Завершив диалог в свойственном горцам стиле, Алекс Мамм покидает место действия.

Горелик подходит к дверям гостиницы, смотрит на часы.

⁵⁷ Вид мягкой шляпы.

ГОРЕЛИК. Гостиница закрыта, но «мест нет» на месте. Неужели это действительно та самая русская пьеса в Америке? Так что мы тут еще имеем в антураже? Кафе «Дядя Саша». Подожду возле кафе. Любопытно, какого дядю Сашу тут имеют в виду – Пушкина или Грибоедова? Так или иначе, в таком городке кафе должно открываться раньше других заведений. *(Подходит к столику на открытой веранде, стряхивает снег со стула, вытаскивает из котомки бутылку шампанского и засовывает ее в снег на столе, чтобы охладилась. Сидит непринужденно, словно на пляже Копакабаны; холод его не берет.)*

(Продолжает.) Хоть это и похоже на происки Стаса Ваксина, все-таки я, кажется, попал туда, куда стремился. Тот самый банк, о котором говорили ребята в Нью-Йорке. Между прочим, а не купить ли мне его со всеми потрохами? Олл райт, посмотрим по обстоятельствам. Да, чуть не забыл, – ведь вчера в Рио тот авторитетный нарисовал мне план этого горнолыжного местечка. *(Рыщет в карманах, вытаскивает ресторанный салфетку.)* План один к одному, все совпадает, сразу видно, что бабки не пропали – тут поработал профессионал. А вот и имена здешних русских корифеев. Президента банка зовут как-то по-грибоедовски – ну вот, спасибо, это не кто иной, как мистер Пол Фэймос; сразу повеяло классикой, Малым театром, дворянской сатирой. А вот еще два источника нужной мне информации – электрик Джин и водопроводчик Ник, также известные как Жека и Колян. Тут, видно, и в самом деле все слегка на русский лад. Братва в Каракасе, а раньше и братва в Санкте говорили, что здешнее графство иногда называют Уайтраша, иными словами Уай Траш А? – такая тут, видите ли, сложилась Белоруссия с потомками наших благородных семей в главных ролях.

«Ты будь там, Славка, поосторожней, – так говорили в Санкте. – В этом местечке можешь не только на гоголиану, но и на Достоевщину нарваться. А самое главное, не вляпайся в грибоедство». Позвольте, но как в русской пьесе избежать классических влияний? С осторожностью тут далеко не уедешь.

Кому же здесь будет предназначена роль Чацкого? Может быть, автоматически мне как приезжему? В таком случае придется разочаровать как труппу, так и зрителей: я не Чацкий, я Слава Горелик. В моей фамилии живут три парки – Горе, Гора, Гореть. Вот именно: как у Ахматовой, а не как в «Горе от ума». Я не чажу – я горю, уважаемая публика, друзья русского театра.

Однако так или иначе, в моем положении было бы лучше для начала прикрыться какой-нибудь иностранной кликухой. Назваться, скажем, Бенни – от Лифшица, и Менделлем – от Осипа, почему бы нет? Бенни Менделл, звучит вполне лояльно, никому и в голову не придет, что имеет дело с пресловутым «новым русским» Славой Гореликом. *(Вынимает из сугроба шампанское, хлопает пробкой.)* Бенни Менделл, Слава Горелик пьет за тебя! Хорошо пошло! Теперь ты пей за меня, Бенни! Отлично! До конца пьесы ты будешь тут витать вместе со мной, а потом, если захочешь, действуй самостоятельно. Но лучше не надо, лучше держись меня. Кликуху все-таки не раздуешь до полновесной персоны. *(Оглядывает обстановку.)* Ну что ж, пока все идет неплохо. Место назначения достигнуто, впереди неизвестность. Шампанское клопочет хорошо, а не сочинить ли мне стихотворение? Где мой набор рифм, что в самолете надьсы набросал? *(Вытаскивает самолетное меню.)* Ага, вот оно. Крузенштерна – крупные зерна или узы терна; взирали – Израиль, это пойдет... *(Углубляется.)*

Пока главный герой таким образом разглагольствует, на сцене появляются еще два персонажа. Поднимает шторы своего лыжного магазина «Уорренти офф» граф Воронцовфф, Джин-Евгений. Из магазинчика «Эврифинг энд Пламинг» высовывает сизый нос Николай князь Олада. Друзья бросаются друг к другу, словно давно не виделись.

ОЛАДА. Джин, это ты, фак твою! Хау зи фак ю дуинг?

ВОРОНЦОВ. Хай, Ник, целый век тебя не видел!

ОЛАДА. Если от двух утра до семи утра проходит вечность...

ВОРОНЦОВ. Иногда проходит несколько вечностей, мэн.

ОЛАДА. Я бы на твоём месте не курил эту местную дрянь. Трава должна расти там, где ей предписано матушкой-природой, то есть на юге. Мужики приносят ворохи этого добра со своих секретных делянок в горах, однако неизвестно ведь, чем они её удобряют. Сэкономил ерунду, а потерять можешь свой главный ассет.

ВОРОНЦОВ. Мне это не грозит. Мой главный ассет за себя постоит, это известно всем кадрам в долине!

ОЛАДА. У тебя только одно на уме, факингграф.

ВОРОНЦОВ. А у тебя что на уме, ваше сиятельство?

ОЛАДА. Общая природа, общая наша семья, здоровье наше с тобой, её здоровье, здравый смысл – вот что у меня на уме, вот почему я курю только натуральную марихуану. Ещё со времен Вудстока я дал себе зарок курить только натуральную марихуану.

ОБА. Вудсток! *(Оба на мгновение благоговейно затуманиваются, потом возвращаются к реальности.)*

ВОРОНЦОВ. Ну ладно, Олада! Ты как упрешься рогом в одну тему, не слезешь до скончания дней. Почему ты не спросишь, где я путешествовал этой ночью? Через какие фантазмы я проходил вместе с нею, с Какашкой! Нет, поистине, секс – это окно в метафизику!

ОЛАДА *(помрачнев)*. Нечего трепаться, граф, и нечего вместе с нею проходить через фантазмы. Нас все-таки трое, и все мы русские люди. Конечно, она была секс-рабыней, но сейчас она все-таки супруга двух, подчеркиваю, двух порядочных людей, из которых один никогда не слезет с натуральной марихуаны.

ВОРОНЦОВ. Все тот же спор славян. Ладно, давай-ка, князь, головки поправим. Тащи «Джека Дэниэла»!

ОЛАДА. Эх ты, Воронцов-Уорренти-Офф, пиво по утрам тебя уже не устраивает, катишься вниз по наклонной плоскости. *(Вытаскивает из кармана бутылку виски.)* Пора тебе записываться к «Анонимным Алкоголикам».

ВОРОНЦОВ *(хитровато улыбается)*. Пожалуй, ты прав, Олада, – прячь бутылку до ланча, начнем с пива. Как в Питерето наши друзья говорили: «Пивка для рывка».

ОЛАДА *(злится, но бутылку не прячет)*. Ты думаешь, Джин, что ты больше русский, чем я? Олады, между прочим, от Рюриков гребут, а Воронцовы малость портяночкой пахивают, особенно с этим говенным двойным «ф». Чем ваша семья прославилась, тьфу тебя и изыди? Травили наше национальное солнце поэзии?

ВОРОНЦОВ. Того арапа? А не травил ли он сам нашу Елизавету Ксаверьевну? Сколько раз мне тебе говорить, что он был вне контекста. Полностью вне контекста.

ОЛАДА. Джин, я когда-нибудь бутылку обломаю о твою башку за эти «контексты», тьфу тебя и изыди. Учись все-таки по-русски думать и изъясняться, Божий электрик. *(Вынимает из другого кармана бутылку водки «Жириновский».)* Вот она, родная, и с портретом аристократа на этикетке. Вот с чего нам надо начинать по традиции!

ВОРОНЦОВ. А вот теперь ты дело говоришь, Ник, Божий водопроводчик! Сдирай пробку!

ОЛАДА. Вот и опять ты сел в лужу, граф. Да какой же русский утром распивает «Жириновского» на двоих? Русский человек, простой, искренний, незлой, всегда ищет компанию на троих! Об этом еще Джон Стейнбек писал!

ВОРОНЦОВ. На этот раз ты прав, друг. Вон там наш третий загорает возле «Дяди Саши». По всем приметам, не откажется.

ОЛАДА. Давай из-за уголка его позовем по традиции.

Между тем Славка Горелик, разомлев на двадцатиградусном морозе, что-то пишет на меню, иногда впадая в задумчивость сродни той, что появляется у хорошего финансиста при подсчете «аскетов» и «лайбелитис». Он не замечает, что два косолапых парня направляются к нему.

ГОРЕЛИК. Ну вот, готово, стих с синкопой! На этот раз всего лишь двенадцать с половиной минут. Главное – набор рифм. Смысл появляется сам по себе. Всем путешественникам советую: бросьте кроссворды, сочиняйте стишки. (*Читает из меню.*)

С набережной Крузенштерна
Трясется в трамвае на остров Елагин.
Ёжится, будто бы в узах тёрна.
После бредет, словно узник ГУЛАГа.

Марш-барабан и рядами стальные каски.
Сколько столетий на них взирали!
Дни распродажи богатств Аляски,
Годы отъезда в родной Израиль.

Склоны, поросшие можжевельником.
Связки колбас с холестерином.
Ваше величество, можно вольно? —
Мнится Улиссу голос сирены.

Гордые линии: Темза, Рига.
Стены из кладки энциклопедий.
Щурится знаний хват-мастерюга,
А сам косолапит с ленцой медведя.

Фалды подбросив, он сел к пианино.
Вот вам аккорды, толпа, нахалы!
Где ты, красотушка бабка Арина?
Дай я прочту тебе стих сначала!

ОЛАДА (*Горелику, по-русски*). Эй, хлопская дубрава, гордая пролетария, джентльмешонок полей (*хихикает*) для гольфа! Будем выпивальство а труа?

ГОРЕЛИК. За эту «гордую пролетарию», Ерема, ты ведь можешь и в лоб получить. Вы кто такие?

ВОРОНЦОФФ. Мы, видите ли, потомки русской аристократии, восемьдесят лет назад поселившейся в Бёрчтри-Вэлли. Я граф Евгинарий Воронцофф, ну, в общем, Жека, по-английски Джин Уорр, удачливый торговец.

ГОРЕЛИК. «Уорр» всегда удачливый торговец.

ОЛАДА. А я князь Олада, честный торговец. По-здешнему, Ник Ола, а по обычаю старорусскому и по новому, петербургскому, зови меня Колян. Я также помогает коллективку по части трубок.

ГОРЕЛИК (*в сторону*). Кажется, сразу на нужный народ вышел. (*Жеке и Коляну.*) А я спец из Санкта по части геральдики и семейных хроник. Меня зовут (*замаялся, пытлииво взглядывается в черты собутыльников*) Бенни Менделл, к вашим услугам.

ВОРОНЦОФФ (*в сторону*). Бенни Менделл, а так ведь сразу и не скажешь!

ОЛАДА (*вынимает «Жириновского» и три пластмассовых стаканчика*). Ну чаво, мужичье, «он сказал: поехали», что ли?

ГОРЕЛИК. Дай-ка я сам разолью. У меня глаз – ватерпас!

Все трое употребляют свои дозы. Джин Уорр, изящно отставив в сторону мизинец. Ник Олада крикает и трясет башкой в национальном стиле. Горелик-Менделл – по-богемному, как бы между прочим.

ГОРЕЛИК. Закуска есть?

ОЛАДА. Закуска сей ранний час не имеет себя, тьфу тебя и изыди, эвейлабл.⁵⁸

ГОРЕЛИК. Ну, тогда придется мануфактуркой. (*Вытирает губы рукавом, нюхает ткань.*)

ОЛАДА И ВОРОНЦОФФ (*изумленно и радостно*). Да неужто ты... вы... прям отсюда?

ГОРЕЛИК. Я же сказал, что я из Санкта, специалист по вашим блядским родословным.

У меня командировка в эту местность.

ВОРОНЦОФФ. Где это – Санкта, позвольте вас спросить?

ГОРЕЛИК. Это там, где ваши предки понастроили дворцов и нанербовали жандармов; там, где они в детских штанишках с оборками совершали променады под надзором мадам Клико и месье Татинже; там, где ветер, летя по главному проспекту, приносит с собой всю Северную Европу и кусок Италии... Ну, понятно?

ВОРОНЦОФФ И ОЛАДА. Неужели из Ленинграда, приезжий, соу джентл, соу мэн?!

ГОРЕЛИК. Из Его Величества Рабочего Класа Колыбели Революции Имени Кирова Города-героя Святого По-голландски Города Петра. (*Взгляд его на мгновение благоговейно затуманивается.*) Честь имею, ваши сиятельства, перед вами – представитель третьего поколения советской аристократии-бюрократии.

Воронцов стоит неподвижно, стараясь не уронить достоинства перед таким знатным приезжим. Между тем князь Олада в восторге совершает довольно медвежий танец, выдергивая из сугробов то сучок «Зюганов», то коньяк «Шохин», то вермут «Явлинский».

ОЛАДА. Ну, прохоженствующий, не знаю, как тебя всамделе звать, давай разливай! У тебя глаз-то действительно ватерпас!

ГОРЕЛИК (*завершив молодецкую выпивку*). Ну, братва, я захорошел!

ВОРОНЦОФФ И ОЛАДА (*восторженно*). И вы захорошел, и мы захорошел! Какая вокабулярная экспрессиона, как бы сказала прабабушка Мими!

ГОРЕЛИК. Скажи, братва, тут в ваших краях такая девушка-блондинка не появлялась?

ВОРОНЦОФФ И ОЛАДА (*хохочут*). Много их тут появлялось. Основательно! Вот именно так, как вы описали, блондинки, блондинки, но есть и брюнетки. Блондинки, паря, слегка приелись, в горах в снегу грезить о кастаньетах, о фламенке... Точнее нельзя? Шо за блонда тебя интересует, Бенни-бой?

ГОРЕЛИК. Неотразимая такая. Сумасшедшая. Звезда станции метро «Нарвские ворота». Наташка Светлякова такая по прозвищу Какаша. Ее кто-то в Америку увез... (*Застывает со стаканом очередного напитка в руке, на лице его отражается неподдельное страдание.*)

ВОРОНЦОФФ (*отводит в сторону Оладу, шепотом*). Ну, князь, вот так попали! Этот Бенни Менделл нашу мечту, нашу супругу хочет поймать, надергать из нее перьев.

ОЛАДА. То-то она прошлый раз кричала; он придет, придет, он освободит меня из рабства! Как напьется или нажрется, так обязательно Славку Горелика какого-то зовет. Слушай, граф, она ни разу никакого Бенни Менделла не называла.

ВОРОНЦОФФ. Шат ап, Ник! Ни слова больше на эту тему! (*Горелику.*) Нет, Бенни, таких, как вы описываете, у нас тут сроду не было. Но не горюй, душка, найдутся и не хуже.

⁵⁸ От англ. available – имеющийся в наличии.

Из дома Фэймоса выходит Софи. Она в лыжном костюме и с лыжами. Деловито проверяет экипировку.

ГОРЕЛИК (*Воронцовфу*). Как ты меня назвал? Чушка?

ВОРОНЦОВФФ. Я вас назвал «душка», а не «чушка». Это просто так по-дворянски, любезнейший.

ГОРЕЛИК. За такие любезности можно и по хребтине получить! Ну погоди, граф кисельный, в смысле седьмая вода на киселе, я ведь всю твою родословную знаю!

ВОРОНЦОВФФ. Милостивый государь! Не забывайтесь!

ОЛАДА (*основательно поплыл*). Мир, пацаны! Мэйк лав, нот уор!⁵⁹ Мы за мир, и песню эту не упрячет враг в штиблету!

Проходящая мимо Софи Фэймос фыркает прехорошеньким носиком: дескать, что за свинство развели здесь эти мужсланы.

ОЛАДА. Куда рулишь, София Премудрая?

СОФИ. Будто вы не знаете, дядя Коля. Всего неделя осталась до стартов Килиманджаро, надо тренироваться. (*Замедляет шаги, внимательно изучает фигуру Горелика.*)

ВОРОНЦОВФФ. Дочь министра-капиталиста барона Фамуса, если по-русски. Софи Фэймос, олимпийская чемпионка. (*В сторону.*) По ночным видам спорта.

СОФИ. А вы дурак, дядя Евгинарий. Ваши реплики в сторону прекрасно доходят до моих ушных мембран, еще не тронутых возрастом. Граф, не стыдно ли вам постоянно волочиться за молодежью? Ваш друг из Рио-де-Жанейро еще подумает, что вы что-то обо мне знаете.

ГОРЕЛИК. Простите, мисс, но почему вы решили, что я из Рио?

СОФИ. По вашей шляпе. Никто из бразильцев не носит такого, но наши все возвращаются из Рио в этих шляпах. Им, тем нашим, ну, скажем, дяде Коле и дяде Жеке, кажется, что после поездки в Бразилию они стали авантюристами, между тем не вылезали из бара отеля. А то еще на родину предков повадились, изображают там всяких гусар: поручик Голицын, корнет Оболенский, всяких там Лермонтовичей и Пушкинзонов. В недалеком прошлом приехали два этих наших бюргера из Санкт-Петербурга такие, видите ли, загадочные, как будто там какой-то кусок любви отхватили. И все время норовят «а труа» – даже с племянницами.

ГОРЕЛИК. Какая наблюдательность! Какая пронизательность! Какой высокий моральный стандарт! Разрешите, я провожу вас до вашей трассы?

СОФИ. Только без расчета на «куики». То есть без «пистона», по-рашенски.

ГОРЕЛИК. О боже мой! Юная баронесса! Как вы могли предположить столь нахальные намерения с моей стороны? Смею вас уверить, я как кабинетный ученый являюсь солидным и даже слегка консервативным членом общества.

СОФИ. Мэн, что-то вы не похожи на консерватора. Скорее напоминаете сексуальных бандитов, которые всегда собираются вокруг Олимпийских игр в надежде потрахать опьяненных успехом чемпионков.

ГОРЕЛИК. Я не из их числа, барышня. Уж если я встречаю какую-нибудь чемпионку, неизменно влюбляюсь до умопомрачения. Ночные безумные телефонные звонки, раблезианского масштаба муки ревности, тонны стихов и пр. и др. Что касается непосредственно вас, то я ведь вас вычислил задолго до того, как вы побили Кламзи Батток⁶⁰ и Лиззи Ярд на страшных склонах Килиманджаро. Ведь вы же шестнадцатая баронесса из третьего колена Фамусов, не так ли?

Вы удивлены, вы даже шокированы, однако поверьте, в этой разработке нет ничего скабрёзного. Дело в том, что я историк, архивист, и моя главная тема – это родословные рос-

⁵⁹ От англ. Make love, not war! – Занимайтесь любовью, а не войной!

⁶⁰ От англ. Clumsy Buttoc – неуклюжая задница.

сийского дворянства. Ваш род я прослеживаю до Смутных времен. В войске Лжедмитрия Первого сражался бельгийский капитан Фома Уссе. Считалось, что он пал на поле брани, однако я достоверно установил, что он в течение пятнадцати лет после даты предположительной смерти получал пособие от саксонского короля.

Теперь держитесь за что-нибудь, лучше всего за меня, Сонечка! Россия притягивала бродячих капитанов своими женщинами. Кавалер Уссе остался в России и женился на дочери боярина, то есть барона, Кайсын-Кайсацкого. Эта фамилия вам, конечно, известна, однако вы никогда не предполагали такой кровной близости к Мими, что была национальным сокровищем как Англии, так и Калмыкии. Ага, я вижу, вы слегка закачались? А ведь мы только начали рассказ о славной династии, о которой немало всякого, в том числе и клеветы, распространялось в свете.

СОФИ. Чем это от вас так сильно несет?

ГОРЕЛИК. Это водка «Жириновский».

СОФИ. Я потрясена. Вместе с запахом водки «Жириновский» вы приносите мне память о капитане Фоме Уссе, о котором я, признаться, никогда не находила никаких сведений в семейных анналах.

ГОРЕЛИК. Пеняйте на анналы.

СОФИ. Значит, цель вашего приезда в нашу Березань...

ГОРЕЛИК. Интервью, интервью и еще раз интервью. С их помощью я надеюсь найти недостающие звенья в генеалогической паутине семейств Олада, Воронцовых, Фамусовых, фон Мочалкиных, Нардин-Нащокиных и Кайсынкайсацких-Соммерсет. Меня, собственно говоря, зовут по-русски д-р Горелик, Слава Горелик, всегда к вашим услугам, а по-английски Бенни Менделл, если позволите. Вы понимаете?

СОФИ (*очень возбуждена, с трепетом*). Еще бы не понять! Как могу я не понять, если вы столько раз являлись мне во сне!

ГОРЕЛИК (*как бы не замечает такого ошеломляющего признания*). Я проведу здесь не менее недели. Жаль только, что в этой очаровательной гостиничке, что напротив ваших окон, нет свободных комнат.

СОФИ. Для вас найдется.

ГОРЕЛИК. Вы знакомы с хозяином?

СОФИ. Я сама хозяйка этого отеля. Где ваши лыжи? (*Шепчет жарко.*) Человек без лыж здесь вызывает подозрение в это время года. Даже такой тропический принц, как вы.

ГОРЕЛИК. Ну, я куплю себе сноуборд в «Уорренти офф». Я слышал, что сноубордисты сейчас тут у вас задают тон.

СОФИ (*с неожиданным раздражением*). Сисси-бойз, вот кто они такие! Не настоящие спортсмены! (*С неожиданной нежностью.*) Впрочем, вам я и доску прощу. Ведь вы, сударь, как это по-русски, являнствуете фром моих мечт, подобен Онегин, подобен Байрон...

ГОРЕЛИК. Ну с этим мы разберемся, барышня.

Парочка исчезает в глубине сцены.

Между тем князь и граф сидят на краю фонтана в глубокой, почти ступорозной задумчивости: веселое опьянение патриотическими водками сменилось черным сплином, этим нередким спутником русской аристократии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.